ГРЕЙС
КЕЛЛИ
КАК СТАТЬ
ПРИНЦЕССОЙ...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Грейс Келли… Когда смотришь на фотографии времен ее работы с кинорежиссером Альфредом Хичкоком или свадьбы с принцем Ренье III — в полной мере осознаешь, что означает словосочетание «ослепительная красота». Грейс поистине ослепительна: утонченная, совершенная и невероятно аристократичная. Именно так должны выглядеть настоящие принцессы. Однако по рождению Грейс Келли не была аристократкой. И тем не менее вышла замуж за принца и взошла на трон маленького, но настоящего княжества Монако. Все — как в настоящей сказке. Однако у сказок обычно счастливый конец, а в жизненной мелодраме Грейс случилось много драм, да и сама сказка завершилась трагедией.

Причины гибели Келли до сих пор не раскрыты: правительство Монако сделало все, чтобы отвести подозрения от ее младшей дочери принцессы Стефании… Но мелодрама Грейс продолжается до сих пор: ее дети — Каролина, Альбер и Стефания — излюбленные герои желтой прессы, а биографы находят все новые и новые факты из жизни Грейс Келли — одной из самых знаменитых красавиц XX века, женщины, похожей на волшебное создание.

- Елена Таничева
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18

- Глава 19
- Глава 20
- Глава 21
- Глава 22
- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Эпилог

Елена Таничева
Грейс Келли. Как стать принцессой…

Пролог
ПРИНЦЕССА ГРЁЗА

Грейс Келли. Когда смотришь на фотографии времен ее расцвета, времен ее работы с Альфредом Хичкоком, времен ее свадьбы с князем Ренье — в полной мере осознаешь, что означает словосочетание «ослепительная красота». Грейс поистине ослепительна: утонченная, совершенная и невероятно аристократичная. Именно так должны выглядеть настоящие принцессы. Именно так они никогда не выглядят: отпрыски королевских домов редко бывают привлекательными внешне. Да и отпрыски аристократических семей — тоже.

Грейс Келли по рождению не была аристократкой. Но стала — княгиней. Да, в русской традиции положено называть правителей Монако — князьями. Но на всех европейских языках титул Грейс Гримальди звучал как «princess». Ее называли «Принцесса-лебедь», потому что своим изяществом и сияющей белизной она напоминала эту царственную птицу. Ее называли «Принцессой Грезой», в честь героини пьесы Эдмона Ростана. Она действительно похожа на волшебное создание, а история ее жизни похожа на сказку…

Только у настоящих сказок всегда хороший конец.

В истории Грейс сказка завершилась трагедией.

Глава 1
ГАДКИЙ УТЕНОК: ТОЛСТУШКА, ДУРНУШКА, ОЧКАРИК

Грейс Патриция Келли родилась 12 ноября 1929 года в Филадельфии. Ее отец, Джек Келли, был родом из многодетной ирландской семьи, начинал как каменщик, но к моменту рождения Грейс был уже практически миллионером. Даже биржевой крах не слишком подточил благосостояние семьи. Ее мать, Маргарет Майер, была из семьи немецких эмигрантов. Их с Джеком соединила страсть к спорту: Маргарет увлекалась плаванием, Джек — греблей.

Грейс была их третьим ребенком — после дочери Пегги и сына Келла. Следом за Грейс родилась еще одна сестра, Лизанна.

Из четырех детей Келли, Грейс была самой «неудачной». В этом спортивном семействе царствовал культ силы, а Грейс была болезненной и слабой, все время простужалась и хлюпала носом. К тому же она была неуклюжа, во время спортивных игр часто падала и получала травмы. Родители даже немного стеснялись ее — и, вместе с тем, жалели.

Вообще-то, начало ее истории напоминало скорее не сказку про Золушку, а другую знаменитую сказку — «Гадкого утенка» Андерсена. Казалось, Грейси чужая в семье рослых, здоровых, задиристых Келли. Казалось, ее кто-то подкинул в их шумное гнездо…

Юное дарование — Грейс Келли. 1930 г.

Она была такой тихой. Такой мечтательной. Часами играла в куклы, разыгрывая целые представления. В абсолютном одиночестве — в детстве у нее даже подруг-то не было. Зато кукол для ее представлений нужно было много, и сестры щедро отдавали ей своих. Сами они предпочитали более веселые и подвижные игры на свежем воздухе. А Грейси, дай ей волю, вовсе

не выходила бы из своей комнаты.

«В детстве я была ужасно застенчивой, — вспоминала Грейс позже, когда уже стала кинозвездой, — Я настолько боялась людей, что была готова забиться в угол, чтобы только меня не видели. Я была такая неприметная, что меня приходилось снова и снова представлять одним и тем же людям, прежде чем меня начинали наконец узнавать. Я не производила ровно никакого впечатления».

Дома, среди более здоровых, красивых и активных сестер, а тем более на фоне брата, единственного мальчика в семье, Грейс чувствовала себя аутсайдером: худшей, ненужной, нелюбимой.

«Мы всегда соревновались между собой. Соревновались буквально за все, и особенно — за любовь… Я всегда старалась усесться матери на колени и висла у нее на шее, — вспоминала Грейс. — Но меня всегда отталкивали».

Мать Грейс, Маргарет Келли — как ее называли в семье, «Ма Келли» — придерживалась тех взглядов на воспитание, которые ей привили ее прусские родители. Ее муж мог обеспечить ей прислугу, а всем своим дочкам — великолепные наряды и лучшего парикмахера. Однако Маргарет сама делала всю работу по дому, и окружающих поражало, какие у супруги Джека Келли красные натруженные руки. Маникюром и даже кремом для рук Маргарет пренебрегала. Она гордилась тем, что у нее «мейеровские руки» работящей немки. Она сама стригла своих детей, и настаивала на том, что дети должны представать перед окружающими в естественном, неприкрашенном виде. Пыталась привить дочерям равнодушие к нарядам, презрение к модницам. Была одержима идеей экономии, постоянно перешивала и перевязывала одежду от старших к младшим. Грейс донашивала платья за Пегги, но Лизанне приходилось еще хуже — она донашивала за Грейс и ходила практически в обносках. Если кто-то из детей неаккуратно вешал одежду, или не дай Бог не убирал снятое сразу же в шкаф, Ма Келли устраивала разнос и накладывала штраф: из 25 центов, выдаваемых в неделю на карманные расходы, вычиталось 10 — значительная сумма для ребенка! За лень, неаккуратность или дерзость она могла отвесить пощечину, а то и отлупить одежной щеткой.

Малышка Грейс

Дочери благоговели перед ней, боялись ее, любили ее… И мечтали о том времени, когда они вырастут и Ма Келли просто придется одевать их прилично. Пегги тайком приносила домой модные журналы и три сестры рассматривали красивых дам на картинках. Они хотели одеваться так же стильно и мечтали о красивых прическах. Но этого надо было ждать. А пока Ма Келли

требовала, чтобы у ее дочерей тоже были «мейеровские руки». Постоянно чем-то занятые. Хотя бы вязанием.

«Нам никогда не позволялось сидеть сложа руки, — спустя много лет рассказывала Пегги Келли. — Мы знали, что нам полагается вязать. С трех или четырех лет мы просто были обязаны работать спицами или крючком. И все потому, что мы были немецкими девочками… Мы просто не могли этого не делать. От нас это требовали, и мы подчинялись».

В возрасте пяти лет родители отдали Грейс в закрытую школу, пышно именовавшуюся Академией Успения Пресвятой Богородицы при приходе Святой Бриггиты. Это была обычная монастырская школа, но Грейс повезло: монашки-преподавательницы подобрались все добрые и любящие детей, а подружки-ровесницы — все как на подбор спокойные и ласковые девочки. По крайней мере, в школе ее никто никогда не обижал, хотя училась она плохо и страдала болезненной застенчивостью. Но к плохой учебе монахини были снисходительны, для них важнее было хорошее поведение и религиозность. А подружки оказались снисходительны к застенчивости Грейс. И за годы, проведенные в стенах этой школы, пугливая девочка просто расцвела.

Именно там Грейс привили ее аристократические манеры, которыми она поражала всех в Голливуде, когда стала взрослой.

Грейс с сестрой Лизанной. 1938 г.

«Возбранялось даже малейшее проявление грубости, — вспоминает мать Доротея, одна из наставниц Грейс. — Мы пытались донести до наших питомиц, что все мы частицы тела Христова, а поэтому неуважение и грубость друг к другу есть проявление неуважения к самому Христу. Мы постоянно

подчеркивали это».

Увы, закончить школу ей не удалось: во время очередных каникул, когда Грейс было четырнадцать, ее мать вдруг сочла, что девочка стала уж слишком религиозной. Отец, сам ярый католик, не находил в этом ничего плохого, но мать не хотела, чтобы ее дочь — пусть даже самая неудачная из троих — стала монашкой. Она перевела Грейс в Стивенс-Скул, частное учебное заведение для девочек, основанное еще в годы Гражданской войны, и потому являвшееся «инкубатором» для самых престижных невест. Сестры Грейс, Пегги и Лизанна, не получили такого изысканного образования. Но родители считали, что у здоровых, красивых и спортивных дочек и так не будет проблем с замужеством. А вот болезненной дурнушке Грейс надо помочь.

С одиннадцати лет Грейс Келли страстно увлеклась балетом. Она ходила на занятия, как одержимая. Но увы, для балетной карьеры она была слишком рослой и… слишком толстой. Да, в подростковом возрасте Грейс была толстушкой. Некрасивой, застенчивой очкастой девчонкой. Ей исполнилось четырнадцать, другие девочки уже поглядывали в сторону мальчиков, но Грейс казалось, что ее никто никогда не полюбит. Да и мать со своей прямолинейностью заявляла: «Кому может понравиться наша Грейси?» В детстве она часто мечтала о том, как выйдет замуж, какой у нее будет роскошный дом, какие дети. Выбирала картинку в журнале и говорила: «Вот такой у меня будет дом и вот такой сад». Теперь она теряла одну мечту за другой. Балет у нее отняли. И надежд на приличное замужество у такой непривлекательной юной особы тоже не было.

Школьные годы… 12 лет. 1942 г.

«Был такой период между четырнадцатью и шестнадцатью годами, — вспоминала ее мать, — когда внешне она ровно ничего из себя не представляла: вечно хихикающая девчонка с писклявым, слегка гнусавым голоском. У нее всегда были проблемы с носом. От этого ее голос звучал как-то по-особенному. А так как она любила покушать, то это не преминуло сказаться на ее весе. Кроме того, Грейс страдала близорукостью и вынуждена была носить очки».

Особенно остро Грейс переживала из-за слишком плоского бюста. «У нее сложился на этот счет комплекс, — вспоминала

одна из школьных подружек Грейс Келли. — Она то и дело массировала грудь, полагая, что от этого она увеличится».

Мать, прежде равнодушная к Грейс, в этот период жизни переживала за нее сильнее, чем за других дочерей. Ей казалось, что Грейси никогда не выйдет замуж. Что судьба ее будет безрадостной. Мать и дочь сблизились…

«Мне всегда хотелось оберегать Грейс, — расстроганно рассказывала Маргарет Келли. — Наверно, она привлекала мужчин к себе тем же самым, что и меня. Каждый мужчина, который знал ее, начиная с пятнадцати лет… хотел взять ее под крыло».

Впрочем, сестры считали, что Грейс к подростковому возрасту просто научилась манипулировать окружающими. И что помогло ей в этом участие в театральной труппе «Лицедеи старой школы». Пусть для балета она была слишком рослой и толстой, зато ни рост, ни наружность не мешали Грейс Келли играть характерные роли. Она была прирожденной актрисой!

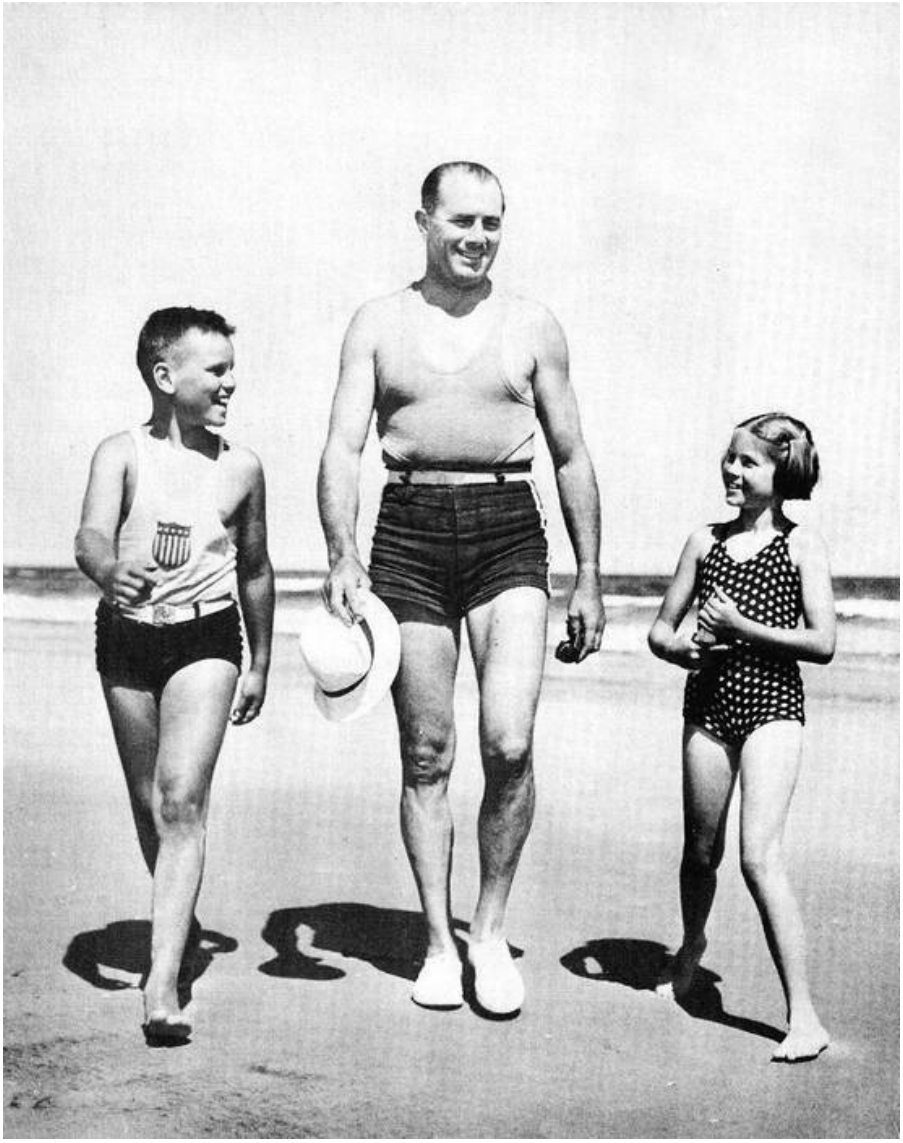
«Даже добившись успеха, в расцвете красоты Грейс Келли обладала редким даром делать так, чтобы окружающие возились с ней, — ревниво утверждала младшая сестра Лизанна. — Все искренне верили, что она нуждается в помощи, хотя на самом деле это ей совершенно не было нужно. Ей вообще не требовалось никакой помощи. Просто она производила такое впечатление».

…А потом внезапно, как по волшебству, гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя.

«У нее был прекрасный цвет лица, он был просто потрясающим, такой свежий, ясный, — вспоминал одноклассник ее брата. — Это было ее самой лучшей чертой и никогда не получалось на фотографиях».

Дружная семья Келли

Как-то вдруг оказалось, что из всех сестер Грейс самая красивая. Пегги, когда выросла, стала слишком мужеподобной и грубой, а Лизанна — простоватой. Зато Грейс сияла абсолютным совершенством, удивляя своих родителей и соседей, как юный лебедь в сказке удивлял уток и индюков. Впрочем, стоит заметить, сестры не завидовали Грейс, а напротив — радовались ее преображению. Они считали, что у них и так всего много: и спорт, и всякие кружки, и мальчики, а у бедной Грейси до сих пор не было ничего и никого. Пегги и Лизанна были просто счастливы, что Грейси стала хотя бы красивой. И, разорив свои копилки, подарили ей дорогой бюстгальтер с прокладками для увеличения бюста: плоская грудь была единственным недостатком ее изящной стройной фигурки.



Грейс с отцом и братом на пляже

Глава 2
ЛЕБЕДЬ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ. ПЕРВЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ. ХАРПЕР ДЭВИС И ДРУГИЕ

За дивно похорошевшей Грейс Келли начали ухаживать молодые люди.

Самый пылкий роман у нее случился с одноклассником брата Чарльзом Харпером Дэвисом. Харпер тоже был из богатой семьи, и роман между «сыном торговца машинами» и «дочерью кирпичного магната» активно обсуждали. Харпер собирался жениться на Грейс.

Грейс еще не забыла те времена, когда она считалась дурнушкой, и этот восемнадцатилетний юноша был первым мужчиной в ее жизни, который обратил на нее внимание. Их любовь была возвышенной и романтической. Молодые люди — в сущности, еще почти дети, — планировали «когда-нибудь» пожениться. Как Грейс когда-то в детстве, они вместе часами рассматривали иллюстрированные журналы, обсуждая: «А вот такой у нас будет дом, а вот такую машину мы купим, а вот такие розы посадим в саду, а вот такую собаку заведем, и у нас будет много-много детей…». Фантазируя, они украдкой обнимались.

Но однажды Грейс резко, без всяких, как ему казалось, причин отказалась с ним встречаться. Харпер был отчаянно влюблен и очень страдал. Он пытался понять: что случилось, что он сделал не так? Но Грейс только плакала, если он пытался с ней заговаривать, а потом и вовсе стала его избегать. Правду Харпер узнал от ее брата Келла. Оказалось, Джек Келли запретил Грейс встречаться с Харпером, считая его слишком мягкотелым, неспортивным и вялым. По такой же причине он запретил и своей старшей дочери Пегги встречаться с Арчи Кэмпбеллом — парень показался ему слабым и слишком бледным.

Молодой актрисе 17 лет. 1947 г.

Шел 1944 год. Харпер Дэвис поспешил записаться во флот, чтобы успеть проявить себя героем, пока война не закончилась. Он думал, что такая демонстрация мужества убедить Джека Келли, что он, Харпер, достойный жених для Грейс. Он получил тяжелое ранение, в результате которого у него возникла прогрессирующая атрофия мышц. Остаток жизни первый возлюбленный Грейс провел в госпитале для ветеранов.

Грейс, казалось, легко пережила разрыв с Харпером. На смену ему пришла череда новых поклонников. «Чем легкомысленнее,

тем лучше!» — заявлял Джек Келли. Конечно, он и помыслить не мог, что легкомысленность у молодежи послевоенных лет выражается несколько более фривольно, чем в те времена, когда он сам был юнцом. «Даже не думай, сынок, что тебе удастся жениться на Грейси!» — самодовольно говорил Джек очередному поклоннику, заехавшему за Грейс. Он не догадывался, что поклонник мечтал не о браке с красоткой Келли, а о том, чтобы от души потискать ее на заднем сиденье машины.

После крушения своей первой любви Грейс пустилась во все тяжкие. Сестры даже подозревали, что ее самозабвенный флирт и попытки очаровать все новых и новых парней являются внешним выражением глубоко переживаемой вины перед Харпером… Грейс буквально прославилась своей доступностью. Один из ее кавалеров рассказал в интервью: «Уверен, что до окончания школы она все еще оставалась девушкой. Однако не сомневаюсь, что все остальное она прошла от и до».

Что значило «от и до» в конце 40-х в Америке?

Самый знаменитый из биографов Грейс Келли, Роберт Лейси, писал: «Джермантаунские кавалеры сообщали друг другу о своих нелегких победах при помощи кода. Слово «бюстик» означало, что дерзкая рука побывала под блузкой, но дальше этого не зашло; «Г. Г.» — голую грудь; «П» — палец, от которого затем следовало переходить к более серьезным вещам… В то время настоящий секс все еще считался чем-то вроде священнодействия, а не обыкновенным завершением субботнего вечера. И словечко «петтинг» было лишь робким обозначением несмелого исследования пуговиц, застежек и нежной кожи выше края чулка. Каждый из таких потных подвигов становился предметом беспардонного бахвальства (юноши имели обыкновение обмениваться в спортивных раздевалках новостями и опытом), и потому ни для кого не было секретом, что допускала, а чего нет любая из девушек. Повзрослев, Грейс смеялась над самой собой. Когда она училась в Стивенс-Скул, одним из ее постоянных ухажеров был Чарли Фиш. Он обычно заезжал за ней на старом голубом «форде». Годы спустя Грейс с теплотой отзывалась об этом автомобиле. «Надеюсь, он наконец-таки нашел последнее успокоение на свалке, — шутила княгиня Монако. — Подумать только, какие только истории могло бы порассказать его заднее сиденье!» Однако Грейс никогда не была объектом насмешек или презрения, как дешевая потаскушка. Она с самозабвенной легкостью порхала сквозь лабиринты ритуального приближения, однако ее никак нельзя обвинить в неразборчивости. Она ни за что не стала бы заводить роман с первым встречным и всегда старалась произвести хорошее впечатление».

Те юноши, с кем Грейс крутила романы в школьные годы, вспоминали ее не иначе как с любовью и восхищением.

«Она была довольно немногословна, — говорил один из них, Ховард Викофф. — Вместо того чтобы воображать и беспрестанно трещать только о себе самой, как это часто бывает у девушек-подростков, Грейс внимательно относилась к своим кавалерам. И каждый из них начинал чувствовать себя едва ли не королем».

«Если вам хотелось посидеть, она тоже садилась, — вспоминал в интервью другой, Джек Эксле. — Если вам хотелось танцевать, она танцевала. А если вы приглашали ее с собой на вечеринку, она ни за что не стала бы вешаться на шею другому парню. Она была вашей девушкой и оставалась ею».

Особняк в Филадельфии, в котором какое-то время жила семья Келли

Глава 3
«МНОГООБЕЩАЮЩИЕ ЗАДАТКИ». УЧЕБА И СЕКС В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Родители не сразу поняли, что Грейс проявляет почти преступное легкомыслие. Но в какой-то момент у Джека и Маргарет появилось опасение, что их девочка согрешит до свадьбы. А больше всего они боялись, что Грейс согрешит прямо в их родном городе. О ней уже начали ходить скверные слухи: слишком много свиданий, слишком много разных молодых людей, поездки на автомобилях, загородные пикники, ночные купания… Возможно, именно поэтому Джек Келли так неожиданно для всей семьи согласился отпустить семнадцатилетнюю Грейс учиться в Нью-Йорк, в Американскую Академию драматического искусства.

Единственным условием со стороны матери было — чтобы Грейс поселилась в престижном женском пансионе «Барбизон», куда мужчин вообще не допускали дальше второго этажа.

Грейс была далеко не первой актрисой в своей семье — именно поэтому Джек Келли так снисходительно отнесся к театральному увлечению дочери. Родные брат и сестра Джека — Уолтер и Грейс — были блестящими комедийными актерами, весьма известными. Более того: Джек назвал свою дочку Грейс в честь своей сестры, которая умерла молодой за несколько месяцев до появления на свет племянницы.

На именном велосипеде

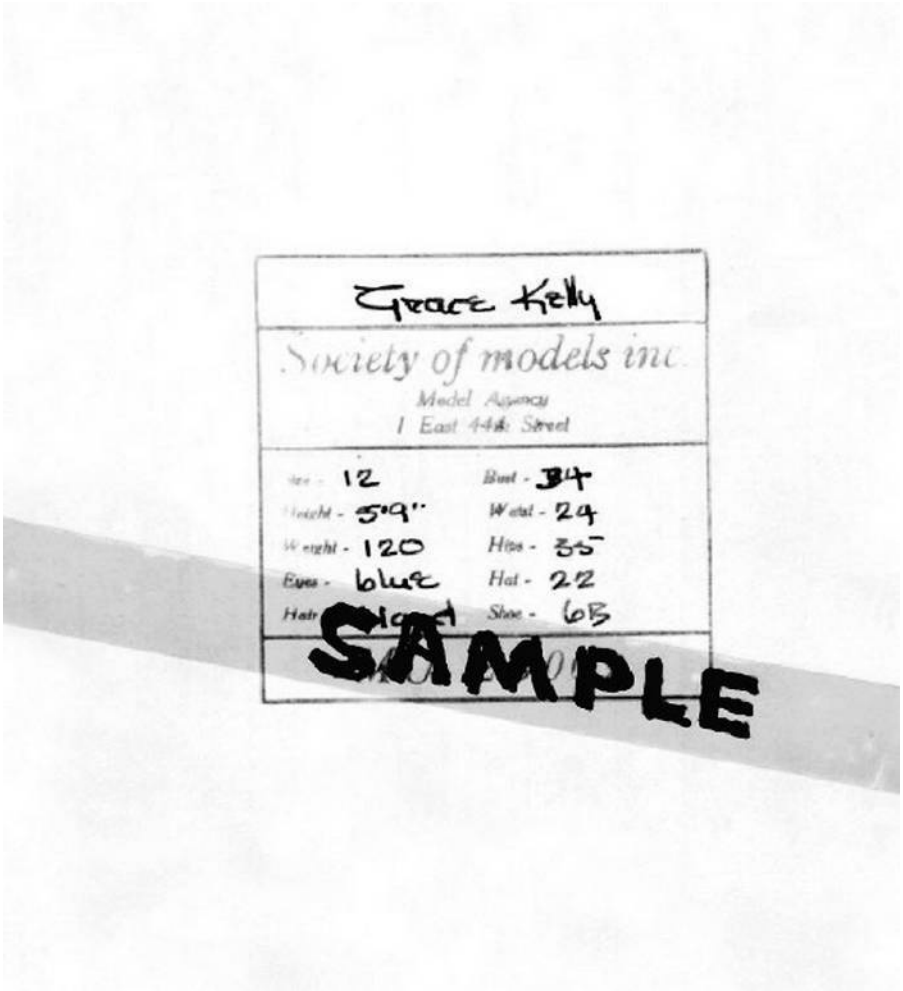
А самым знаменитым представителем богемы в их семье был еще один брат Джека, драматург Джордж Келли. Его пьесы до сих пор идут на сценах США. Дядя Джордж очень любил свою застенчивую племянницу и старался помочь в ее духовном становлении, подбирал книги для чтения, приглашал ее на вечерние чаепития — ее одну из всей семьи! — а Грейс обожала дядю Джорджа: он единственный считал ее не хуже, а лучше других. Возможно, влияние Джорджа Келли тоже сказалось на желании Грейс стать актрисой.

И, кстати, дядя Джордж содействовал тому, чтобы Грейс

приняли в Академию драматического искусства: администратор школы, Эмиль Дистель, согласился устроить прослушивание Грейс, хотя набор был уже закончен, только потому, что она являлась племянницей знаменитого драматурга.

Роберт Лейси пишет: «Рукописный журнал регистраций прослушиваний, который велся в Американской академии драматического искусства, содержит запись о том, что Грейс Патриция Келли впервые предстала перед Эмилем Э. Дистелем 20 августа 1947 года. Вес ее равнялся 126 фунтам, а рост без каблуков — пяти футам и шести с половиной дюймам. По цвету волос она была охарактеризована как «блондинка», ее пропорции как «хорошие», а национальность — «американка ирландского происхождения». Запись сопровождалась многозначительной припиской: «Племянница Джорджа Келли»… Эмиль Дистель оценил ее чтение как «весьма осмысленное», а ее темперамент как «чувствительный». Актерское чутье Грейс удостоилось одобрительного «да». Правда, Дистель придрался к ее голосу: «Не поставлен». Однако это была поправимая беда. Заведующий приемной комиссией проникся к претендентке симпатией. «Очаровательное создание, — заметил он. — Хорошие и многообещающие задатки. Должны неплохо развиться».

SAMPLE



Личная карточка в модельном агентстве (с обеих сторон)

Он не ошибся. Карьера Грейс Келли была быстрой, на удивление легкой и блистательной. Уже во время учебы в Академии она неплохо зарабатывала, снимаясь как фотомодель. Регулярно появлялась на обложках журналов. Потом ее начали активно приглашать в рекламу — и она рекламировала все, от клопомора до нового сорта пива, от сигарет до омолаживающего крема. Ей неплохо платили за эту работу, а главное — точеное личико с острыми скулами и прозрачными светлыми глазами постепенно примелькалось: Грейс начали узнавать и в приемных театральных импресарио, куда молодые актрисы приходили в

поисках работы, и на улице. Грейс единственная из всего курса никогда не сидела без работы. Ее пригласили сначала играть в театре, потом — в 1951 году — сниматься в кино…

Но прежде была учеба. Прекрасные годы учебы в чистом, безопасном Нью-Йорке: Грейс застала тот период, когда в Большом Городе на улицах еще не торговали наркотиками и вообще девушка могла без страха выходить на поздние прогулки.

«Мы могли сидеть вечером в одних пижамах, попивая кофе, — вспоминала Мэрр Синклер, учившаяся вместе с Грейс, — и внезапно кто-то говорил: «Пойдемте посмотрим такую-то картину». И мы просто накидывали сверху пальто, прыгали в автомобиль, который я держала на стоянке возле дома, даже не запирая его, и отправлялись в кинотеатр — не переодевая пижам».

Прожив в Нью-Йорке первые пять недель, Грейс писала домой: «Мама, это то самое место, о котором я всегда мечтала!»

А ведь Ма Келли была уверена, что Грейс сбежит назад, в отчий дом, уже через две недели, ведь она никогда не жила одна и так нуждалась в родных… Однако Грейс от души наслаждалась свободой. И ничуть не скучала.

У Грейс сразу же появился любовник. Юноша с ее курса, техасец Херби Миллер, влюбился в Грейс с первого взгляда, в самый первый день своего пребывания в академии: «Моим глазам предстало ангельское создание. Я с первого взгляда безумно влюбился в нее, и, судя по всему, она отвечала мне взаимностью».

Внешне холодная и надменная, кое-кому казавшаяся даже «зажатой» или «заторможенной», Грейс Келли была чрезвычайно страстной женщиной. Быть может, в виде протеста против родительского гнета, а может быть, следуя зову природы, она потеряла девственность еще в шестнадцать лет — Джек Келли и предположить не мог такого кошмара!

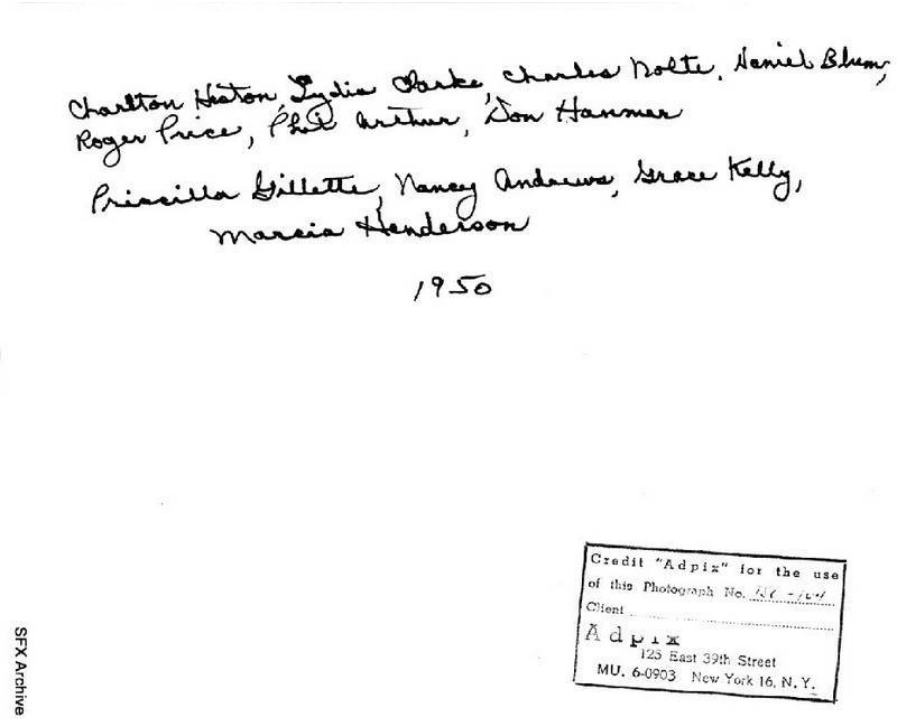
Нью-Йорк — город, о котором мечтала Грейс

Первым любовником Грейс стал муж ее старшей подруги. Она как-то пришла к ней в гости, подруги еще не было, она должна была вот-вот вернуться, и тут началась гроза, и Грейс осталась ждать. И, как она потом рассказывала своим подружкам уже в Нью-Йорке, «я сама не знаю, как мы оказались в постели». Видимо, тот неназванный мужчина был хорошим любовником, и Грейс поняла, что ей трудно обходиться без свиданий с ним. Тайных свиданий: она так боялась рассердить родителей и огорчить подругу… Но тот мужчина вел себя с точки зрения Грейс более чем достойно: на людях он едва кивал ей, делая вид, что они почти и не знакомы.

Такой стереотип любовных отношений остался у Грейс на всю жизнь: мужчина не должен показывать свою страсть на людях.

И сама она, настоящая тигрица в постели, на публике держалась чопорной пуританкой и смотрела на своих любовников равнодушным, невидящим взглядом.

Херби Миллер вспоминал, как они с Грейс бежали по лестнице на тринадцатый этаж здания, где располагалась Академия: «Там была устроена комната отдыха, а один угол отгорожен веревкой. Мы с Грейс ныряли под это заграждение и начинали тискаться. В ту пору это называлось «обжиманием» — поцелуи и всякое прочее. Мы, наверное, были похожи на щенят, которые самозабвенно кидаются друг на друга… Мы познакомились еще, в сущности, будучи детьми. Мне известны только ее жизнелюбие и склонность к романтическим увлечениям. Она была очень увлекающейся натурой, не какая-нибудь там холодная статуя из гранита или мрамора, а наоборот — полная тому противоположность. Она излучала какое-то особое тепло, эта земная и любящая веселье девушка!»



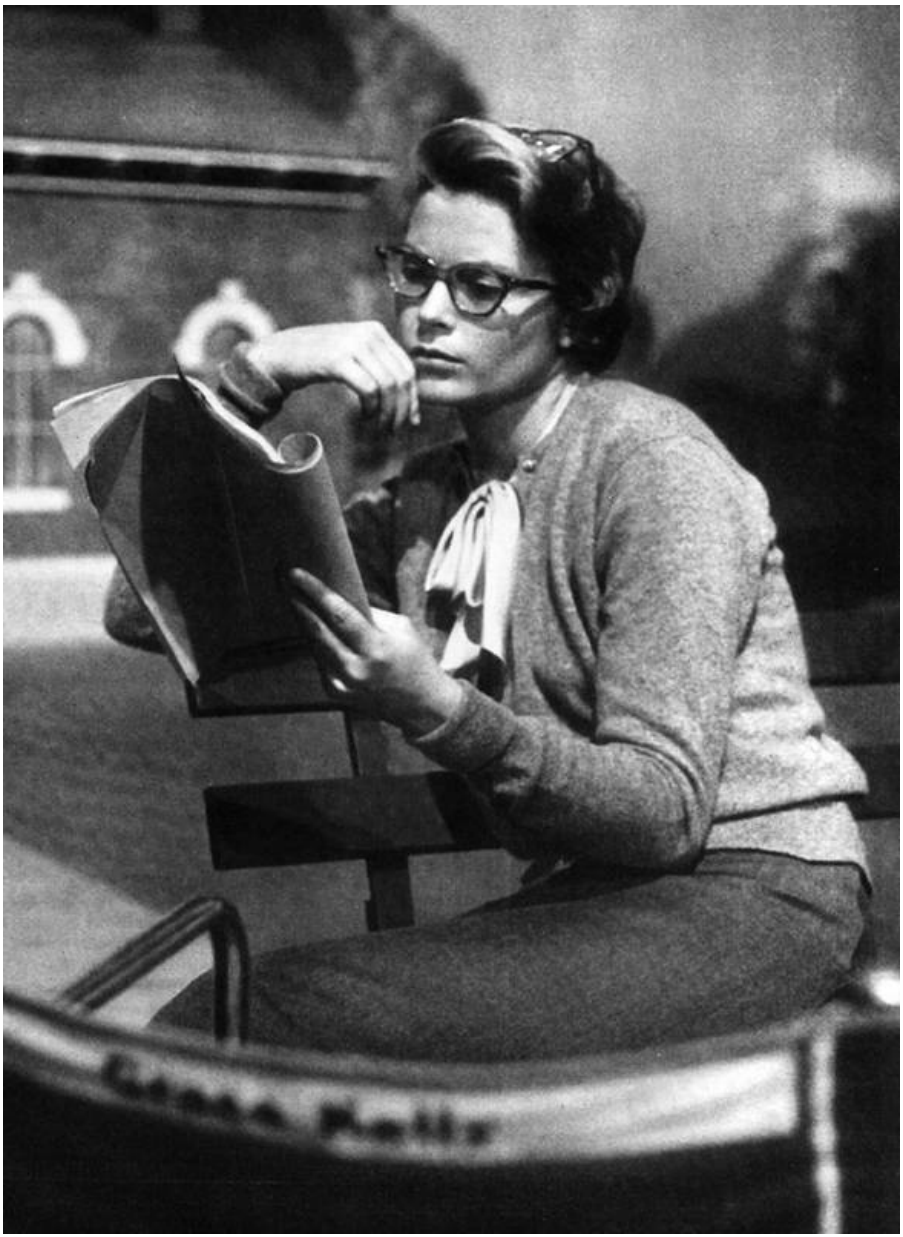
Театр World Award. На фото среди других — Чарлтон Хестон, его жена Лидия Кларк и Грейс Келли, прежде чем они стали знаменитыми

Херби Миллера сменил популярный в то время актер Александр д'Арси. Он не проявил скромности, и впоследствии рассказал биографам Грейс о своих любовных отношениях с будущей княгиней Монако: «Она просто была чрезвычайно сексуальной девушкой, очень нежной и страстной. Достаточно было разок дотронуться до нее, тотчас казалось, что она вот-вот пробьет крышу. Я сразу понял, что она далеко не девственница. У нее наверняка имелся опыт… По натуре она была очень застенчива. Но физически робости в ней не было ни на грамм. Вместе с сексом наружу выплескивалось все, что она таила внутри. Кто знает, может, именно это она и пыталась скрывать. Временами рядом со мной будто бы находился совсем другой человек».

Александр уехал сниматься во Францию и их пути с Грейс разошлись.

В октябре 1948 года Грейс Келли перешла на второй курс Американской академии драматического искусства. Это было

достижением: отсев во время учебы был жестким, ко второму курсу пришли менее половины студентов.



Грейс серьезно относилась к каждой своей роли…

Глава 4
ДОН РИЧАРДСОН. «В НЕЙ БЫЛО НЕЧТО КОЛДОВСКОЕ…»

Героем первой серьезной и длительной любовной связи для Грейс Келли стал преподаватель из Академии, режиссер Дон Ричардсон. Их роман начался в лифте, продолжился под снегопадом, и дошел до кульминации в первую же ночь…

«Она мне даже не показалась хорошенькой. Вся какая-то худенькая, на вид лет девятнадцати, очень хорошо одетая — в пальто из верблюжьей шерсти, — вспоминал он уже в глубокой старости. — Девушка, казалось, предпочитала даже в лифте держаться в сторонке от своих однокурсников не то от застенчивости, не то от какой-то внутренней отчужденности; и, почувствовав это, один из студентов принялся над ней подшучивать. Я знал этого парня как любителя попаясничать на публике. Студент, к тому же, имел склонность издеваться над слабыми. Самое ужасное, что у него в руках был щенок. Шутник швырнул щенка прямо в лицо Грейс, но та, вместо того чтобы рассмеяться, залилась слезами. Я набросился на парня и вытолкал его из лифта. После того как все вышли, я остался один с девушкой. Когда она наконец вытерла слезы, мы уже оказались с ней вдвоем у выхода».

Была зима, шел снег, Грейс была слегка простужена и хлюпала носом.

«Грейс никогда не была великой актрисой, — рассказывал Ричардсон. — Я был ее учителем, поэтому кому это знать, как не мне. Однако она обладала рядом на удивление выигрышных качеств, и одно из них заключалось в ее умении вызвать у людей сочувствие и желание помочь. Подчас Грейс казалась совершенно беспомощной и трогательной, и у вас создавалось впечатление, что стоит ее оставить одну, как она обязательно умрет. Ей просто не выдержать таких мук. Видя, как она чихает и шмыгает носом, я проникся к бедняжке какой-то особой теплотой — вы не поверите, но в этой тяге не было ничего приземленного».

Грейс Келли в рекламе печатной машинки Remington

Дон хотел отвести ее в русскую чайную, чтобы напоить чаем

и накормить какой-нибудь теплой едой, но в кармане у него было лишь несколько центов. Даже на такси не хватало! Расставаться с Грейс он не хотел и предложил девушке доехать на автобусе до его дома, взять деньги — и пойти куда-нибудь перекусить.

В его квартире стоял лютый холод…

«Вскоре я разжег камин, — рассказывал Дон, — и пошел сварить кофе. Когда я вернулся в комнату, Грейс уже ждала меня на раскладушке. Она сняла с себя всю одежду и подтянула мою походную постель поближе к огню. Я никогда не видел ничего более прекрасного. Собственно, вся прелесть момента заключалась именно в его неожиданности. Никакого флирта. Внезапно нам обоим нестерпимо захотелось друг друга, словно мы оказались одни на необитаемом острове. Мы легли в постель, и затем, когда я пришел в себя после этого чуда, я никак не мог поверить в случившееся. Рядом со мной лежало создание неземной красоты. У нее было потрясающее тело. Она казалась мне чем-то вроде роденовской статуи. Прекрасная, нежная фигурка: небольшая грудь, узкие бедра и какая-то полупрозрачная кожа. Она была самым прекрасным созданием из тех, что я когда-либо видел обнаженными. И я лежал рядом с ней и начинал понимать, что влюбился в нее, что это нечто большее, нежели заурядная постельная сцена. Я чувствовал, как меня охватывает какая-то неодолимая тяга к ней. Я влюбился в ее запястья. Я влюбился в ее щиколотки. Я влюбился в горячую кровь, что текла под нежной, светящейся кожей. Я ощущал, что обязан взять ее под свое крыло, защитить и оградить от невзгод; а кроме того, она, казалось, испытывала ко мне такое же пламенное чувство. Эта ночь стала для нас ночью экстаза: Грейс так и не возвратилась к себе в «Барбизон»…»

С братом и сестрами. 1947 г.

Наутро Ричардсона терзали угрызения совести: «Я понял, что совершил непростительный шаг. Ведь я был ее учителем. Это все равно, как если бы психиатр затащил в постель собственную пациентку. Я чувствовал себя преступником».

Но роман продолжался… Встречаясь в стенах Академии, они вежливо друг другу кивали. Необходимость скрывать отношения, казалось, делала эту связь особенно сладостной для Грейс. Дон Ричардсон стал первым любовником, с которым она сохранила длительную связь.

Встречались они обычно в субботу и проводили ночь на

воскресенье в его холостяцком логове. Все остальные дни Грейс училась и снималась в качестве модели. Она очень уставала, но выходные становились для нее настоящим праздником непослушания.

«Мы занимались любовью в обветшалом доме с поломанной мебелью, — вспоминал Ричардсон. — Что-то вроде логова Раскольникова в «Преступлении и наказании»! Место действия нашего романа можно назвать как угодно, но только не романтичным. Подрабатывая манекенщицей, она обычно туго затягивалась в корсет «Веселая вдова». В ту пору осиная талия была в моде. Поэтому, приходя ко мне, она сбрасывала с себя все, кроме «вдовы», и начинала носиться по квартире, то что-то убирая, то готовя, то еще что-то делая и сверкая при этом почти что голой попкой. Что касается этих прелестей — господь щедро наградил ее ими. К ее приходу я обычно разогревал овощной суп «Кэмпбеле». Я кормил ее прямо из жестянки, и после этого мы ложились в постель и предавались любви. А потом она опрометью выпрыгивала из кровати, наспех одевалась и убегала сниматься…»

Дон с удивлением обнаружил, что его пылкая любовница — ревностная католичка: «Грейс никогда не снимала распятия. Это было крошечное золотое распятие; и по воскресеньям, если мы проводили выходные вдвоем, она с утра пораньше выскакивала из постели и спешила на мессу. Она просто накидывала на себя что-нибудь из одежды, посещала церковь и возвращалась ко мне. Я в это время еще спал, и она снова запрыгивала в постель — ко мне под бочок — обнаженная и с крестиком на шее».

Грейс говорила Ричардсону, что он — второй мужчина в ее жизни.

«Мне в это плохо верится, — утверждал Ричардсон. — То есть, если девушка так ведет себя в постели, как она… Я вовсе не хочу сказать, будто Грейс была нимфоманкой. Я за свою жизнь встретил парочку таких особ, и их обеих отличала какая-то

патологическая ненасытность. Сами они от этого подчас впадали в уныние или же начинали злиться. Им требовалось еще, еще, еще… Грейс была не такая. В постели она становилась счастливой и всегда знала, когда с нее достаточно. Мы были молоды, и после… ну… скажем, четырех раз, она говорила, что хватит. В этом плане Грейс была абсолютно нормальной женщиной. Она испытывала оргазм и радовалась этому. Хотя вам это может показаться странным, но я не думаю, что она занималась любовью исключительно ради секса как такового. Ей требовалось нечто большее. Если вы читали «После падения», то наверное помните, что героиня Артура Миллера произносит следующую фразу: «Просто полежи на мне. Тебе не надо ровным счетом ничего делать». Как мне кажется, в этом и кроется смысл. Грейс было довольно тепла ваших объятий и… уверенности, что ей ничего не грозит. Именно к этому она и стремилась всей душой. Она была любительницей этого дельца, чего там греха таить. Но, по-моему, самым главным для нее оставалось то, что ее сжимали в объятиях».

Дон Ричардсон мечтал сделать из своей возлюбленной настоящую звезду. Любовь не застила ему взор, и он по-прежнему видел, что Грейс не была особенно выдающейся актрисой: «Я никогда не заблуждался на тот счет, будто Грейс наделена выдающимся актерским талантом. Потрясающая внешность и умение держаться — да. Что ж, не стану спорить. Но, увы, никакой силы в голосе, никакого умения донести его до зрителя. Она бы никогда не сделала карьеру в театре».

Выходные на Ямайке. 1955 г.

Однако все задатки «звездности» в Грейс были: «В ней было нечто колдовское. Она казалась мне чем-то вроде чистого холста, на котором любой желающий мог написать какую угодно картину. Она ступала, — вспоминает он, — а не ходила на двух ногах, как все простые смертные. Ей почему-то ужасно нравилось сидеть, полностью распрямив спину — ну совершенно по-королевски. Было заметно, что Грейс уже точно решила для себя,

кем ей быть. Когда она танцевала «Богатырские ворота», то откровенно давала понять, что в действительности она и есть та самая восточная княжна. Она сама мне в этом призналась. Сказала, что такова ее фантазия. В то время я не придавал этим причудам особого значения, но теперь со всей ясностью вижу, что уже тогда она начала создавать мифический образ Грейс Келли».

Дон нашел Грейс ее первого агента: энергичную и пробивную Эдди ван Клив.

«У Эдди был нюх на женскую красоту, — вспоминал Ричардсон. — Когда я ввел Грейс в кабинет, то тут же понял, что попал в точку. Я видел это по глазам Эдди».

Мама оценивает новое платье

Глава 5
СЕМЕЙКА КЕЛЛИ. «НА САМОМ ДЕЛЕ ОНИ ОЧЕНЬ МИЛЫЕ ЛЮДИ…»

К тому моменту, когда Грейс закончила Академию, они с Доном уже были уверены, что поженятся. Дон хотел расписаться прямо в Нью-Йорке, но Грейс настаивала на его знакомстве с родителями. Дон знакомиться с супругами Келли не хотел. По рассказам Грейс он уже составил себе представление о них: люди не слишком интеллектуальные, чванливые, к тому же ярые католики… А он был не только представителем богемы, не в меру интеллектуальным и слишком бедным, но еще и евреем, иудеем, и настоящее его имя было — Мелвин Шварц. Он сменил имя на благозвучный, а главное — вполне американский псевдоним, поскольку в обществе США 40-х годов царил лютый антисемитизм. Дон предчувствовал, что знакомство с родителями Грейс добром не закончится. И ведь можно было просто пожениться и жить вместе, и быть счастливыми! У него за плечами был неудачный брак, но как раз сейчас он получил разрешение на развод, и чувствовал себя свободным — для второй, и как он был убежден, удачной попытки создать семью с девушкой, которую Дон обожал. Однако Грейс настояла: «Она утверждала, что ее родители — милые люди, что им все равно, еврей я или нет; они, мол, даже не будут иметь ничего против того, что я все еще не развелся с женой, — правда, она сама еще не поставила их об этом в известность. Она беспрестанно твердила мне, что ее родители проявят понимание».

Между тем, родители уже успели выспросить Грейс о претенденте на ее руку. И готовили жениху «торжественную встречу». Брат Грейс, Келл, признался, что мать заранее рассказала ему, что из себя представляет Дон Ричардсон: «Она велела мне в пятницу привести к нам домой троих моих самых симпатичных и спортивных друзей. Один из них был олимпийским чемпионом в плавании стилем «баттерфляй» и внешне смахивал на Кирка Дугласа; второй был здоровенным на вид парнем, похожим на штангиста (он был моим партнером в гребле и вдобавок подрабатывал спасателем в Оушн-Сити). Пригласил я также и третьего — высокого, крупного парня, тоже из пловцов. Я намекнул им, что этот режиссеришка — настоящий хлюпик (так я понял из рассказа моей матери). Когда они вошли в комнату, то с такой силой стали пожимать этому парню руку, что

он в две секунды оказался на полу».

Грейс Келли с родными в Оушен-Сити, Нью-Джерси. Сентябрь 1954 г.

Младшая сестра, Лизанна, вспоминала другое: «Весь их разговор сводился к евреям: еврейские анекдоты, еврейский акцент и все такое прочее. Я готова была сквозь землю провалиться. Мне с трудом верилось, что это все происходит со мной».

Для Дона встреча с родными Грейс оказалась тяжелым испытанием. «Они все выглядели потрясающе, напоминая персонажей рекламного ролика. Ее отец был просто великолепен. Он выглядел как греческий бог. Они все выглядели как греческие боги. Мать тоже была хороша. Старшая сестра — писаная красавица, младшая же — еще ребенок. У брата была мощная шея, как у Сильвестра Сталлоне».

Грейс в присутствии родных стушевалась и за все время встречи не проронила ни слова.

«Я не верил своим глазам. Вместо привычной Грейс в углу сидела худенькая, молчаливая, испуганная девчушка — та самая, которую я однажды вечером встретил в лифте, — возмущался Ричардсон. — Тот ужин стал одним из самых чудовищных событий в моей жизни. Я ведь был уже взрослым человеком. Кроме моей работы в академии, я уже начал ставить в Нью-Йорке спектакли с участием Хелен Хейс. Но для них все это было пустым звуком. Когда мы наконец вернулись в дом ее родителей, отец задержался на лестнице, желая убедиться, что я действительно пойду к себе в комнату, а она — к себе. Последнее, что он сказал мне: «Утром мы едем в церковь. Не желаете присоединиться?» — можно подумать, ему не было известно, что я еврей».

Актриса на фотосессии для фильма «Поймать вора»

Но худшее ждало его впереди.

Дон и Грейс отправились навестить дядю Джорджа (который, в отличие от Джека Келли и его семейства, принял Ричардсона вполне доброжелательно), потом Грейс покатала возлюбленного по городу, показывая места, с которыми у нее были связаны особенно теплые воспоминания. Они беседовали: Дон говорил, что ее родители никогда его не примут, и что Грейс нужно

сделать выбор в пользу свободы и карьеры, и их брака, и немедленно уехать. Грейс упорно твердила, что ее родители — милые люди, и что он это поймет, когда познакомится с ними поближе.

Когда они вернулись домой, Ма Келли ждала их на пороге.

— Грейс, немедленно иди в свою комнату! — скомандовала она дочери.

Грейс испуганно покорилась.

Развернувшись к Дону, Ма Келли рявкнула:

— Я требую, чтобы вы сию же минуту покинули этот дом!

Поднявшись в комнату, которую ему отвели в доме Келли, Ричардсон обнаружил, что его вещи обыскали. «Все было выброшено, — с отвращением и возмущением вспоминал он годы спустя. — Она даже и не подумала замаскировать то, что натворила. У меня с собой было письмо от моего адвоката о новом рассмотрении моего развода. Оно валялось открытое сверху, а рядом — конверт. А по соседству — упаковка презервативов, которые я прихватил на тот случай, если нам с Грейс удастся где-нибудь уединиться. Грейс всегда оставляла заботу о подобных вещах мне».

Когда Дон уезжал, дом казался пустым. Он не смог даже попрощаться с Грейс.

«Я выплакала все глаза, я прошла через настоящий ад, если не хуже» — писала она три недели спустя своей подруге по «Барбизону». Родители узнали о ее связи с мужчиной, который еще не был разведен, и о том, что Грейс больше не девственница. Теперь они грозили ей заточением, хотели запретить возвращение в Нью-Йорк.

Во время конной прогулки

«Надеюсь, я беременна», — приписала Грейс в конце послания.

К своему великому сожалению (и к сожалению для Дона Ричардсона) беременна она не была.

В Нью-Йорк она все же вернулась. Начала играть на сцене. Продолжала сниматься в рекламе. Продолжила и отношения с Доном Ричардсоном. Но семья Келли готова была на все, лишь бы избавиться от недостойного претендента на руку дочери. Отец предложил Ричардсону заплатить отступные, лишь бы тот оставил в покое Грейс. Брат звонил по ночам и грозил переломать Дону все кости. А Грейс, когда Дон рассказал ей об этом, обиделась: «Она только пробормотала, что они в действительности очень милые люди, и в один прекрасный день я смогу их понять, и вообще мы все поймем друг друга, и все будет отлично».

Разумеется, ничего не было отлично. Неприязнь родных

действовала на влюбленную Грейс, как холодный душ. Ричардсон продолжал обожать ее, но постоянно чувствовал себя униженным: Келли его оскорбляли, а Грейс не была готова даже признать этот факт, не то чтобы встать на его сторону. А потом он узнал, что Грейс изменяет ему с другим мужчиной. С Клодиусом Шарлем Филиппом, распорядителем банкетов отеля «Уолдорф-Астория». Что привлекло Грейс в этом человеке, похожем на испуганную сову, непонятно. Но для Дона это был удар посерьезнее, чем дикарское отношение со стороны родных Грейс. Однако отказаться от женщины, которая его опьяняла, Ричардсон не мог. Их отношения — неровные, болезненные — продолжались еще несколько лет…

Шарль Филипп тоже пытался свататься к Грейс. И тоже натолкнулся на жесткое противодействие семьи. Он был дважды разведен, да и профессия его не вызывала у Келли восторга. Они и над ним поглумились от души. И опять Грейс не смогла принять сторону возлюбленного.

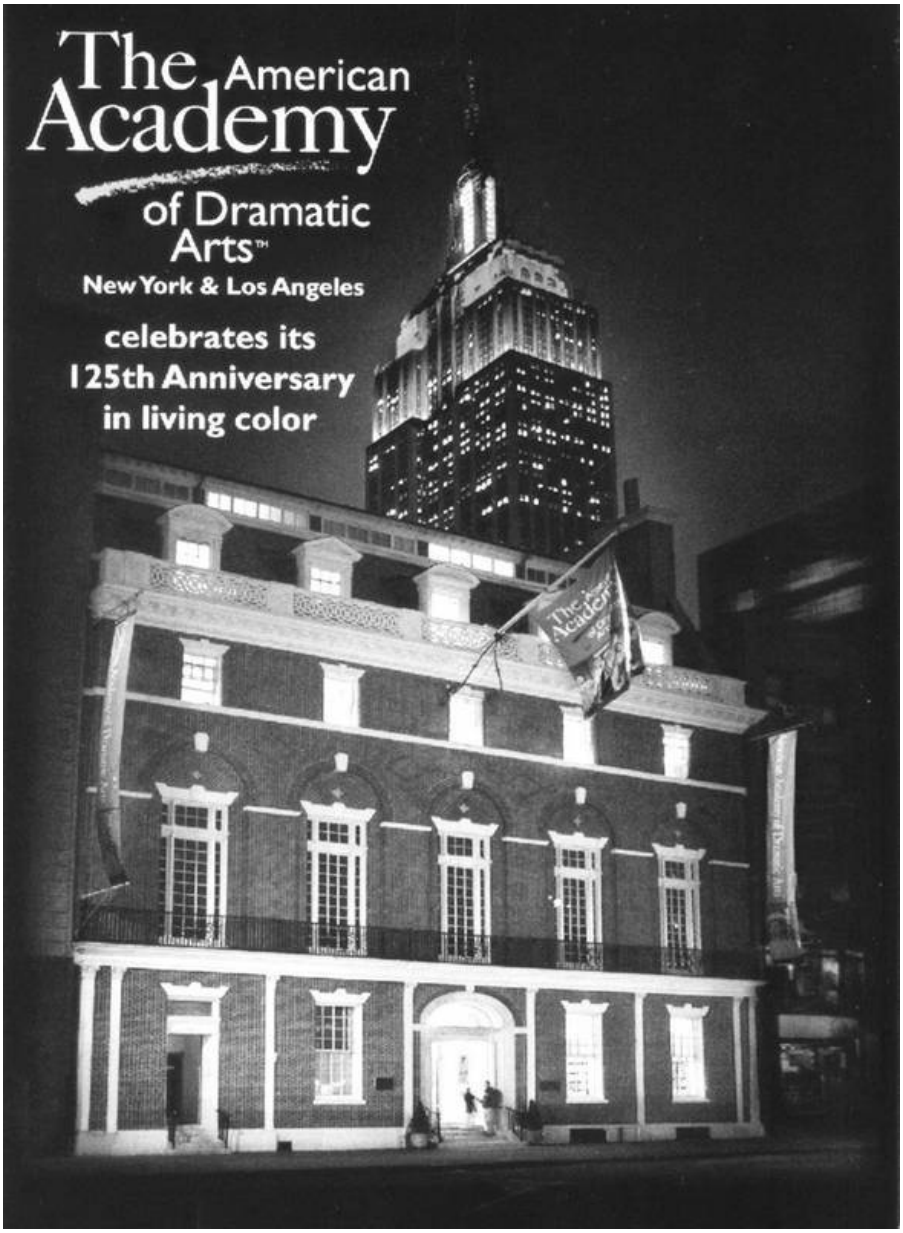
Фотосессия Милтона Грина, 1954 г.

Глава 6
ЛЮБОВНИКИ И ДРАГОЦЕННОСТИ

Мохаммед Реза Пехлеви, тридцатилетний шах Ирана, прибыл в США с неофициальным визитом зимой 1949 года. Он искал политической поддержки у американского правительства, а так же удовольствий и любовных приключений, которые не мог бы получить в собственной строгой исламской стране. Он недавно развелся со своей первой супругой, Фазией, сестрой египетского короля Фаруха, и подумывал о новом браке.

Грейс Келли ему представили на торжественном приеме в гостинице «Уолдорф-Астория», где работал ее тогдашний любовник. Шах был очарован Грейс и тут же, с места в карьер, предложил ей как следует поразвлечься. Ничего непристойного в его предложении на тот момент не было: он всего лишь хотел прогуляться по престижным нью-йоркским ночным клубам в обществе ослепительной блондинки. Шах и Грейс наслаждались обществом друг друга. Они были молоды и выносливы, и могли веселиться до трех утра, и выглядеть свежими после пяти часов сна… А то и вовсе проигнорировав сон. Шесть суток они провели, буквально не расставаясь.

В обществе Мохаммеда Резы Пехлеви Грейс впервые познала сладость всеобщего внимания и власти над публикой. В один из вечеров они приехали в оперу, где зал был уже заполнен, и когда шах и его спутница вошли в ложу, полторы тысячи лиц обратились в их сторону. «Вот тогда-то она впервые и вкусила этот соблазн», — рассказала позже одна из подруг Грейс журналистам.



Американская Академия драматического искусства в Нью-Йорке

Роман шаха и красавицы актрисы стал предметом внимания светской хроники. Семейство Келли из газет узнала, что Грейси на этот раз крутит роман с главой восточного государства. Это, конечно, не так скверно, как с евреем-режиссером или

гостиничным метрдотелем… Но в газетах пишут, что она принимает от шаха дорогие подарки, а вот это уже совершенно недопустимо для девушки из приличной семьи! Ма Келли примчалась в Нью-Йорк, устроила скандал и велела все драгоценности вернуть. Ведь настоящая леди может принять от мужчины, не являющегося ее мужем, только конфеты, цветы или книгу! Однако на этот раз Грейс не могла последовать требованию родителей. Вернуть подарки человеку с восточным менталитетом — означало смертельно его оскорбить. Так что три драгоценные вещицы — золотая косметичка с застежкой, украшенной тридцатью двумя крупными бриллиантами, золотые часы-браслет, осыпанные бриллиантами и жемчугом, и брошь в виде золотой клетки с крохотной открывающейся дверцей, внутри которой сидела птичка из драгоценных камней, — остались у Грейс. Она рассталась с ними лишь накануне своей свадьбы с Ренье Гримальди, раздарив их подружкам невесты.

Шах предлагал Грейс выйти за него замуж. Это был огромный соблазн… Она похвасталась подружкам. И — отказала шаху. Под предлогом того, что ее отец, ярый католик, никогда не допустит этого брака. На самом деле неизвестно, как бы Джек Келли отнесся к подобному жениху: пусть не европейцу и не христианину, зато безгранично богатому и правящему целой страной! Но Грейс уже вкусила радостей счастливой любви. И не хотела вступать в брак по расчету.

Зато в любовные отношения по расчету она вступала. Еще со времен своего детства, когда Грейс приходилось ходить в поношенных платьях и с уродливой стрижкой, она страстно полюбила красивые вещи, которые ей доводилось видеть исключительно на страницах журналов. Ее собственные доходы пока не были столь значительны, чтобы она могла себе позволить дорогостоящие наряды и тем более украшения. Зато она с удовольствием принимала платья, украшения и даже деньги от влюбленных мужчин.

Кларк Гейбл и Грейс Келли. Кадр из фильма «Могамбо»

Весьма «прибыльным» в этом плане стал ее роман с Али Ханом. Светский лев, плейбой, знаменитый обольститель, он приходился старшим сыном Ага Хану, лидеру мусульман-исмаилитов, одному из богатейших людей мира, а матерью его была танцовщица-итальянка. Али Хан проводил жизнь в поиске

наслаждений, и легко находил их благодаря своим деньгам и своему обаянию. Список голливудских актрис, которых Али Хан соблазнил, весьма внушителен. И с каждой он был безгранично щедр.

Грейс Келли он подарил целый гардероб. И браслет, усыпанный изумрудами. В газетах об этом не писали, так что родители Грейс о таком неподобающем поведении дочери так и не узнали. Зато узнал Дон Ричардсон. Грейс сама ему похвасталась.

«Она пригласила меня к себе на обед, — вспоминал Ричардсон. — И после, когда мы были уже в постели, она спросила: «Хочешь увидеть несколько прелестных вещиц?» Знаете, лично для меня самой прелестной вещью на свете была ее нагота. Ничего более прекрасного я не мог себе представить. Но она все-таки устроила для меня демонстрацию мод, надевая один за другим дорогие наряды — платье за платьем. Я понятия не имел, откуда они у нее. А затем она вышла ко мне в чем мать родила с одним лишь золотым браслетом на руке. Эта штуковина была вся усыпана изумрудами. Грейс помахала браслетом у меня перед носом. Что ж, я безошибочно определил, откуда у нее этот браслет… Когда Али Хан впервые встречался с дамой, то дарил ей портсигар с изумрудом на крышке. Когда же она оказывалась у него в постели, он дарил ей браслет… Это и был тот самый браслет. Я чувствовал себя несчастнейшим на свете… Я оделся и сказал ей, что ухожу. Мне было неприятно ее видеть. Она спросила меня, имеет ли это какое-то отношение к браслету, и я ответил, что да, и еще какое!»

Демонстрация платьев и браслета стала последней каплей. Дон понял, что больше не может терпеть. Более того: он разочаровался в Грейс: «Она превратилась в настоящую хищницу-карьеристку. Все ее устремления сводились к одному: пробиться наверх, прославиться… Она уже рассказывала мне о некоторых из своих кавалеров, о том, как они помогали ей установить полезные для ее карьеры связи, как они учили ее необходимым вещам. Я решил, что сыт этим по горло».

Промо-слайд к фильму «Ровно в полдень». Актеры: Ллойд Бриджес, Кейти Джурадо, Гари Купер и Грейс Келли

Они поссорились. Дон сорвал браслет с руки Грейс и забросил его в аквариум. На пороге Дон обернулся… Обнаженная Грейс стояла, опустив руку в воду, и пыталась выудить драгоценность.

За последующие годы через постель красавицы-актрисы прошла целая вереница мужчин, как известных, так и не очень. Недостатка в любовниках у нее никогда не было. Она была близка со всеми своими партнерами по фильмам. С Кларком Гейблом, когда снималась в «Могамбо». С Гэри Купером, когда снималась в фильме «Ровно в полдень». С Рэем Милландом во время работы над картиной «Наберите номер убийцы». С Джеймсом Стюартом, партнером по фильму Хичкока «Окно во двор». С Уильямом Холденом, когда снималась в фильме «Мосты у Токо-Ри». У нее был роман с Кэри Грантом и они после оставались друзьями всю жизнь. У Грейс был роман с обворожительным молодым конгрессменом Джоном Фитцджеральдом Кеннеди, будущим президентом США.

Но, несмотря на бесконечную вереницу любовников, Грейс

никогда не забывала свою первую любовь: Харпера Дэвиса, медленно умиравшего в госпитале для ветеранов. Она регулярно навещала его и сидела у него постели, держала его за руку, что-то рассказывала. Потом целовала на прощание. А Харпер не мог ответить ей даже легким рукопожатием. Он был все так же полностью парализован и даже целая серия операция не изменила ничего в его плачевном состоянии. Но он все сознавал. И кто знает, о чем думал этот жалкий остов человека, когда рядом с ним сидела его первая и единственная любовь, сияя красотой и здоровьем? О том, как счастливо могла бы сложиться их совместная жизнь, если бы все чаяния юности не перечеркнула война? Быть может…

Грейс Келли и Рэй Милланд в фильме «В случае убийства набирайте “М”»

Глава 7
ХИЧКОК И ДВА «ОСКАРА»

Фильм «Могамбо» подарил Грейс не только яркий роман с Кларком Гейблом, но еще и первого «Оскара»: за лучшую второстепенную роль. Да, эта номинация обычно отдавалась красивой начинающей актрисе, но Грейс действительно нравилась американской публике. Она играла девушек чистых и несколько чопорных — и от того особенно желанных. Играла не особенно выразительно, но именно эта акварельность актерского таланта Грейс Келли так выделяла ее на фоне секс-бомб той эпохи: Авы Гарднер, Риты Хэйворт, Мэрилин Монро, Ланы Тернер. В 1953 журнал «Лук» назвал Грейс лучшей актрисой США — согласно опросу, проведенному среди читателей.

Причиной, по которой Голливуд принял Грейс с распростертыми объятиями и ей наперебой принялись предлагать роли, стало то, что холодная северная красавица с высокими скулами и прозрачными светлыми глазами, выглядящая породистой, аристократичной и погруженной в себя, заменила другую такую же — Ингрид Бергман, которая царила в Голливуде в 40-х, взлетела на вершину кинематографического Олимпа после выхода «Касабланки», и была заклеймлена как развратница после того, как влюбилась в итальянского режиссера Роберто Росселлини, забеременела от него и сбежала в Европу, бросив мужа-врача и дочь. Ее поступок буквально взбесил всю американскую общественность. Актрису обличали с трибуны Сената, как «приверженицу культа свободной любви» и «апостола деградации». Возврата в Голливуд для Ингрид не было… Но ее место пустовало. И его заняла Грейс Келли. Она даже внешне чем-то напоминала Ингрид.

Афиша фильма «Могамбо». За второстепенную роль Келли получила своего первого «Оскара»

Актеры и режиссеры принялись на разные голоса восхвалять новую звезду.

«Долго нам пришлось ждать, — говорил Гэри Купер, — прежде чем у нас в кино завелась барышня, которая производит

впечатление прирожденной аристократки. При всем уважении к дорогой Ингрид Бергман, я предпочитаю Грейс. Она — само спокойствие».

«Мы устали от выпендрежа, кривляния, откровенного секса, — писал в журнале «Сага» Эдвард Линн. — Грейс Келли тем более будоражит нас своей сдержанностью».

Грейс Келли появилась просто очень вовремя. Зрителям надоел типаж «девчонки из-за соседней двери», и тем более «девчонки в обтягивающем свитере». Зрителям захотелось увидеть женщину благородную и целомудренную. А Грейс, как никто другой, умела играть подобных персонажей. Она появилась всего в трех незначительных ролях, — и вот уже студии буквально дрались за нее, ей предлагали участие в престижных постановках, и она получила свой первый «Оскар».

Но главной кинематографической удачей Грейс Келли было то, что она заинтересовала гениального режиссера Альфреда Хичкока. Просто потому, что она являлась воплощением его сексуальной фантазии.

Хичкок возбуждался, представляя, как едет в такси, на заднем сидении, рядом с ослепительно-красивой, надменной и холодной блондинкой, но несколько умелых прикосновений — и из подо льда вырывается пламя, блондинка превращается в пылкую вакханку! Хруст вздымающейся атласной юбки, шелест шелкового белья, прикосновение к жаждущей ласки плоти… Почему-то Хичкок был убежден, что только надменные и холодные блондинки бывают по-настоящему страстными любовницами. Хотя скорее всего — его привлекала страсть только таких вот Снежных Королев.

На съемках фильма «Окно во двор». В кадре: Альфред Хичкок, Грейс Келли и Джеймс Стюарт

«Когда рядом с вами такая женщина, можно ожидать всего что угодно. Англичанка, немка с севера Германии или шведка — подчас они выглядят как школьные зубрилки. Но стоит их распалить, как они… Господи, они вас изумят, уверяю. Куда интереснее открывать секс в женщине, чем терпеть, когда его обрушивают на вас, хотите вы того или нет», — заявлял лысый коротышка Хичкок.

Грейс Келли была женщиной его мечты. «Заснеженный вулкан», — так охарактеризовал ее режиссер после первой же встречи. И сразу же пригласил на главную роль в триллере «В случае убийства набирайте «М»».

«Актриса, подобная ей, дает режиссеру известные преимущества, — пояснял позже Хичкок. — Он может позволить себе снять более откровенную любовную сцену, если в ней играет леди, а не потаскушка. С простой актрисой это будет сама вульгарность. Но если в тех же обстоятельствах занята леди, сцена может получиться волнующей и прекрасной».

Именно сотрудничество с Хичкоком сделало из Грейс Келли настоящую звезду. Три года она работала практически только с

ним. После «В случае убийства набирайте «М»» Хичкок снял Грейс еще в двух детективных картинах: «Окно во двор» и «Поймать вора».

Фильм «Окно во двор» имел бешеный успех и собрал огромную кассу.

Дон Ричардсон смотрел на свою бывшую любовь из кинозала, наравне с другими зрителями, и не мог не восхищаться женщиной, которая разбила ему сердце: «На экране от нее словно исходило сияние. Когда она склонялась над Джеймсом Стюартом, чтобы поцеловать его, это было как во сне. Куда подевалась та робкая девчонка, которую я когда-то знал! Хичкок воплотил фантазию в жизнь, и я сидел и смотрел, как зачарованный».

Как ни странно, второго «Оскара» Грейс получила вовсе не за работу у Хичкока, а за фильм «Деревенская девушка», где она сыграла провинциалку, влюбившуюся в актера, и принесшую ему в жертву всю свою жизнь. Удивительно, как история, рассказанная в этом фильме, предвосхитила судьбу самой Грейс. Быть может, ей столь блистательно удалась роль самопожертвенной и кроткой супруги, потому что она и в реальной жизни была склонна к самопожертвованию и кротости, а семейные ценности ставила превыше всего? Несмотря на огромное количество любовников, Грейс Келли продолжала мечтать о замужестве.

Афиша фильма «Деревенская девушка»

Грейс вспоминала, как вернулась с вожделенной статуэткой в свое бунгало, поставила ее на тумбочку на фоне окна и легла в постель. Ей не спалось и она смотрела, смотрела на своего «Оскара» за главную женскую роль. На воплощение всех актерских чаяний, вершину ее успеха.

«Вот так мы и сидели вместе, только «Оскар» и я, и никого больше. Это было ужасно. Никогда в жизни я не чувствовала себя так одиноко», — вспоминала она позже.

У нее был «Оскар» — но даже в ночь после церемонии ей нужен был «кто-то еще». Она ненавидела одиночество. Она хотела душевного тепла. Любви. Она чувствовала, что уже готова соединить свою судьбу с судьбой другого человека. А еще Грейс Келли очень хотела детей. Уже давно. Ей всегда нравились маленькие дети и она с завистью смотрела на беременных женщин, на молодых матерей, толкающих перед собой коляски… Но замужество, беременность, дети — все это было несовместимо с удачной кинематографической карьерой. А теперь у Грейс Келли был «Оскар»! Награда, дающая столько возможностей, открывающая столько дверей!

Грейс Келли и Марлон Брандо на 27-й церемонии вручения премии «Оскара» награждены за роль в фильме «Деревенская девушка»

Глава 8
ЖАН-ПЬЕР ОМОН И ОЛЕГ КАССИНИ. РАСТОРГНУТЫЕ ПОМОЛВКИ

Выйти замуж Грейс Келли никак не удавалось. И всякий раз ей мешали родители, считавшие любого ее избранника недостойным.

Во время съемок у Хичкока в картине «В случае убийства набирайте «М»» она пережила страстный роман с блистательным французским киноактером, ветераном войны Жан-Пьером Омоном.

Вначале француз не понравился Грейс и она держалась с ним чопорно.

«Первое время я был для нее исключительно мистер Омон. Она не желала обращаться ко мне иначе на протяжении двух или трех дней, — вспоминал актер. — Вот я и сказал ей: «Мисс Келли, не желаете ли прочесть вот это?» Грейс расхохоталась. Лед был сломан. Мы с ней стали настоящими друзьями».

Они стали не только друзьями, но и любовниками. Играли супругов Дюбон как на экране, так и в жизни. Будучи человеком порядочным, Жан-Пьер Омон никогда не рассказывал подробностей о своей любовной связи с будущей княгиней Монако. Только один раз обмолвился: «Никто из нас двоих не был девственником».

Они не просто стали любовниками, они полюбили друг друга. Во всяком случае, Омон позже говорил: «Я любил ее! Она была так хороша собой». А Грейс призналась подруге, что собирается замуж за француза.

Почтовые марки с изображением актрисы

Но когда зашла речь о том, чтобы быть представленным ее родителям, Омон решительно отказался. Он был наслышан об истории с Доном Ричардсоном… Омон тоже был евреем. И социалистом. Он состоял в браке с актрисой Марией Монтес, у них родилась дочь Тина, и на момент знакомства с Грейс

бракоразводный процесс как раз находился в самом разгаре. В общем, все те же недостатки, что и у Ричардсона. Только Омон, в отличие от Ричардсона, не скрывал свою национальность, и политические взгляды тоже. Жан-Пьер был очень смелым человеком, он воевал против нацистов, и получил за храбрость Орден Почетного легиона и Военный Крест.

Жан-Пьер Омон готов был жениться на Грейс. Он даже подарил ей кольцо, а она приняла, и считала себя помолвленной с ним. Но Омон не желал иметь ничего общего с ее родными. Он считал, что Грейс достаточно взрослая, чтобы самостоятельно принимать решения… Однако Грейс не посмела выйти замуж без согласия родителей. По окончании работы над фильмом они с Жан-Пьером расстались. Он вернулся во Францию. Она продолжила работать с Хичкоком.

После расторжения помолвки с Омоном Грейс утешалась, кочуя от одного любовника к другому. Временами из-за нее разгорались скандалы. Но Хичкока это только развлекало.

«Ну и Грейс! — говорил режиссер в беседе со сценаристом Брайаном Мором. — Ну и Грейс! С кем только она не трахалась! Ну и ну! Даже с коротышкой Фредди, нашим сценаристом!»

До семейства Келли доходили смутные слухи о безнравственном поведении средней дочери. Вернуть домой и посадить под замок кинозвезду ее масштаба Келли уже не могли. Но они навязали ей общество Лизанны, полагая, что в присутствии младшей сестры Грейс постыдится заводить любовные шашни. Они ошиблись. Грейс не стыдилась, а Лизанна прониклась завистью к успеху сестры и, можно сказать, научилась у нее плохому.

«Все мужчины на съемках с ума сходили от нашей Грейс, Они роем кружились вокруг нее, а Тони Досон (игравший убийцу) и Фредерик Нот (автор пьесы и сценария) влюбились в нее совершенно серьезно. Казалось, что вся съемочная группа влюбилась в нее, — вспоминала Лизанна. — Все только и знали, что посылали ей цветы. Я как-то раз не выдержала и воскликнула: «Тут у нас как в похоронном бюро!». У нас кончились вазы. Каждый день прибывал новый букет!»

Альфред Хичкок: «Грейс Келли — заснеженный вулкан»

Впоследствии Лизанна — единственная из семьи — вышла замуж по собственному выбору, за человека, который решительно не нравился ее отцу.

А Грейс, несмотря на все «шалости», оставалась послушной дочкой. И когда она снова влюбилась всерьез, перед ней снова встала дилемма: как отнесутся к ее избраннику родители?

Олег Кассини был модельером, а людей творческих Джек Келли не жаловал. Однако Кассини был очень знаменитым и богатым модельером. У него одевалась вся американская элита. Да и сам он принадлежал к элите, настоящей европейской элите. Отцом его был русский дворянин и дипломат, граф Александр Лоевский. Мать — итальянская графиня Маргарита де Кассини. Для первых творческих опытов Олег взял фамилию матери, и так под этой фамилией и прославился.

Серьезным недостатком Олега Кассини в глаза католика Джека Келли было то, что модельер уже дважды состоял в браке. В первый раз — с Мерри Фарни, богатенькой барышней из Чикаго: они прожили вместе всего несколько месяцев. Второй раз — с кинозвездой Джин Тирни. Их брак омрачился трагедией: когда Джин была в первый раз беременна, она заболела краснухой, и как следствие — их первая дочь, Дарья, родилась умственно отсталой и слепоглухонемой. Впоследствии оказалось, что Джин заразила недалекая фанатка, сбежавшая из карантина, чтобы повидать свою любимую кинозвезду. Эту историю писательница Агата Кристи описала в своем детективе «Зеркало треснуло», правда, в реальной жизни фанатку никто не покарал… Хотя, быть может, стоило бы. Вторая дочь, Кристина, родилась нормальной. Джин и Олег несколько раз сходились и расходились, изменяли друг другу, потом развелись окончательно, сохранив при этом теплые дружеские отношения… Подобные богемные «заморочки» для Джека Келли были совершенно непонятны и неприемлемы. И все же у Кассини был шанс… Как казалось ему самому и даже Грейс.

Грейс Келли и Олег Кассини в греческом антураже

(Парис и Елена)

Олег Кассини познакомился с Грейс в 1953 году, в разгар ее романа с Жаном-Пьером Омоном, с которым модельер был знаком еще с тех пор, как сам жил в Париже. Собственно, Олег увидел в ресторане своего французского друга, подошел его поприветствовать. И вдруг обнаружил, что спутницей Омона была прекрасная белокурая киноактриса, на которую он всего лишь несколько часов назад любовался из зрительного зала: по удивительному капризу судьбы, в ресторан Кассини пришел из кинотеатра, после просмотра «Могамбо».

В своей автобиографии модельер писал, что выходя из кинотеатра заявил другу, с которым они вместе смотрели фильм:

«— Я во что бы то ни стало должен с ней познакомиться».

Друг удивился.

«— Да ты в своем уме? С чего ты взял, что ей будет интересно с тобой знакомиться? Откуда ты знаешь, может, она уже в кого-то влюбилась?»

«— Какая мне разница! Клянусь, эта девушка будет моей!» — ответил Кассини.

Вскоре он уже сидел за одним столом с Грейс Келли — и с человеком, в которого она влюбилась.

«Я не стал говорить ей, что только что видел ее в «Могамбо», или же признаваться, что мне известно, кто она такая. Я чувствовал, что лобовая атака здесь была бы просто неуместна. Мне хотелось очаровать ее, сделать так, чтобы у нее обо мне сложилось приятное впечатление, — рассказывал Кассини. — Требовалась программа действий, романтичная, даже немного глупая, чтобы растопить ее внешнюю холодность».

На следующий день с утра в отель, где жила Грейс, доставили дюжину алых роз. В полдень — еще дюжину. И еще дюжину — вечером. И так — на протяжении десяти дней. К каждой вазе была прикреплена записка: «Влюбленный в Вас Садовник».

Грейс Келли с Олегом Кассини

Грейс уже не знала, куда ей ставить цветы. У нее голова кружилась от благоухания. Но она их обожала и ее восхищал этот незнакомец, буквально утопивший ее в розах.

Наконец, помучив красавицу неизвестностью, Олег позвонил Грейс: «Говорит влюбленный в Вас Садовник».

«Возникла пауза, затем послышался легкий смех, и я понял,

что одержал победу. Подобно Наполеону, я произнес: «Женщина, которая смеется, уже принадлежит вам», — вспоминал Кассини.

Но пока сердце Грейс принадлежало Омону. А потом она не хотела никаких серьезных отношений.

Быть может, если бы Кассини продолжал ухаживать за ней, как влюбленный и жаждущий мужчина, он бы добился ее на несколько ночей, но после был бы брошен, как все ее временные любовники. Но Олег был умен, хорошо разбирался в женщинах, а от Грейс Келли он хотел много большего, нежели несколько ночей… Он хотел получить ее сердце.

Поэтому он начал игру. То демонстрировал свою любовь, осыпая Грейс цветами (и только цветами, он не дарил ей драгоценностей), то вдруг словно бы терял к ней интерес, и даже позволял папарацци сфотографировать себя в обществе какой-то другой женщины. Он хотел пробудить в Грейс азарт хищницы, не желающей упускать мужчину, который мог бы ей принадлежать. Расчет оказался верным. Грейс начала свою охоту на Олега Кассини.

«Механическая сторона любви никогда не представляла для меня такого интереса, как предшествующие ей события, — горделиво признавался Олег Кассини. — Искусство соблазнения казалось мне куда более чарующим, нежели конечный результат».

Долгое ожидание оправдало себя. Когда они наконец решились провести вместе ночь, это было не просто удовлетворение физиологических потребностей. Это была настоящая ночь любви.

«Казалось, мы парили, околдованные силой наших ощущений. От нее пахло гортензиями — экзотический и одновременно чистейший из ароматов. В ней было нечто от нежного бледного перламутра, вся она лучилась свежестью и утонченностью: ее кожа, ее духи, ее волосы. Я был на седьмом небе от счастья, ощущая лишь чарующую прелесть этих моментов», — вспоминал Кассини.

Грейс Келли — икона стиля. Страница из модного журнала

С той первой ночи их отношения так и не потеряли высокий накал. Они упивались друг другом. Когда Грейс уезжала на съемки, Олег выкраивал время из своего достаточно

напряженного графика, чтобы навестить ее и провести с ней хотя бы одну ночь. В конце концов, он предложил ей руку и сердце.

«Мне бы хотелось устроить свою жизнь с тобой. Я хочу за тебя замуж», — ответила Грейс на его предложение.

Они отметили помолвку шампанским и совместным походом в казино, где Грейс выиграла, и это показалось им добрым предзнаменованием для дальнейшей жизни.

«Это был совершенно волшебный вечер, — с грустью вспоминал Кассини, — и меня переполняли гордость и любовь, я был восхищен ею до глубины души».

Но уже на следующий день Грейс начала обсуждать с ним подробности будущей свадьбы. И среди прочего заявила: «Я хочу сразу же написать домой, чтобы поставить всех в известность. Мама будет на моей стороне, вот увидишь… Правда, с отцом могут возникнуть трудности. Ты не совсем в его духе…»

Знакомство с родителями Грейс прошло для Олега Кассини ничуть не лучше, чем у его предшественников.

— Мистер Кассини, мы не считаем вас достойным руки нашей дочери, — заявила ему Ма Келли от имени всей семьи. — Мы полагаем, что Грейс обязана во имя себя самой, во имя ее семьи и чести нашего прихода пересмотреть свое решение. Мы выдвигаем требование: шестимесячный испытательный срок. Как нам кажется, вам на протяжении этого времени не следует видеться друг с другом. И тогда Грейс разберется, в чем тут дело: виновата ли Европа, ваши чары или ваши настойчивые домогательства.

Кассини был шокирован. Ему, аристократу, получившему прекрасное воспитание, отказывала в руке своей дочери вульгарная американка! Эта женщина, не имевшая никакого образования, имела наглость осуждать его образ жизни! И Грейс, его любимая Грейс, сидела рядом с матерью с затравленным выражением лица, и не смела даже слова сказать… Однако Олег слишком любил Грейс, чтобы так просто отступиться. Он согласился на оскорбительный для него испытательный срок.

Спустя месяц он получил через Грейс приглашение погостить в летнем домике семейства Келли в Оушн-Сити. Кассини подумал, что это признак того, что семья готова его принять. Он

ошибся…

В качестве спальни Кассини предложили что-то вроде закутка, расположенного в паре метров от спальни супругов Келли. Что особенно важно — в пределах из слышимости.

«Я словно угодил в мышеловку, — вспоминал модельер. — Все мои движения ночью прекрасно прослушивались».

Еще больше изумило его, что мужская половина семейства, Джек и Келл, отказывались с ним знакомиться и разговаривать. Олег для них словно бы не существовал.

«Они действительно не проронили ни слова, — рассказывал Кассини, — даже в ответ на вопросы. В какой-то момент, когда мы с Грейс купались, она сказала: «Попробуй поговорить с моим отцом». Но каждый раз, когда я предпринимал попытку завязать разговор, он смотрел на меня как на пустое место и не произносил ни слова».

Олег еще не знал, что несмотря на оказанный ему нелюбезный прием, сам по себе факт приглашения можно было считать прогрессом. Когда Джек Келли впервые услышал о том, что очередной претендент на руку Грейс приедет к ним на уик-энд, он орал так, что дрожали стены: «Этот модельеришка, этот жалкий итальяшка, макаронник! Пусть он только посмеет переступить порог нашего дома!»

Грейс и Жан-Пьер Омон на аттракционах

Олег Кассини был не таким робким, как Дон Ричардсон. В молодости, во Франции, ему случалось даже драться на дуэли за свою честь. Терпеть хамские выпады семейки неотесанных выскочек он не желал. И его возмущало поведение Грейс, которая ни разу за него не вступилась. Казалось, молчанием она поддерживала своих родных.

Да, собственно говоря, так оно и было. Выбирая между семьей и любовью, Грейс Келли всегда выбирала семью. И всегда надеялась, что любимый как-то сумеет расположить к себе ее родственников.

Впрочем, в случае с Кассини она решилась на бунт. На очень робкий бунт: когда влюбленные вернулись в Нью-Йорк, Грейс осмелилась нарушить установленный родителями шестимесячный испытательный срок, и снова стала любовницей Олега. И пришел момент, когда она заявила: «Какая мне разница, что думают мои родители. Я не могу без тебя. Как бы то ни было, давай поженимся».

Кассини начал придумывать модель свадебного платья, в которое он собирался нарядить свою прекрасную невесту, но спустя несколько дней после того, как Грейс сделала свое судьбоносное заявление, она прислала ему письмо:

«Дорогой! Мне не терпится снова увидеть тебя, особенно теперь, когда я твердо решила, что хочу стать твоей женой. Нам еще предстоит многое узнать друг о друге, существует много такого, что ты должен узнать обо мне. Мы должны проявлять к друг другу терпение и медленно продвигаться вперед, не ожидая скорых результатов. Но мы нужны друг другу, а еще должны быть до конца честными, что бы ни случилось. Впервые в жизни я чувствую, что могу взглянуть на любовь и брак глазами взрослого человека. Спасибо тебе. Но за последний год шесть картин опустошили меня духовно и физически, и мне требуется время, чтобы прийти в себя. Прошу тебя, дорогой, постарайся понять меня, и помочь мне. Я с каждым днем люблю тебя все сильнее и надеюсь, что ты испытываешь то же самое. Однажды ты сказал мне, что не смог бы любить меня сильнее, чем сейчас. Это ужасно огорчает меня, ведь я не теряю надежды, что мы будем бесконечно расти и развиваться духовно. Наша любовь к Богу и к друг другу каждый день будет еще теснее сближать нас обоих. Люблю тебя и хочу быть твоей женой. Твоя Грейс».

Письмо одновременно тронуло Олега и обеспокоило.

Грейс просила отсрочки.

Портрет Грейс Келли. Автор Энди Уорхол

Значит, платье для нее еще рано шить…

Олег Кассини мечтал о тайном браке с Грейс, в духе «Ромео и Джульетты». Однако время шло, но Грейс никак не могла решиться. Она становилась все более грустной, ее все больше тяготило чувство вины перед родителями, которых она, как ей казалось, предавала. И в конце концов Кассини понял, что из их отношений ушла всякая радость. Ушло доверие. А вслед за ним

ушла и любовь.

Время было упущено. Он понял, что Келли опять победили. И сам, первый, оставил Грейс, чтобы избавить ее от мучительного выбора между семьей и любимым.

После разрыва с Кассини, Грейс опять встретилась с Жаном-Пьером Омоном. И, как это не удивительно, между ними снова вспыхнула любовь. Вновь было принято решение пожениться. Омон даже заявил об этом журналистам: «Когда мужчина влюблен в женщину, подобную мисс Келли, брак — это единственное, о чем можно мечтать».

Грейс строила планы о том, как будет жить между двумя континентами, работать и в США, и во Франции. «Любовь не имеет никакого отношения к национальности!» — гордо заявила она на вопрос, почему в качестве супруга выбрала француза, а не американца.

Но очередной визит к родителям разбил очередную иллюзию любви.

«Уж лучше бы ты собралась замуж за негра, чем за еврея», — заявил Джек Келли.

«Мы с Грейс дали друг другу слово, — вспоминал Жан-Пьер Омон. — Наша помолвка была неофициальной, но мы были душой и телом преданы друг другу. Мы думали, что вскоре поженимся… Однако я был евреем. И у меня была маленькая дочь».

Голливудские звезды в Нью-Йорке: Грейс Келли, Элизабет Тейлор и Лориан Дей.1955 г.

«Дорогая, ты на самом деле не любишь его. Ты все еще ждешь своего принца», — уговаривала дочь Ма Келли.

И Грейс опять сдалась. Бороться с родителями она не могла. А «само собой» ничего не решалось.

Для Омона, как и для Кассини, поведение Грейс было доказательством того, что она недостаточно любит своего избранника. «Наша любовь увяла, как роза», — с грустью сказал

журналистам Жан-Пьер, вернувшись во Францию.

Подруги Грейс одна за другой выходили замуж. У многих уже имелись дети.

У Грейс была слава и два «Оскара». Но это было вовсе не то, чего ей хотелось на самом деле.

Актриса на фотосессии для журнала LIVE

Глава 9
РЕНЬЕ ГРИМАЛЬДИ: «ОН — ВСЕ ТО, ЧТО Я ЛЮБЛЮ!»

С Ренье Гримальди, князем и правителем крохотного государства Монако, Грейс познакомилась в том же, судьбоносном для нее 1955 году, когда молодая актриса получила «Оскар» за лучшую женскую роль и была приглашена на Каннский фестиваль. В первую встречу они не произвели друг на друга особого впечатления. Князь был застенчив, что было нормальным состоянием этого тридцатилетнего мужчины: он почему-то боялся красивых женщин и особенно активных американок. А Грейс страдала из-за того, что на ней неудачное платье и что она не успела сегодня к парикмахеру… Они немного погуляли по саду и Ренье показал Грейс свой зверинец. И все.

Никто даже не мог предположить, что это знакомство будет продолжено.

Но всего через месяц Ренье поехал в США — в деловую поездку — и между делами вдруг вспомнил о Грейс. И пожелал с ней встретиться. Вот тогда-то и завязался между ними роман.

Обычно, когда девушка из простой, не аристократической семьи, да еще и не миллионерша, выходит замуж за князя, ее подозревают в какой-то толике расчета.

В случае с Грейс Келли расчет наблюдался как раз со стороны князя Ренье. Он искал себе невесту, обязательно — католичку, желательно — красавицу, знаменитую, кинозвезду или манекенщицу, в общем, такую, которая могла бы стать достойным «лицом» княжества Монако.

Первая встреча знаменитой актрисы и князя Монако

При всей своей застенчивости, князь Ренье был блестящим дельцом и неплохим политиком. Ему нужна была жена, а его игорному бизнес-королевству требовалась правительница, причем не аристократичная, а блистательная, так что все до единой европейские принцессы-дурнушки сразу выпадали из списка. А еще избранница должна быть молода и здорова, чтобы рожать наследников рода Гримальди.

Грейс Келли подходила идеально. То есть, конечно, она нравилась Ренье, возможно, он даже был влюблен, ведь трудно предположить, чтобы хоть какой-то мужчина женился на такой невероятной красавице, вовсе ничего к ней не испытывая… Но все же для Ренье этот брак был прежде всего выгодным политическим

шагом. Рекламной акцией.

А Грейс была влюблена.

«Мне ужасно нравятся его глаза, — восторженно говорила Грейс подруге. — Я могу смотреть в них бесконечно. А какой у него прекрасный голос! Он — все то, что я люблю!»

Многие ее поклонники ломали головы: чем же покорил ее неразговорчивый и суховатый Ренье? Но подругам Грейс со счастливым смехом рассказывала, что князь, при всей своей внешней сдержанности, чрезвычайно хорош в постели. К тому же Грейс так давно мечтала о настоящей любви, о собственной семье! И теперь ей казалось, что ее мечта сбывается. И кроме того — на этот раз она была уверена, что отец разрешит ей выйти замуж. Было бы странно, если бы Джек Келли счел князя недостойным своей дочери…

В то время, когда Ренье ухаживал за Грейс, она снималась в фильме Ференца Мольнара «Лебедь», в роли экзальтированной юной девушки Александры, к которой сватается принц, и которая должна взвесить все «за» и «против» придворной жизни, прежде чем решить для себя, хочет она за него замуж или нет. Эта роль удалась Грейс едва ли не лучше, чем все предыдущие, потому что она играла саму себя. На экране она решала вопросы, которые встали перед ней в реальной жизни.

На кинофестивале в Каннах. 1955 г.

«Александра была единственной ролью, — вспоминает актриса Джой Кантер, — за которую Грейс ухватилась едва ли не с жадностью. Если не ошибаюсь, она сама предложила себя на эту роль».

«— Подумай, что значит быть лебедем, — говорит Александре принц. — Это значит, будто во сне, плавно скользить по гладкой поверхности озера и никогда не выходить на берег. На суше — там, где ходят простые смертные, — лебедь неуклюж, а подчас даже смешон. Когда он вперевалочку вышагивает по берегу, то до боли напоминает совершенно другую птицу.

— Гусыню? — задает ему вопрос Александра-Грейс.

— Боюсь, что да, — отвечает принц. — Вот почему лебедь всегда должен оставаться там, на глади озера, — спокойный, белый и величественный. Быть птицей, но никогда не летать. Знать всего одну песню, но никогда не петь ее вплоть до смертного часа…»

Александра делает выбор в пользу принца. Она чувствует себя лебедем. Не такой птицей, как все прочие. Птицей, которая никогда не будет ходить по суше…

Грейс тоже чувствовала себя лебедем.

Джек Келли решил, что беседа с очередным искателем руки его дочери будет происходить в присутствии журналистов. Он, конечно же, в глубине души сразу дал согласие на этот брак, но хотел покрасоваться. Князь Ренье прибыл в дом Келли и несколько часов под прицелом камер отвечал на вопросы:

— Князь, с вашей стороны это любовь с первого взгляда?

— Скольких детей вы хотели бы иметь?

Князь отвечал на все вопросы, но держался надменно и холодно. Как и предыдущим поклонникам Грейс, ему очень не понравились шумные и вульгарные Келли. Но он хотел жениться на этой девушке. И согласен был на шоу, придуманное ее отцом, поскольку это входило и в планы самого Ренье: устроить из бракосочетания шоу мирового масштаба.

Пока Ренье гостил в доме Келли, они с Грейс изображали сугубо целомудренные отношения. Поговорить им особо было не о чем, так что каждый вечер они играли в карты. Пока не приходило время разойтись по спальням.

Афиша фильма «Лебедь»

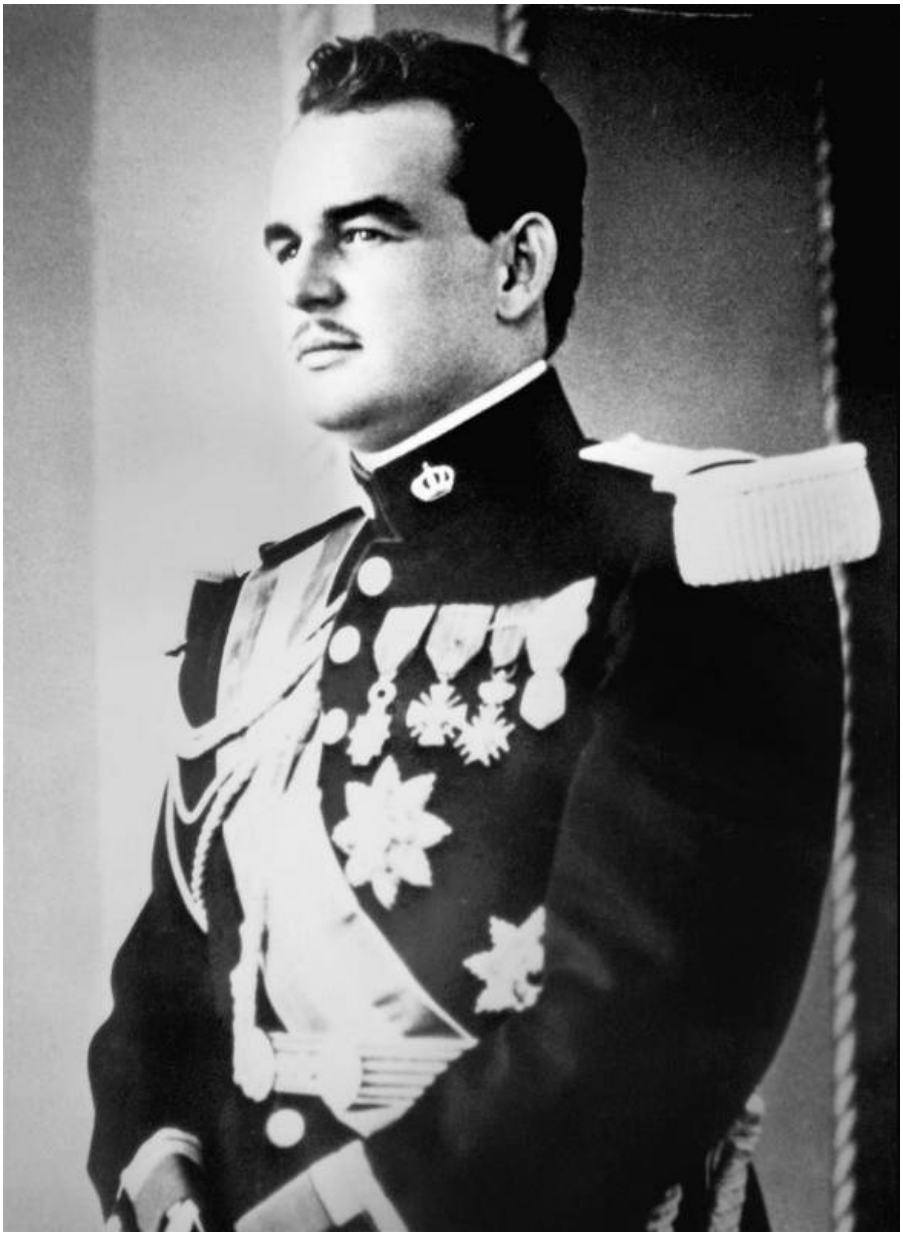
Сотни тысяч людей, затаив дыхание, следил за тем, как развивается роман князя и кинозвезды. И никто не догадывался, что на самом деле между этих двоих соединила вовсе не кипящая страсть. Отношения между женихом и невестой были очень спокойные, почти деловые. Грейс приходилось пустить в ход всю свою фантазию, чтобы «допридумать» любовную составляющую. Скрытую нежность во взгляде Ренье. Трепетную деликатность, не позволявшую ему лишний раз проявить свое влечение к ней. Грейс сочиняла для себя любовный роман. Ренье с помощью журналистов и профессионально сделанных фотографий (выглядевших «случайными кадрами») создавал сказку для всего мира.

Ренье просил руки Грейс — и она сказала «да», а вслед за ней сказали «да» ее родители.

Чтобы вступить в брак с князем, Грейс пришлось согласиться на мероприятие, которых никогда не потребовал бы от нее жених более скромного происхождения. А именно — гинекологический осмотр с целью выяснения, не бесплодна ли она. Грейс очень переживала, что осмотр покажет, что она не только не девственница, но уже давно ведет активную половую жизнь. Будто Ренье не был уже знаком со всеми сплетнями, окружавшими имя Грейс Келли в Голливуде! Актриса солгала, будто порвала девственную плеву, получив травму на уроке физкультуры в школе. Наивная и распространенная среди американок того времени ложь. Но Грейс очень хотелось выглядеть в глазах жениха добродетельной. Да, она отдалась ему, но это не значит, что она легко доступная девушка!

Ренье сделал вид, что поверил. Для него-то главным являлось то, что врач подтвердил абсолютное здоровье Грейс. Она могла забеременеть, выносить и родить.

В день помолвки князь подарил своей невесте кольцо с гигантским бриллиантом, рассыпавшим тысячи искр, едва на него попадал луч света. Грейс считала, что все трудности позади, а впереди — только роскошная свадьба и непрекращающееся семейное счастье.



Луи-Анри-Максенс-Бертран Гримальди

Но через десять дней после помолвки Ма Келли преподнесла чудовищный сюрприз: она дала газете «Лос-Анджелес Геральд» серию интервью под названием «Моя дочь Грейс Келли. Ее жизнь и любовные увлечения». Непонятно, зачем это нужно было матушке: возможно, хотелось получить свой кусочек славы,

продемонстрировать свое влияние на кинозвезду и без пяти минут княгиню. Маргарет Келли откровенно расписала все, что Грейс предпочла бы скрыть от Ренье, начиная с ее непривлекательности в детстве, гнусавости и полноты, и заканчивая обширным списком ее увлечений… Получалось, что в череде искателей руки Грейс Келли князь Монако стоял приблизительно на пятидесятом месте. Вряд ли она сделала это из каких-то негативных побуждений. Скорее всего — по недомыслию. Оба родителя Грейс были людьми ограниченными, а Маргарет еще и глуповатой.

Грейс была в ужасе. Эти статьи были весомым поводом для разрыва помолвки. Ни одна из ее голливудских подружек не предала ее, ни один из бывших любовников! Она опасалась, что зависть или желание привлечь к себе внимание сподвигнет кого-нибудь из них на ненужные откровения… Однако со стороны семьи она такого удара не ожидала. Причем ладно бы одно интервью! А то целая серия, история с продолжением, десять дней подряд!

Грейс было страшно встречаться с Ренье после выхода этих газет. Но князь уже принял решение и идти на попятный не собирался. Ему нравилась Грейс. А разрыв с ней и поиски новой знаменитой невесты испортили бы его тщательно продуманную сказку. Да и кто из современных кинозвезд без греха? В Голливуде и на Бродвее невозможно найти девственницу. Грейс, по крайней мере, береглась и не беременела, так что ей не пришлось делать аборты, в отличие от той же Мэрилин Монро. Женское здоровье она сохранила. Что касается чрезмерной страстности, которая привела к череде грехопадений, — пожалуй, эта черта нареченной князю даже нравилось. И разве не о такой женщине мечтает любой мужчина, которая может быть леди в гостиной и блудницей в постели?

Счастливая пара

Когда Грейс поняла, что Ренье прощает ей ошибки юности и не изменил своего отношения к ней даже теперь, ее любовь к нему стала почти благоговейной. Она и раньше идеализировала его. Теперь же была уверена: ей достался лучший мужчина на свете. Добрый, снисходительный, благородный — и при этом сильный. Достаточно сильный, чтобы не бояться сплетен и противостоять ее родителям.

Грейс искренне, без малейших сожалений, дала Ренье слово, что никогда больше не согласится сниматься в кино, что полностью посвятит себя семейной жизни. В тот момент ей казалось, что ничего другого она и не хочет. К тому же это было наименьшим, что она могла сделать, чтобы его отблагодарить.

Последний фильм, в котором сыграла Грейс Келли, назывался «Высший свет». Снимаясь, мыслями она была уже далеко от Америки. Она была в Монако. В европейском княжестве, о котором в США толком никто ничего не знал.

Луи Армстронг и Грейс на съемках фильма «Высшее общество»

Глава 10
МОНАКО: ПАУТИНА СУДЕБ

Монако — крошечное княжество, которое с трудом можно разглядеть на карте. Четыре километра вдоль Лазурного Берега и пара километров в глубь континента, и это еще в самой широкой части. И между тем, это государство весьма значительно. О нем говорят с уважением и восхищением, как о символе роскошной, беззаботной жизни. Когда читаешь светскую хронику, наблюдаешь за гонками «Формулы-1», один из этапов которой проходит по территории Монако, или просто гуляешь по аккуратным чистеньким улицам этого города-княжества, создается впечатление, что здесь рай на земле. При ближайшем рассмотрении это впечатление вполне подтверждается. Монако действительно оазис достатка и благополучия. Многие мечтают здесь поселиться, но получить на это разрешение очень непросто. Жизнь в Монако — дорогое удовольствие, и нужно доказать, что вы этого достойны. Вы должны иметь возможность позволить себе покупку недвижимости — а цены в Монако просто запредельные, и сумма на вашем счете должна быть очень внушительной. Но и это еще не все: вы должны быть влиятельны и знамениты. Вы должны быть блистательны. Вы должны соответствовать блистательному имиджу Монако.

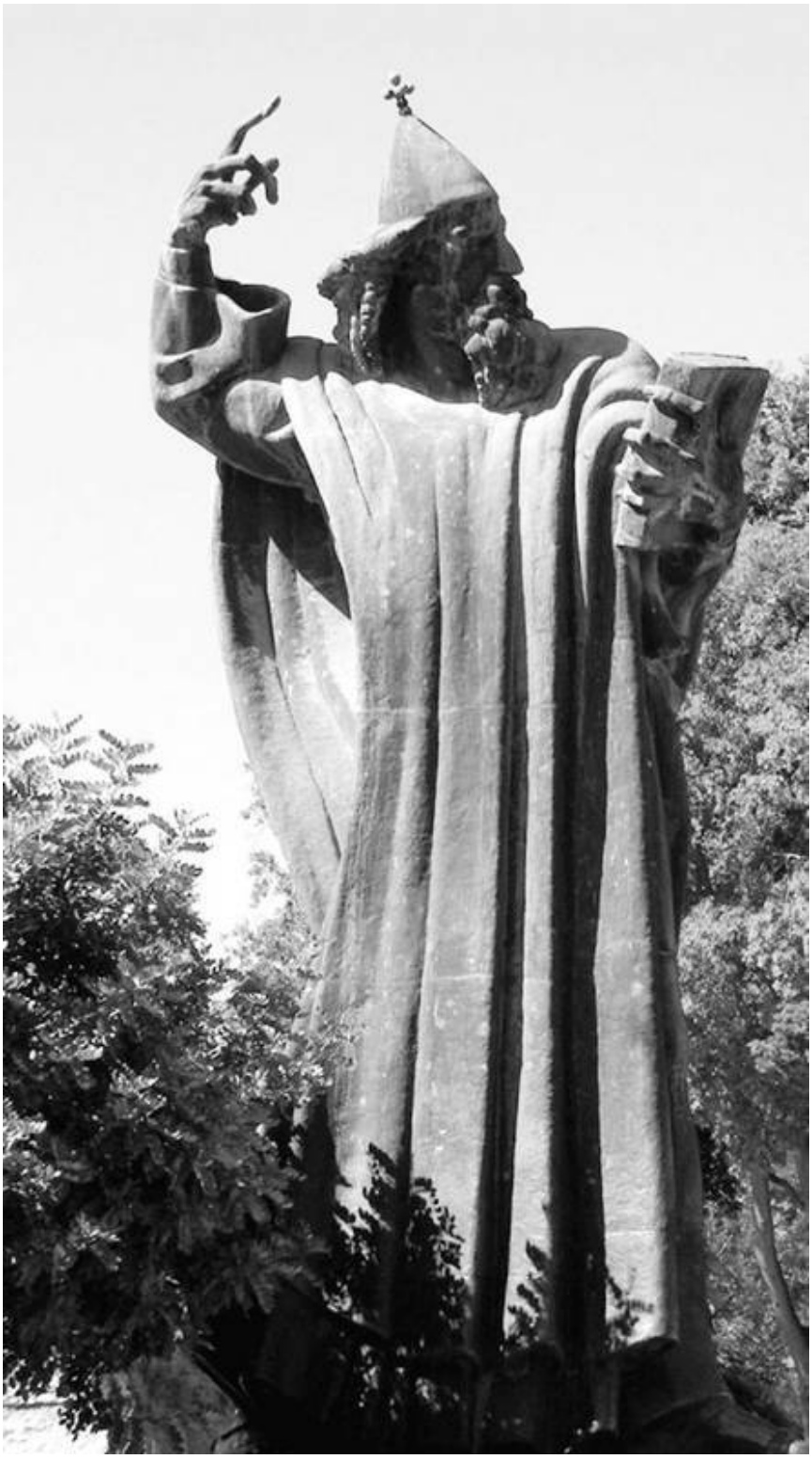
Разумеется, так было не всегда. И княжество, притулившееся на узком клочке земли между горными хребтами и морем, часто балансировало на грани того, чтобы прекратить свое существование, слившись с территорией Франции, и до второй половины XIX века прозябало в нищете. Но Гримальди всегда были авантюрны и предприимчивы: несмотря на все перипетии, они сохранили за собой право на эти земли, они добились независимости и процветания.

Первый Гран-При Монако. Фото 1929 г.

Первыми на территории будущего Монако в X веке до н. э. поселились финикийцы, поклонявшиеся одноглазому богу плодородия и мужской силы, который так и не удостоился имени собственного, и звался просто Mono okos — «одноглазый». По имени этого бога и было названо проживавшее на этих землях племя — монегаски. Приходилось им нелегко. Потому что по соседству обитало племя турибаски, почитавшее женское начало и поклонявшееся богине плодородия. Племена враждовали. И когда турибаскам случалось одерживать верх в сражениях, они захватывали в плен молодых мужчин монегаски и приводили их в храм своей богини, где жрицы подвергали их жестоким истязаниям, а после убивали. Ужасная участь… Однако прошедшие века восстановили справедливость. Сейчас о турибаски не помнит никто, кровожадное племя пожрала пучина времени, а монегаски — самая престижная национальность в мире, гарантия благополучия. Монегаски имеют огромные привилегии в Монако. Их осталось совсем немного — по данным переписи, всего лишь двадцать с небольшим процентов от общего количества поданных княжества. Им гарантировано прекрасное образование, высокооплачиваемая работа. Они единственные имеют право избираться в парламент и полностью освобождены

от уплаты налогов. Хотя конечно, нынешние монегаски не могут быть прямыми потомками древнего племени, это было бы просто невозможно, но они верят, что в их жилах течет капелька древней крови.

Спустя несколько столетий на землях будущего Монако рядом с монегаски поселились греки, основавшие колонию и построившие храм, посвященный Гераклу. Поселенцы верили, что тот когда-то бывал здесь проездом и останавливался отдохнуть в промежутке между своими знаменитыми подвигами. Как это часто бывает, культ двух богов вскоре слился воедино, но раз уж Геракл одноглазым не был — что было доподлинно известно его почитателям, — его звали «Монойкос» что по-гречески означало «одинокий».



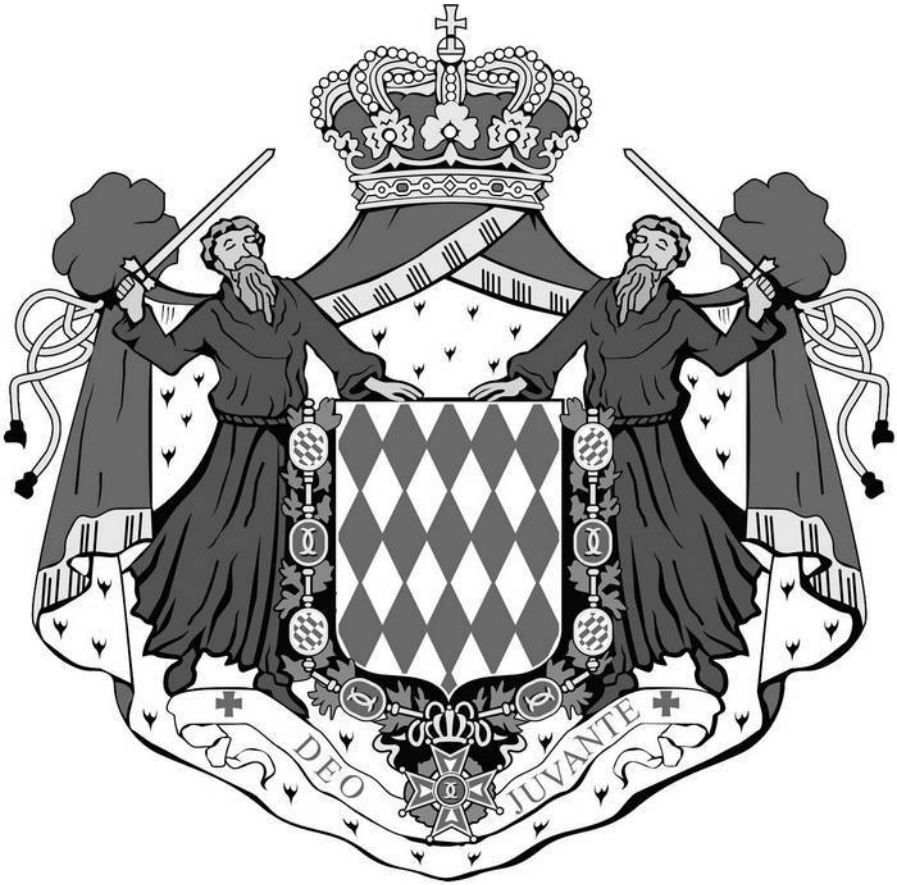
Римский император Диоклетиан некогда правил Монако

«Монойкос» звучало странно на местном наречии, и спустя еще какое-то время соседи-итальянцы начали называть греческую колонию так, как им было удобнее и казалось благочестивей: «Монако», что означает «монах».

На протяжении нескольких следующих столетий Монако переходило из рук в руки. Его захватывали римляне, и Юлий Цезарь именно здесь собирал свой флот, готовясь к битве с Помпеем. Позже с огнем и мечом по побережью прошли варвары. Еще какое-то время спустя здесь обосновались пираты из Северной Африки, которых только в X веке изгнал граф Прованский, присоединив Монако к своим владениям. А еще через два столетия император Священной Римской империи великий Фридрих Барбаросса отдал Монако под суверенитет Генуэзской республики — одного из самых могущественных и богатейших городов-государств Италии, — ив 1091 году его сын Генрих VI окончательно закрепил это право.

Генуэзская республика управлялась консулами, выбираемыми ежегодно народным собранием из числа самых знатных и уважаемых граждан. На протяжении нескольких столетий ею фактически владели четыре семейства — Фиески, Дориа, Спинола и Гримальди. Правление их не было мирным и безоблачным, неразрешимые противоречия между приверженцами Римского папы — гвельфами и сторонниками Императора — гибеллинами регулярно оборачивались кровопролитными столкновениями.

В какой-то момент Гримальди встали на сторону гвельфов и проиграли. Им пришлось бежать. Тогда-то Франческо Гримальди, впоследствии прозванному «Хитроумным», и пришла в голову коварная мысль захватить одну из крепостей, принадлежавших гибеллинам и расположенную неподалеку от Генуи на неприступной скале земель Монако. Взять крепость силой было невозможно. Но Франческо Гримальди переоделся францисканским монахом и смиренно просил защитников крепости предоставить ему кров и очаг. Добрые христиане смилостивились над беднягой, продрогшем на ледяном ветру, открыли ему ворота, но как только Франческо проник в стены крепости, он выхватил из-под рясы меч и перебил растерявшихся от неожиданности стражников. Тут подоспели и его оруженосцы. Вскоре крепость была взята.



Герб княжества Монако

Произошло это 8 января 1297 года.

Этот день принято считать началом воцарения семьи Гримальди в Монако.

С тех пор они правят здесь уже более семисот лет, являясь одной из древнейших аристократических династий в Европе. Как им это удалось?.. Гримальди умеют приспосабливаться к обстоятельствам. Потомки Франческо «Хитроумного» всегда обладали изрядными дипломатическими способностями. А еще — они не упивались чистотой аристократической крови и зачастую женились на не очень знатных, но богатых девушках. Случалось и так, — что женились по любви даже на простолюдинках. Это сохранило их род от вырождения, уничтожившего многие правящие фамилии Европы.

Кстати, сам Франческо «Хитроумный» не имел детей, и после смерти его сменил на престоле Монако двоюродный брат и

пасынок Ренье I, правитель Каннский, — некогда бывший в числе его оруженосцев и участвовавший в захвате крепости.

В течение всего долгого периода своего правления, Гримальди то управляли Монако, то оставляли крепость, чтобы послужить другим королям. Ренье I в душе всегда был моряком, он сражался за Генуэзскую республику, а потом поступил на службу к королю Франции Филиппу IV Красивому и дослужился до звания адмирала. Его сын Карл I был первым, кто провозгласил себя сеньором Монако и расширил владения, присоединив к ним новые земли. Он создал свой флот, он содержал наемное войско, служившее французским королям и защищавшее границы княжества, он участвовал в одном из важнейших сражений Столетней войны — битве при Креси и, как и его отец, получил звание адмирала.

Памятник Франческо Гримальди по прозвищу «Хитроумный» в Монако

Не обошлось у Гримальди и без кровавых семейных драм. В конце XV века двоюродный брат почившего князя Монако Ламберт был обручен с его единственной дочерью Клаудиной. Однако против воцарения Ламберта в Монако протестовала бабушка нареченной — бывшая в то время регентшей Памеллина Фрегосо. Совместно со своим родственником, дожем Генуи, она

организовала заговор, намереваясь убить будущего зятя, но тому удалось спастись и заручиться помощью короля Франции. Памеллина проиграла и была вынуждена бежать. А Ламберт женился на Клаудине, которой было в ту пору всего 14 лет, и брак их был вполне счастливым. На свет появились пятнадцать детей, из которых восемь — сыновья. А благодаря протекции Франции Монако, наконец, избавилось от политической зависимости от Генуи.

После смерти Ламберта князем Монако стал его старший сын Жан II. Но правил он не долго, погибнув при загадочных обстоятельствах, ясно указывающих на то, что они были подстроены младшим братом Люсьеном, славившемся своим коварством и жестокостью. Ставший князем Люсьен враждовал с генуэзцами и однажды те предприняли попытку захватить Монако, но защитники крепости держались стойко. «Осада, — пишет Альбер Лизимачо, — продолжалась 102 дня», пока на помощь не пришел король Франции Людовик XII, обративший генуэзцев в бегство. Чуть позже Людовик попросил Люсьена продать ему княжество. Вроде как в шутку. Но на отказ, между тем, отреагировал весьма бурно — заключив Люсьена под стражу. Впрочем, потом король Франции одумался и освободил его, ив 1512 году официально предоставил ему полное право именоваться князем Монако. Это важное событие принято считать днем независимости Монако. В 2002 году в честь 500-летия этого события была издана памятная монета, на которой изображен Люсьен I и выбиты даты — 1512–2012.

В 1523 году Люсьен I был коварно заколот кинжалом своим племенником Бартоломео Дориа.

Памятная монета с изображением Люсьена I

После смерти Люсьена Монако долгое время находилось под протекторатом Испании. Пока в 1641 году князь Оноре II, желавший избавиться от диктовавших ему условия Габсбургов, не подписал союзнический договор с Людовиком XIII и его первым министром кардиналом Ришелье. С тех пор вся история Монако тесно связана с его непосредственным соседом. Князья Монако блистали при дворе Людовика XIII и при дворе Людовика XIV, пользуясь всеми полагающимися им почестями, но… никогда не забывая о том, насколько они зависимы от могущественной Франции.

Луи I, внук Оноре II, был крестником Людовика XIV и его матушки вдовствующей королевы Анны Австрийской. Он женился на дочери маршала Франции знаменитого герцога де Грамона, и оба супруга по воле Короля-Солнце служили при дворе. Катрин-

Шарлотта де Грамон стала старшей фрейлиной Генриетты Английской, герцогини Орлеанской. Французский двор в то время славился свободой нравов. А Катрин-Шарлотта была очень хорошенькой и привлекала внимание мужчин. Якобы даже сам Людовик XIV не остался равнодушен к ее красоте… Все это крайне расстраивало Луи Гримальди, и он предпочел оставить двор и отбыл в армию. Позже он был назначен послом Франции при Папском престоле, где вел образ жизни весьма расточительный, промотав фамильное состояние. Так что его сын Антуан, ставший князем Монако после смерти отца в 1701 году, был вынужден покинуть Версаль из-за недостатка средств. Говорят, что Людовик XIV весьма об этом сожалел. «Прощайте, государь Монако, — сказал он ему, — Знайте, что вы уносите с собой мое уважение, мою дружбу и мое доверие».

Бурные события и потрясения, сотрясавшие Европу в конце XVIII столетия, не могли минуть маленькое княжество и его государей. Служивший при дворе Людовика XV, а позже и при дворе Людовика XVI князь Оноре III, после Великой французской революции потерял не только все свои владения во Франции, но и собственное княжество… Республиканская партия, возникшая в Монако в 1792 году, потребовала свободы, равенства, братства, и объединения с Французской республикой. Противостоять революционным настроениям своих подданных, а также хорошо вооруженной армии французов князь не смог, и в 1793 году Монако стало частью Франции. Сам же Оноре III был арестован и заключен под стражу. Ему удалось избежать смерти на гильотине, но он умер в тюрьме очень скоро — в 1795 году.

Генуэзская крепость, ныне Дворец принца Монако

Князь Оноре III умер, а его старший сын — Оноре IV, томился в тюрьме до 1814 года, где содержался в крайне тяжелых условиях, серьезно подорвавших его здоровье. Реставрация Бурбонов вернула ему свободу и княжеский титул. Но на этом испытания для князя не закончились. Во время «Ста дней» он был арестован Наполеоном и снова брошен в тюрьму. К счастью, теперь уже ненадолго. Но вскоре после очередного обретения свободы князь скончался. Оноре IV оставил после себя двоих сыновей. Старший, правивший под именем Оноре V, всеми силами старался «восстановить из плачевного состояния финансы княжества» и пытался проводить реформы. Как это часто бывает, благие намерения пропали втуне. Князь Оноре V скончался в 1841 году, разочарованный неудачами своего правления, пожелав, чтобы на его надгробии выбили эпитафию: «Здесь покоится тот, кто искренне желал добра». Детей у Оноре не было, и на престоле его сменил младший брат Флорестан, получив в управление практически нищее государство.

Флорестан не рассчитывал на то, что займет княжеский престол. Он был далек от политики и совершенно не хотел к ней

приближаться. Он родился в 1785 году, его детство пришлось на годы Великой французской революции, и ему сполна довелось хлебнуть горя, голодать и прозябать в нищете. С воцарением Наполеона положение, казалось бы, изменилось к лучшему. Император приблизил их с братом ко двору. Будущий князь Оноре V был шталмейстером при императрице Жозефине. И он и Флорестан храбро сражались за победу французского оружия. Флорестан даже участвовал в русском походе Наполеона и в 1812 году побывал в плену.

Почтовая марка с изображением принца Флорестана и его супруги Марии Керолайн

После возвращения во Францию, Флорестан исполнил свою давнюю мечту и стал актером в Парижском театре «Амбигю-Комик». В 1816 году он женился на актрисе Каролине Жибер де Лемец. И через два года у них родился сын Шарль. А еще через пятнадцать лет — дочь Флорестина.

Княжество Монако свалилось на головы уже немолодым супругам буквально как снег на голову. Флорестан не годился на роль правителя, он был увлечен театром, литературой и совершенно не разбирался ни в экономике, ни в политике. Флорестан пытался исправить ошибки брата, даже ввел

Конституцию, которую так жаждали его подданные, но ситуацию это не изменило.

Монако бунтовало, начались восстания, в какой-то момент Флорестан даже был свергнут с престола и оказался в тюрьме. Правда, вскоре ему вернули и свободу и княжеский титул.

До глубины души потрясенный всем происходящим, Флорестан отрекся от престола в пользу своего сына Шарля, молодого, предприимчивого, а главное — с юных лет приученного к мысли о том, что ему суждено стать правителем Монако, и воспитанного должным образом.

Несколькими годами ранее, видя совершенную беспомощность мужа, Каролина пыталась найти пути для спасения княжества. У нее было для этого достаточно фантазии, воли и авантюрности. Именно ей впервые пришла в голову мысль открыть в Монако игорный бизнес. Каролина знала, как процветают казино в Германии, да и в других странах Европы, и какие доходы может иметь государство, получая даже небольшой процент от прибыли. В сыне Каролина обрела поддержку своим идеям.

В 1856 году Шарль III занял престол Монако.

И в том же году вместе с матерью они создали «Общество морских купален», намереваясь под прикрытием оздоровительного курорта открыть казино. Двое французских предпринимателей-авантюристов Альберт Роббер и Леон Ланглуа приобрели лицензию на монопольное владение игорным бизнесом в Монако сроком на 35 лет, при условии передачи четвертой части от прибыли в казну государства. Однако все оказалось не так-то просто. Игорный дом так и не открылся… Лицензия была передана в другие руки, и все равно безрезультатно: идея терпела крах из-за плохого развития инфраструктуры в Монако.

Театр Амбигю-Комик на старинной картине. Автор неизвестен

«В итоге казино все-таки открылось, — пишет в статье об игорном бизнесе в Монако Евгений Ковтун, — Однако его учредители столкнулись с существенной проблемой. Добраться в княжество можно было только по морю, а охотников претерпевать морскую болезнь ради игры в баккара было немного. Так что поначалу крупье играли между собой. Говорят, они сидели на веранде казино и в ожидании клиента часами смотрели на море. Игроков в казино было немного. А те, что были, частенько сталкивались с неплатежеспособностью его учредителей в моменты выдачи выигрышей».

Пытаясь решить проблему, в 1861 году Шарль III заключил договор с императором Наполеоном III, согласно которому Монако официально уступало Франции часть своих земель — Ментону и Рокебрюн, составлявших две трети территории Монако. Взамен на это Франция выплатила княжеству компенсацию в размере четырех миллионов франков и обязалась построить через территорию Монако железную дорогу, связывающую Ниццу и Геную.

Тогда же была предпринята вторая попытка организации игорного бизнеса.

«На не заселенном в тот момент плоскогорье Спелюг, — пишет Евгений Ковтун, — которое через несколько лет превратилось в город Монте-Карло, закладывается первый камень в строительство нового игорного дома. Первое здание казино было открыто в 1862 году, однако ощутимых дивидендов не принесло. Через два года здание казино почти полностью сгорело при пожаре, остался лишь игровой зал, который после реставрации был превращен в вестибюль».

Открытка начала XX в.

Монте-Карло — «Гора Карла» — получило название в честь своего создателя Шарля III. Это не город, это скорее квартал или, как это принято называть в Монако, — «коммуна» в крохотном княжестве. Отдав Франции большую часть своих земель, приносивших хоть какой-то доход, Монако по сути лишилось всего. Шарль III сделал ставку и… похоже, проигрывал. С открытием казино никак не ладилось, хотя, казалось бы, самые существенные препятствия были уничтожены…

«Монако» по-итальянски означает «монах». На родовом гербе Гримальди — два монаха с обнаженными мечами. Девиз Гримальди «с Божьей помощью». Но Господь Бог явно не желал покровительствовать игорному бизнесу… И для того, чтобы добиться успеха, князю Гримальди пришлось обратиться к человеку, который, по слухам, продал душу дьяволу.

Знаменитый воротила игорного бизнеса Франсуа Блан был личностью поистине легендарной. Поговаривали, что именно дьявол нашептал ему однажды гениальную идею сделать подвижное дно в известной всем рулетке так, чтобы прижимая его, крупье мог подставить под шарик нужную лунку. А самое главное — дьявол подсказал Блану использовать круг с одним зеро, снижая процент доходов казино, и привлекая тем самым игроков, чей шанс на выигрыш теперь многократно возрастал.

После революции азартные игры во Франции были запрещены, но с приходом к власти Наполеона игорные дома были снова открыты. Вот тогда-то браться Франсуа и Луи Блан развернули свою деятельность. Они стали владельцами самого процветающего казино в Париже, приносившего огромные доходы.

Когда правительство Франции снова запретило игорный бизнес, братья Блан эмигрировали в Германию и открыли казино в Гамбурге, вполне успешно продолжив свою деятельность.

Вид на набережную Монте-Карло. Старинная открытка

Каролина Гримальди очень хотела переманить Франсуа Блана в Монако, но у нее далеко не сразу это получилось, — у того не было никаких резонов покидать насиженное место. Тогда Каролина пошла на хитрость: она убедила болезненную жену Блана, с которой познакомилась и подружилась когда-то на водах в Баден-Бадене, что мягкий средиземноморский климат будет гораздо полезнее для ее здоровья, нежели промозглая сырость Германии. То ли супруга в самом деле уговорила Франсуа, то ли дьявол снова нашептал ему на ухо верное решение — но тот в конце концов сдался и отправился в Монако строить игорную империю. Как выяснилось очень скоро, Блан не прогадал. В 1873 году Германия, а после и вся Европа, за исключением княжества Монако, запретила игорный бизнес.

Франсуа Блан подошел к делу основательно. Он построил на территории Монте-Карло настоящий игровой комплекс, который включал в себя казино и роскошные отели, он приказал разбить сады и парки, он благоустроил побережье.

В 1865 году было открыто знаменитое казино Монте-Карло, возведенное по проекту архитектора Жан-Луи Гарнье, прославившегося постройкой здания «Гранд-опера» в Париже. Этот роскошный дворец рулетки тут же был прозван в народе

«Дворцом дьявола».

Рядом с игорным домом Гарнье возвел великолепный оперный театр, выступать в котором считали большой честью даже звезды первой величины.

Казино процветало и расширялось. Для привлечения большего числа посетителей Блан открывал все новые залы, для оформления которых приглашал самых известных художников и архитекторов того времени. Уже в 1868 году казино получило прибыль в 2 млн. франков, в 1879-м доходы превысили 10 млн. франков. Здесь бывали такие знаменитости, как герцог де Грамон, Александр Дюма, барон Ротшильд… Сюда приезжали принцы и короли. Монте-Карло стал местом паломничества высшего общества со всего света. Антон Павлович Чехов бывал здесь и позже писал: «Черт знает, какая зажигательная игра… Я здесь с утра, а теперь двенадцатый час ночи. Если бы лишние деньги, то, кажется, целый год играл бы да ходил по великолепным залам казино!.. Это милое Монте-Карло очень похоже на хорошенький… разбойничий вертеп. Самоубийство проигравшихся — явление заурядное».

Любители азартных игр люди суеверные, и очень скоро казино Монте-Карло обросло множеством легенд. Так, например, перед тем как войти в казино принято гладить колено коня бронзовой статуи Людовика XIV, — иначе удачи не будет.

Франсуа Блан, основоположник игорного бизнеса и создатель первого казино в Монте-Карло

Однажды пастор англиканской церкви заметил, что его воскресную службу стало посещать необычно большое число прихожан. Заподозрив неладное, он догадался, что это были игроки, заключавшие пари на номера выбранных им для службы псалмов. Чтобы положить конец богохульству, пастор исключил

все псалмы до тридцать шестого (количество номеров в рулетке).

Огромное количество интересных историй связано с посещавшими казино знаменитостями. Барон Ротшильд если выигрывал, то после этого ставил только на 0 и 17, причем ровно в течение одного часа. Король Египта Фарук коллекционировал жетоны казино. Являясь одним из самых неутомимых клиентов Монте-Карло, он порой засиживался за игрой до утра, ставя на кон миллионные суммы. И хотя был умелым игроком в баккара, однажды проиграл 250 тысяч долларов Джеку Уорнеру, одному из братьев-основателей голливудской киностудии «Warner Bros.». Принцу Непала, имя которого история не сохранила, по буддистским обычаям было позволено играть в азартные всего лишь пять дней в году, и он каждый год эти пять суток проводил в Монте-Карло, играя днем и ночью, ни на минуту не отвлекаясь, чтобы полностью использовать отведенное ему время. Один из самых успешных бизнесменов США XIX-го столетия Корнелиус Вандербильт садился играть только в том случае, когда за столом собиралась вся его семья. Великая французская актриса Сара Бернар однажды проиграла сто тысяч франков и попыталась свести счеты с жизнью, поднялась в свой номер и выпила огромную дозу снотворного. К счастью, ее спасли. Французский автомобильный магнат Андре Ситроен любил посиживать с белым шариком в казино «Монте-Карло», и в случае выигрыша дарил крупье машины.

Плакат знаменитого Альфонса Мухи

Еще одна занятная легенда рассказывает об англичанине

Чарлзе Уэллсе, который в 1891 году три дня играл на рулетке и делал ставки на номера меньше десяти. Он начал с 10 тысяч франков, раз за разом «срывал банк» и за три дня потрясающей игры умудрился «сорвать банк» шесть раз, после чего отбыл в Лондон с миллионом золотых франков в кармане. На родине его встречали как национального героя, о нем даже была написана популярная в те времена песня «Человек, который «сорвал банк» в Монте-Карло». Вскоре Уэллс вновь приехал в Монако. Он поставил на цифру 5 и выиграл. Все выигранное опять поставил на «пятерку» и опять выиграл. Эту манипуляцию он повторил пять раз и уехал в Лондон с тремя миллионами франков. Служба безопасности казино бдительно следила за его игрой, однако никаких махинаций не обнаружила. В третий раз Уэллс прибыл в Монте-Карло на собственной яхте и в компании с ослепительно красивой девушкой, но… удача отвернулась от него. Мало того, что он проиграл все, что у него было, чуть позже на родине его обвинили в мошенничестве, — за дела не связанные с игрой в рулетку, — и приговорили к восьми годам тюрьмы. И в 1926 году Уэллс скончался в полной нищете. Однако его история была настолько удивительной, что еще долго будоражила умы, игроки поверили: существуют системы игры, благодаря которым возможно обыграть казино. Ведь как именно Уэллс столько раз «срывал банк» так никто и не узнал. Эту тайну удачливый англичанин унес собой в могилу.

За заслуги перед страной князь Карл III пожаловал Франсуа Блану дворянское звание. Умер «любимчик дьявола» в 1877 году, оставив в наследство сыну Камиллу игорный бизнес в Монако и двести миллионов франков золотом. А князю Шарлю III и его подданным — процветающее государство, навсегда забывшее о бедности.

Чарльз Девилль Уэлл — игрок, которому удалось «сорвать банк» в казино. Рекламная открытка конца XIX в.

Глава 11
ПРОКЛЯТИЕ РОДА ГРИМАЛЬДИ

Благодаря игорному бизнесу Гримальди никогда больше не испытывали материальных затруднений, однако вся многовековая история их семьи подтверждает известную истину, что не в деньгах счастье… Ну, или же — не только в деньгах. На протяжении всех семисот лет их правления очень немногим князьям Монако везло в любви.

Существует даже легенда о проклятии рода. Якобы первый сюзерен Монако Ренье I похитил в Голландии прекрасную девушку, обесчестил ее и бросил. А та потом сделалась ведьмой и прокляла обидчика: «Никому из Гримальди не дано будет познать счастье в браке!»

И действительно, княгини Монако либо умирают молодыми, либо расстаются с мужьями и пытаются построить свое счастье как можно дальше от границ княжества.

Супруга Шарля III умерла совсем молодой: ей было всего 36 лет. Ее сын, ставший впоследствии князем Альбертом I, женился на Марии-Виктории, дочери герцога Гамильтона. Всего лишь через пять месяцев после свадьбы супруги поссорились и молодая княгиня уехала в Германию. Когда выяснилось, что она беременна, поползли слухи, что ребенок вовсе не от князя Монако, а от какого-то прусского офицера… Но вряд ли это соответствовало действительности. После рождения сына Мария-Виктория вернулась в Монако, но ненадолго. Все здесь было ей отвратительно, начиная с мужа и заканчивая климатом. Вскоре она снова уехала. Через десять лет после рождения сына супруги развелись официально. Второй брак князя оказался столь же неудачным. Он женился на Марии-Алисе Хайне, вдове герцога Ришелье. Первое время они казались самой счастливой парой на свете, но однажды в опере Альберт публично обвинил жену в том, что она изменяет ему с дирижером оркестра, и ударил ее по лицу.

Первый сюзерен Монако Ренье I

На следующее утро после этого инцидента Мария-Алиса навсегда уехала из Монако. А Альберт постарался уничтожить все, что напоминало бы ему о ней: не осталось ни одной фотографии, спешно были изменены все названия, связанные с ее именем, иначе стал называться даже сорт роз, выведенный в ее

честь… В конце концов брак был расторгнут.

Сын Альберта I и его первой супруги Луи после развода родителей уехал вместе с матерью в Германию, где некоторое время воспитывался в семье отчима, пока отец не настоял на возвращении своего единственного наследника в Монако.

Отношения между отцом и сыном трудно было назвать теплыми, и вскоре Луи покинул княжество, поступив во Французскую Военную Академию Сен-Сир.

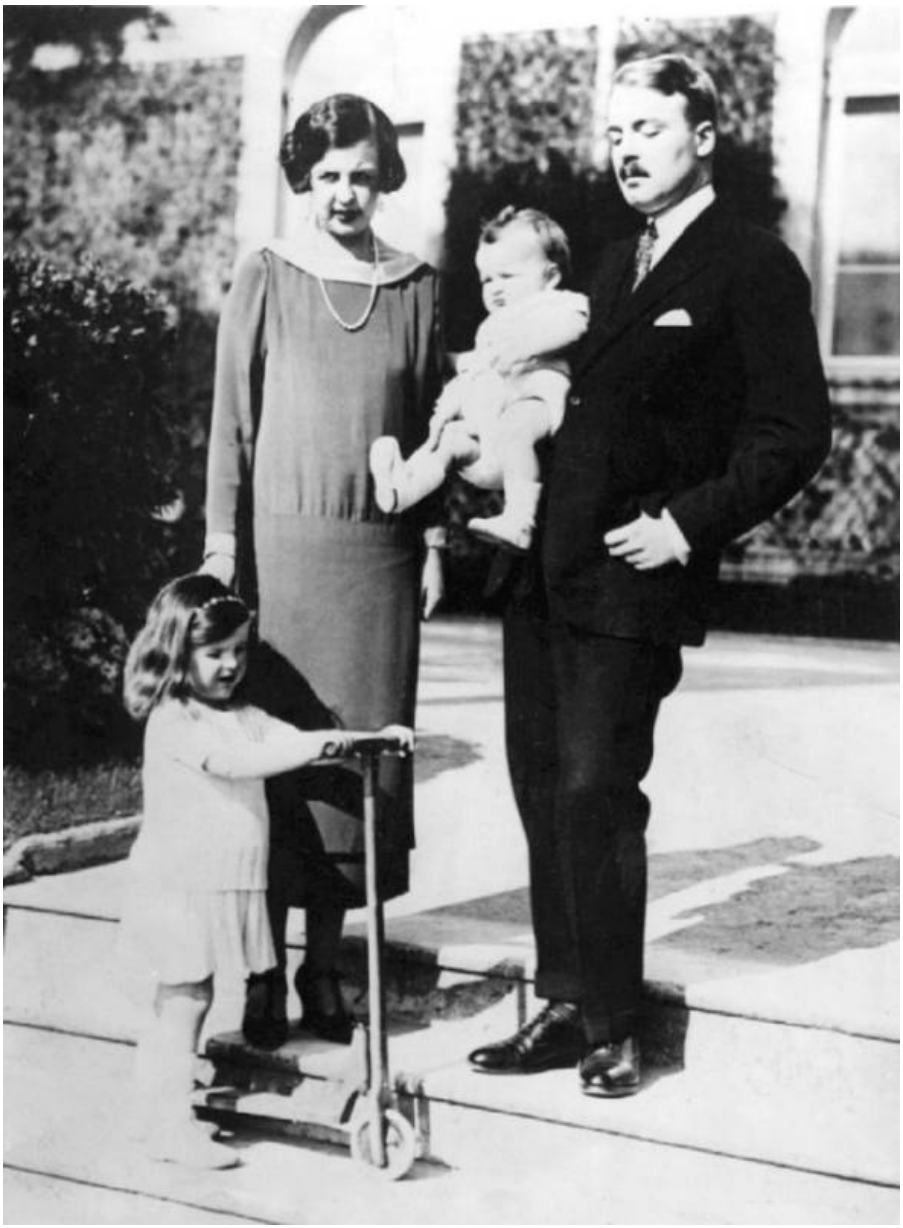
После окончания учебы в составе Иностранного легиона он уехал в Алжир, где познакомился с певицей кабаре Мари-Жульеттой Луве, в которую страстно влюбился. Жюльетта Луве была разведена, у нее было двое детей, а, самое главное, она была бедна и имела столь низкое происхождение, что не приходилось даже мечтать о том, что князь Монако даст разрешение на этот брак. Луи, впрочем, это не особенно беспокоило — он не собирался жениться на своей любовнице… Вообще не собирался жениться. В 1898 году Жюльетта родила ему дочь, названную Шарлоттой.

Портрет Луи II

После смерти Альберта I в 1922 году Луи взошел на престол Монако. Неизвестно, узаконил ли он когда-либо свои отношения с Жульеттой Луве, но еще до смерти отца в 1919 году, понимая, что вряд ли когда-нибудь у него будут еще дети, признал свою единственную дочь Шарлотту. Год спустя она вышла замуж за

Пьера де Полиньяка, представителя старинного французского рода. Согласно брачному договору, тот отказался от наследственного имени и сменил фамилию на Гримальди. Теперь возможные дети новоявленных супругов имели право на трон Монако.

В отличие от своего отца Шарлотта ответственно подошла к вопросу престолонаследия. Уже в 1920 году на свет появилась дочь Антуанетта-Луиза-Альберта-Сюзанна Монакская, а еще через три года сын — будущий князь Ренье III.



Семья в которой родился наследник княжества Монако Ренье III (на руках у отца). На фото: Пьер де Полиньяк, его супруга Шарлотта, их дочь Антуанетта и сын

Глава 12
КНЯЗЬ-БИЗНЕСМЕН

Ренье-Луи-Анри-Максенс-Бертран Гримальди родился 31 мая 1923 года.

С раннего детства о его воспитании и образовании заботились очень тщательно, готовя будущего правителя государства. Он учился в Англии, сначала в школе Саммерфилдс, потом в очень престижной государственной школе в Бакингемшире. После был институт «Ле Рози» в Швейцарии и университет «Монпелье» во Франции, где Ренье получил степень бакалавра. В довершение он окончил еще и «Сьянс-По» — институт Политических исследований.

Союзу его родителей Шарлоты и Пьера де Полиньяка было не суждено стать счастливым. В 1933 году они разошлись из-за гомосексуальных наклонностей Пьера. Оба уехали из Монако в Францию, но жили отдельно: Пьер — в своей квартире в Париже, Шарлотта — в парижском предместье, в семейном имении Гримальди Ле-Марше. Принцесса Монакская закончила колледж и посвятила себя социальной работе и благотворительности. Свой дом она превратила в центр реабилитации для бывших заключенных. Дети даже побаивались появляться у нее и беспокоились за ее жизнь: говорят, личным водителем у Шарлотты был бывший гангстер.

Во время Второй мировой войны Луи II пытался сохранить нейтралитет, но безрезультатно. В 1943 году Монако было оккупировано итальянцами и стало по сути курортом для фашистских генералов. Ренье, убежденный антифашист, был возмущен политикой деда. В сентябре 1944 года он вступил во французскую армию и принимал участие в боях против немцев в Эльзасе.

Ренье Гримальди — маленький принц в возрасте трех лет. 1926 г.

Незадолго до этого, весной 1944 года, мать Ренье отказалась от наследования престола в его пользу. И вскоре после окончания войны наследник престола вернулся в Монако, чтобы принять княжество из рук деда. Луи II утомился своими обязанностями и с

удовольствием переложил бремя власти на плечи внука. Но нет, — старым и усталым он себя не чувствовал. Его возлюбленная Жульетта Луве умерла еще в 1930 году. А Луи II в 1946 году в возрасте 76 лет, женился на актрисе Жисслене Домманже, которая была моложе его на тридцать лет, и уехал вместе с ней во Францию.

В противоположность королю из известной песенки, который «не мог жениться по любви», Луи II Монакский не особенно заботился о долге и о том, что скажут «соседи-короли», и не женился по расчету на особе голубых кровей. Он предпочел красавицу, которая была для него милее всех и, хотя и не пасла, как героиня песенки, гусей у стен дворца, по родовитости ушла от нее совсем недалеко.

Наслаждался свободной жизнью и счастливым супружеством он, впрочем, недолго. В 1949 году Луи II умер.

Потомки Луи II отнеслись к своей «голубой крови» так же халатно, совершенно не стремясь сочетаться узами брака с девицами из аристократических семей, предпочитая красивых простолюдинок. Впрочем, — к середине 20-го века «соседи-короли» уже не сбежались бы и не устроили скандал, они сами предпочитали теперь «жениться по любви». В конце 40-х новоявленный князь Монако Ренье III открыто жил вместе с актрисой Жизель Паскаль. Они любили друг друга и дело, возможно, даже закончилось бы свадьбой, если бы не вмешалась старшая сестра князя Антуанетта…

Луиза Антуанетта Альберта Сюзанна и Ренье Луи Анри Максенс Бертран. 28 декабря 1920 г.

Немногие члены семьи Гримальди могли бы соперничать с Антуанеттой по авантюрности характера и лихому образу жизни. В середине 40-х у нее был роман с теннисистом из Монако Александром Ногесом, который в то время был женат. От этой

связи она родила троих детей. В 1951 году любовники официально зарегистрировали брак, но продержался он недолго. Семейная жизнь, вероятно, показалась Антуанетте скучной. В 1954 году супруги развелись. Но принцесса недолго оставалась свободной. Вскоре она завела новый роман — с адвокатом Жаном Карлом Реем, который, возможно, и надоумил ее устроить заговор с целью свержения брата с престола Монако.

Ренье III в то время уже несколько лет жил с Жизель Паскаль, но детей у них все еще не было, и Антуанетта начала распространять слухи, что возлюбленная брата бесплодна, возмущая общественное мнение. В конце концов, она добилась того, что под давлением подданных и чувства долга влюбленные расстались. Жизель Паскаль, кстати, бесплодной вовсе не была, позже она вышла замуж и родила ребенка. А Антуанетта меж тем торжествовала: она заняла место первой леди княжества и уже видела своего сына наследником престола.

После окончания Второй мировой войны Монако пребывало в довольно бедственном положении впервые со времен открытия казино «Монте-Карло». Чтобы как-то исправить ситуацию, Ренье III в 1949 году заключил сделку с греческим миллионером Аристотелем Онассисом, продав ему контрольный пакет акций «Общества морских купален». Онассис стал для Монако спасителем, как когда-то Франсуа Блан, — он занялся реставрацией гостиниц и казино, возвращая им утраченную роскошь, построил новые причалы, открыл ипподром, вложив в развитие княжества огромные средства. И он, как никто другой, был заинтересован в том, чтобы Монако осталось под правлением его компаньона Ренье III и не перешло в руки его бессовестной сестрицы.

Это Онассис убедил Ренье, что ему следует жениться только на очень известной женщине, на актрисе или певице, на красавице, в которую влюблен весь мир.

— Нам необходимо вернуть Монако положительный имидж, — говорил он князю, — привлечь внимание публики, сделать ваше государство центром новостей.

Принц Рене с родителями

Ренье III был совершенно не против. Ему в общем-то даже было все равно, на ком жениться, он относился к будущему браку как к необходимости и готов был принять любую подходящую кандидатуру.

Онассис предложил князю жениться на поистине самой знаменитой актрисе — Мэрилин Монро. Признавшись даже в том, что уже говорил с ней на эту тему, и Мэрилин была совсем не против стать княгиней…

— Да, я так прямо ее и спросил: не хотелось бы ей приехать и лично с вами познакомиться? Знаете, каков был ее ответ? Она сказала: «Оставьте меня с ним наедине в пустыне на двое суток — и он женится на мне».

Ренье удивился:

— Боже, зачем же обязательно в пустыне?

— Я тоже ее об этом спросил. Оказалось, она перепутала Монако с Марокко!.. Ну, не сильна девушка в географии — разве это так важно? Главное — она на все готова, даже на то, чтобы навсегда уйти из кино. Через неделю открывается Каннский фестиваль, и я лично вас познакомлю.

В Канны Мерилин Монро так и не прилетела, предпочтя князю Ренье американского драматурга Артура Миллера.

Но Ренье III познакомился там с другой актрисой. Это была Грейс Келли.

Их Высочества Ренье III и Антуанетта, баронесса де Масси

…Коварным планам принцессы Антуанетты и ее любовника Жана Карла Рея не суждено было исполниться. Через несколько лет у Ренье родился сын-наследник. И авантюристам пришлось забыть о надеждах заполучить Монако. Конечно, Антуанетта все равно не уставала плести интриги и ссориться с братом, так что. в конце концов, терпение его кончилось и он выслал ее из Монако и долгое время они не общались. Антуанетта вышла замуж за Рея, прожила с ним чуть больше десяти лет и развелась. Она стала ярой защитницей прав животных, и в ее доме на Лазурном берегу жило огромное количество кошек и собак. В 1983 году Антуанетта вышла замуж в третий раз — за артиста балета Джона Гилпина. Но этот брак оказался самым кратковременным. Супруг принцессы скончался всего через шесть недель после свадьбы от сердечного приступа. С годами неприязнь между братом и

сестрой пошла на убыль. Постепенно отношения их стали налаживаться, несмотря даже на то, что незадолго до смерти, в 2002 году, Ренье III официально внес поправку в закон престолонаследия, согласно которой и его сестра и все ее потомки лишались прав на Монако. Антуанетта смирилась с этим. Под руку с братом или племянником она стала появляться в Монако на официальных мероприятиях. Антуанетта надолго пережила своего брата, она умерла в 2011 году в возрасте 90 лет.

Глава 13
СВАДЬБА ЛЕБЕДЯ

4 апреля 1956 года Грейс Келли на корабле «Конституция» отправилась из Америки в Монако, чтобы выйти замуж за князя Ренье. Сказка про Золушку достигла желанной кульминации.

Грейс чувствовала себя безмерно счастливой. Однако встреча с царственными родственниками ее озадачила. Они вели себя, мягко говоря, негостеприимно.

«Непонятно почему, но почти все Гримальди держались натянуто. Создавалось впечатление, будто они задались целью скрыть от гостей существование какой-нибудь помешанной кузины и поэтому как воды в рот набрали. Близким невесты понадобилось около недели, чтобы докопаться до истины: их новые европейские родственники до того ненавидели друг друга, что среди них вряд ли бы нашлась пара таких, кто желал бы поговорить друг с другом, — так объясняет их поведение Роберт Лейси. — Для семейства, которое удерживало власть на протяжении более шестисот пятидесяти лет, Гримальди демонстрировали какую-то особую склонность к раздорам и склокам и, что самое главное, не стыдились выставлять грязное белье напоказ всему миру… Склонность Гримальди к нелицеприятным семейным раздорам и «вендеттам» стала одной из причин, по которой королевские семейства Европы отказались почтить своим присутствием свадьбу Грейс и Ренье. Они ограничились тем, что прислали обычный в таких случаях серебряный поднос или портсигар, однако не сочли нужным лично прибыть на церемонию. Из всех гостей на звание монаршей особы тянули лишь заплывший жиром, весь в золоте и камнях Ага-хан, восседавший в инвалидной коляске, и не уступавший ему в полноте бывший король Египта Фарук, который сновал по «Отель де Пари» в темных очках и феске, то и дело высматривая, не притаился ли где наемный убийца».

Свадебное платье для Грейс Келли. Рисунок Хелен Роуз

Свадебная церемония состоялась 18 апреля 1956 года.

В центре внимания, конечно же, была невеста. Высокая, стройная, сияющая Грейс была поистине ослепительна. Жених в ярком парадном мундире казался не более чем пестрым фоном для воздушной белизны невесты. Ее свадебные фотографии

кажутся просто нереальными в своей красоте: словно полотна прерафаэлитов.

Один из биографов Грейс, раскритиковав яркий, «опереточный» мундир жениха, правителя крошечной мирной страны, о самой Грейс писал: «Голливуд — следует отдать ему должное — проявил больше вкуса и такта в выборе элегантного, однако довольно простого на вид подвенечного платья невесты: двадцать ярдов шелка, двадцать пять ярдов шелковой тафты, девяносто восемь ярдов шелкового тюля и более трехсот ярдов валансьеннских кружев. Грейс великолепно смотрелась в подвенечном наряде, созданном для нее Хелен Роуз, и чем-то напоминала гордого лебедя. Волосы ее, гладко зачесанные назад, были убраны под небольшую шапочку в стиле шекспировской Джульетты, и поэтому в ее облике было нечто от елизаветинской эпохи. А так как за неделю до прибытия в Монако Грейс похудела почти на четыре килограмма, то талия ее стала еще более тонкой. Под облаком фаты, оборок и складок угадывался силуэт прекраснейшей из женщин».

Подвенечный наряд Грейс Келли — шедевр, не имеющий равных. Он до сих пор служит источником вдохновения для создателей свадебных платьев. Но разумеется, невозможно создать ничего хоть сколько-нибудь приближенное к этому чуду.

Грейс готовится к свадьбе

Свадебная процессия

Историк моды Марьяна Скуратовская рассказывает:

«За день до того Грейс и Ренье прошли обряд гражданской регистрации — разумеется, невеста и тогда была в изящном наряде, хотя куда более сдержанном. Автором обоих была Хелен Роуз, художник по костюмам киностудии «Метро Голдвин Майер», где снималась Грейс Келли. Хелен, к тому же, специализировалась на свадебных платьях. И хотя другой известнейший художник по костюмам, знаменитая Эдит Хед, которая десятилетиями одевала весь Голливуд и в жизни, и на экране, и к тому же близко была знакома с Грейс, рассчитывала, что создавать свадебный наряд позовут именно ее, выбор, тем не менее, пал на Хелен Роуз (до этого она работала над костюмами Келли в нескольких фильмах, самыми известными из которых стали «Высшее общество» и «Лебедь»). А платье стало подарком MGM своей красавице-актрисе — могла ли киностудия желать лучшей рекламы?..

Хелен Роуз, которая была мастером своего дела, полагала, что наряд должен быть и элегантным, и по-королевски величественным, однако при этом он не должен затмевать красоту Грейс. И ей удалось создать шедевр, который отвечал этим требованиям — он был прекрасен, достоин свадьбы монарха, и при этом только обрамлял и подчеркивал красоту невесты.

Плотно облегающий лиф и пышная юбка — на этой основе можно построить самые разные варианты, и Роуз удался один из самых эффектных.

Лиф платья, без декольте, наоборот, с маленьким стоячим воротником, закрывавшим основание шеи, и лишь с небольшим вырезом у горла, застегивающийся спереди на маленькие пуговки (их около тридцати), с длинными рукавами, был сделан из кружева. Казалось, на нем не было швов — на самом деле их там множество, однако они совершенно незаметны, поскольку отдельные фрагменты драгоценного кружева были вырезаны, отделены от основы и соединены заново точно по фигуре. Разумеется, лиф не мог быть прозрачным, так что он состоял из двух слоев: корсаж без рукавов из тафты цвета слоновой кости, и вышеописанный кружевной лиф поверх него.

К лифу был пришит коротенький, чуть ниже середины бедра, кринолин, который должен был поддерживать пышную юбку. Поверх кринолина лежали четыре пышные, отделанные узкими полосками кружевами, оборки. Под кринолином была еще нижняя юбка, отделанная кружевом более широким.

Торт-шедевр, созданный для свадьбы принца Монако

Словом, платье представляло собой довольно сложное

сооружение (недаром к нему прилагалась инструкция, как правильно его надевать), а ведь это еще не все!

Далее следовала пышнейшая верхняя юбка. Плотно охватывающий талию широкий шелковый пояс с заложенными поперечными складками еще больше подчеркивал контраст между тонкой талией и массивной юбкой, между кружевами верхней части платья, расшитыми крошечными жемчужинками, и гладкой шелковистостью нижней.

Юбка имела не А-образный силуэт с его постепенным расширением, а, благодаря крою и поддерживающим ее кринолину и нижним юбкам, резко расширялась, начиная с самого верха, и напоминала перевернутый венчик цветка. Нижних юбок было три — первая, так сказать, основная, далее юбка с пышными оборками, и, наконец, третья, которая эти оборки сглаживала.

Спереди юбка был гладкой, а вот сзади располагались складки. На невесту в день торжеств обращено множество взглядов, и зачастую при этом она повернута к гостям спиной, так что очень важно, чтобы с той стороны платье смотрелось не менее эффектно, чем спереди. Так что Хелен Роуз прибегла к изящному приему — сзади на верхней юбке из тафты был разрез, от талии и до самого низа. Несколько бантов прихватывали его приблизительно до уровня колен, не давая полам расходиться, а вот дальше выглядывал шлейф, сделанный из шелковой сетки и кружев. Внизу тафтяная юбка распахивалась окончательно, эффектно демонстрируя скрывавшиеся под ней кружева шлейфа.

Словом, можно понять, почему даже в наше время, когда, казалось бы, пресыщенного зрителя уже трудно удивить, свадебный наряд Грейс Келли производит ошеломляющий эффект — как издали, так и вблизи.

В отличие от множества невест королей и принцев, в качестве головного убора Грейс выбрала не тиару с бриллиантами, как можно было бы ожидать, а прелестную «шапочку Джульетты», «джульеттку». Она, сделанная из шелка и кружева, расшитая жемчугом, с уложенным поверх всего этого веночком из флердоранжа, с изящным треугольным мысом спереди, плотно

облегала голову, приоткрывая при этом светлые, гладко зачесанные волосы невесты. Это было и красиво, и необычно, и навевало воспоминания о предыдущих эпохах, так что классическая красота Грейс Келли казалась окутанной флером некоей прекрасной старины.

Впрочем, и вполне реальным флером — своей фаты — Грейс тоже была окутана. Будучи разложенной, фата представляла собой круг, приколотый на затылке так, чтобы сзади фата была длинной (там она доходила до пола), а спереди, если накинуть на лицо, короткой, приблизительно до пояса. Она была сделана из тончайшей шелковой сетки, и ее тоже украшали аппликации из кружева. Чтобы не скрывать лицо Грейс и не заслонять красоту платья, их пустили только по краю фаты. Мотив узоров был цветочным, однако среди цветов скрывались и маленькие птички, символизировавшие влюбленных.

Кружева и жемчуг украшали не только платье, но и туфли-лодочки, и обложку молитвенника. В руках невесты был букет — нет, не из роз или других пышных цветов, а из ландышей…»

— Ренье-Луи-Анри-Максанс-Бертран, согласен ли ты принять присутствующую здесь Грейс Патрицию в законные супруги, согласно ритуалу нашей Священной Матери Церкви? — звучал под сводами храма голос епископа.

— Да, Монсеньор, — ответил коленопреклоненный принц.

— Грейс Патриция, согласна ли ты принять присутствующего здесь Ренье Луи Анри Максанса Бертрана в законные мужья согласно ритуалу нашей Священной Матери Церкви?

— Да, Монсеньор, — твердо ответила кинозвезда.

И в этот миг она перестала быть кинозвездой.

Она стала княгиней.

Единственным, кто с самого начала сокрушался о том, что Грейс выходит замуж за принца Ренье, был кинорежиссер Альфред Хичкок. «Она предала свой талант. Она могла бы достигнуть настоящих высот!», — сказал великий мастер, разглядывая в газете свадебные фотографии Грейс.

Свадебное кольцо Грейс

Глава 14
«ЖИЗНЬ УСТРОЕНА ИНАЧЕ…»

Сначала все было прекрасно. Сказка продолжалась и после венчания. Все восхищались красавицей-княгиней. Муж был с ней нежен и почтителен. Где бы она не появлялась — собирались люди, желающие полюбоваться на нее. Она получала много больше внимания, чем любая голливудская звезда.

Ее первый ребенок, принцесса Каролина-Луиза-Маргарита, появилась на свет ровно через девять месяцев и четыре дня после свадьбы. Ренье был несколько разочарован тем, что его первенец — девочка, и Грейс поспешила исправить ошибку, всего через год и два месяца осчастливив его вторым ребенком: на этот раз родился столь желанный отцом мальчик, принц Альбер-Александр-Луи-Пьер.

Грейс хотела иметь много детей. Она была помешана на детях. Роды без обезболивания: потому что надо «чувствовать», как идет ребенок. Грудное вскармливание: киноактриса и княгиня сама кормила всех своих детей, причем Альбера чуть ли не до двух лет! Грейс прочла уйму книг о детях, об их здоровье и воспитании, она позаботилась о том, чтобы детская была окрашена в «психологический полезный» солнечно-желтый цвет, а комната для игр — в успокаивающий голубой. Она могла бы быть прекрасной матерью, если бы у нее было много детей. Действительно много. Пять, семь, — как ей хотелось.

Но две следующие беременности княгини Монако закончились выкидышами. Каждый выкидыш Грейс воспринимала очень тяжело — как смерть ребенка — и впадала в тяжелую депрессию. Врачи рекомендовали ей поберечь себя и больше не беременеть, но Грейс безумно хотела детей.

Собор Святого Николая в Монако, где состоялась знаменитая свадебная церемония

Ее третья дочь, принцесса Стефания-Мария-Элизавета была на восемь лет младше Каролины и на семь — Альбера. Рождение этого ребенка было воспринято тридцатишестилетней Грейс, как благословение Божье, и не удивительно, что она любила и баловала Стефанию еще больше, чем старших детей.

1966 год, когда появилась на свет принцесса Стефания, был годом десятилетия супружеского союза Грейс Келли и Ренье Гримальди. Усталость Грейс от придворных обязанностей достигла апогея. Когда Ренье спросил жену, что подарить ей в честь рождения малютки, Грейс ответила: «Двенадцатимесячный отпуск».

Репортеру Айвору Херберту из лондонской «Ивнинг Ньюз» на вопрос, какое самое большое ее желание, Грейс заявила: «Чтобы

кто-то наконец забрал эти письма с моего стола и ответил на них, а еще — спать не менее десяти часов в сутки».

Читатели журнала жаждали совсем других ответов. Они хотели убедиться, что волшебная сказка в жизни Грейс Келли состоялась, что счастье продолжается, что оно может быть вечным, как у диснеевских героинь.

«Вы счастливы?» — спрашивал Грейс едва ли не каждый репортер.

В одном из своих «юбилейных» интервью она сказала Барбаре Уолтерс: «В моей жизни было немало счастливых моментов, но я не думаю, что счастье, то есть ощущение себя счастливой, есть некое перманентное состояние, в котором можно пребывать бесконечно. Жизнь устроена иначе. Однако, да, я действительно обрела некое душевное спокойствие. Для меня мои дети — огромный источник счастья. За последние десять лет жизнь предоставила мне немало поводов чувствовать себя удовлетворенной».

Долгожданное семейное счастье

Роберт Лейси писал по этому поводу: «Важно отметить, что в своем ответе Грейс подчеркнуто обошла князя, ведь, с точки зрения личного счастья, ее брак был не столь удачен. Нет, Грейс всегда оставалась преданной супругой. С точки зрения общественных успехов, ее первые десять лет супружества с Ренье были подлинным триумфом. Однако если она находила свои публичные обязанности невыносимой ношей, то ее личная жизнь

и вообще превращалась в тяжкое испытание. Совместная жизнь с Ренье в действительности оказалась далека от той романтической картины, которую она когда-то рисовала себе в воображении, и вместо того, чтобы как-то смягчиться со временем, перепады настроения ее супруга, его грубость и нетерпимость, наоборот, проявлялись все сильнее».

Грейс всегда мечтала о большой счастливой семье…

Глава 15
МЕЧ, СПРЯТАННЫЙ В КРЫЛЬЯХ ЛЮБВИ

Мало кто знает этот аспект ее жизни, но Грейс Келли ко всем своим достоинствам была еще и тонко чувствующим, духовным человеком. Не в юности, конечно, когда слишком многого ей надо было добиваться, и ее обуревало слишком много плотских желаний: тогда она о духовном задумывалась мало. Да и в зрелом возрасте запойной читательницей не была. Но любимым произведением, которое княгиня Монако перечитывала так часто, что выучила наизусть, была философская книга Халиля Джебрана «Пророк».

Халил Джебран родился в Ливане, но его семья переехала в США, и становление его как писателя и философа произошло уже в другой культурной среде, и писал он по-английски, благодаря чему его произведения, хоть и выполненные в восточной стилистике, сводят воедино сразу несколько философских традиций — мусульманскую, христианскую, буддистскую.

Грейс в строках «Пророка» находила для себя утешение и поддержку. И часто цитировала его близким друзьям. Особенно любила она главу «О любви», где сказано:

«Когда любовь поманит — следуйте ей. Хотя ее пути тяжелы и круты. И когда ее крылья обнимут вас — не сопротивляйтесь ей. Хотя меч, спрятанный в крыльях, может поранить вас. И когда она говорит с вами — верьте ей. Хотя ее голос может разрушить ваши мечты, как северный ветер превращает в пустыню сады.

Потому что любовь и надевает корону на вашу голову, но она и распинает вас на кресте. Ведь она не только для вашего роста, но и для подрезания веток, чтоб придать форму вашему дереву. Ведь она не только поднимается до самого высокого в вас и ласкает нежные ветви, что дрожат на солнце. Но и опускается до самых ваших корней, их сотрясает в объятиях с землей.

«Когда любовь поманит — следуйте ей. Хотя ее пути тяжелы и круты…»

Как листья кукурузного початка обнимают початок — она прижимает вас к себе. И как початок, она бьет вас, делая свободным от одежд, оставляя лишь зерна. И как зерна, она просеивает вас, освобождая от шелухи. И как чистые зерна початка, она толчет вас до белой муки. И как муку, она месит вас, превращая в мягкое тесто. И тогда только ставит вас в свой священный огонь, чтобы вы могли стать священным хлебом на священном пиршестве Бога.

Все это сделает с вами любовь, чтобы вы могли узнать секреты своего сердца и в этом знании стать частицей самого сердца Жизни. Но только, если испугавшись, вы будете искать лишь спокойствия любви и наслаждения любви, тогда лучше для вас сразу закрыть свою наготу и уйти с молотильного тока любви,

уйти в мир безвременья, где вы будете смеяться, но не всем своим смехом, и плакать, но не всеми своими слезами».

Грейс считала, что ей досталась именно такая любовь, которая распинает, как на кресте. И разрушает мечты, как северный ветер превращает в пустыню сады.

Она выходила замуж по страстной любви. И она мечтала о браке, основанном на взаимопонимании. В сущности своей она была не прирожденной звездой, и уж подавно не прирожденной правительницей. Она была прекрасной женщиной, созданной для семейного счастья, она могла бы стать идеальной женой для мужчины, который способен был бы оценить и принять ее представления о семейном идеале: тихая, закрытая от всех жизнь, где супруги уделяют внимание прежде всего чувствам друг друга, а заняты прежде всего воспитанием детей. Увы, это было совершенно не то, чего хотел от семейной жизни Ренье Гримальди.

Кадр из фильма «Поймать вора»

Ренье все это просто бесило: ведь он женился на кинозвезде не для того, чтобы она сидела с детьми, а для того, чтобы она блистала в свете. Не удивительно, что князь начал отдаляться от

жены. Он был разочарован в Грейс. Она была слишком помешана на детях и деторождении. Ему было невыносимо скучно в ее обществе. Грейс, прожившая весьма бурную молодость, хранила безупречную верность мужу, зато Ренье, в молодости весьма застенчивый, после сорока вдруг начал наверстывать упущенное, став завсегдатаем борделей в Ницце.

Чем больше Ренье разочаровывался в жене, тем грубее он с ней обращался. В сущности, этот князь был ничуть не более благовоспитанным, чем простые американские парни. Говорили, что в пылу гнева он мог ударить Грейс. Это не более чем сплетни, однако есть и свидетельства его жестокости.

Дэвид Свифт, старый друг Грейс, вместе со своей супругой Мишлин, навестил княгиню Монако в честь десятилетнего юбилея ее семейной жизни. Грейс прогулялась с ними по своему розарию. И даже пококетничала со Свифтом, сказав ему: «Попробуй немного этих розовых лепестков. Вот увидишь, они прибавят тебе сексуальной энергии». Дэвид порадовался тому, как прекрасно выглядит Грейс. Но познакомившись с Ренье, понял, что ее внешнее благополучие — видимость. То ли князь Монако был в тот день не в духе, то ли он не счел нужным притворяться в присутствии голливудских друзей супруги, которых он не слишком уважал, но своим поведением о супругов Свифт шокировал.

Стоял приятный летний день, и они решили поиграть в теннис. Ренье и Мишлин в паре встали против Дэвида и Грейс. Дэвид был самым сильным игроком, и поэтому Ренье посылал мячи все время в сторону Грейс. Причем бил по мячу сильно, не задумываясь о том, куда мяч попадет. А то и нарочно желая причинить боль. Однажды мяч ударил Грейс прямо в лицо, и княгиня вскрикнула: «Ой, больно же!» — на что князь огрызнулся: «Не надо зевать!».

«Ему ужасно хотелось выиграть, — вспоминает Свифт. — Он вел себя как ребенок, и поэтому неловко было смотреть, когда он играл с Альб ером. Если мальчик делал плохую подачу или промахивался — а ведь он был еще ребенком! — Ренье выходил из себя и начинал кричать на сына».

Почтовая марка

Грейс старалась как-то сгладить ситуацию, отвлечь гостей от семейных неурядиц.

«Тогда мне стало ясно и я никогда не изменял этого мнения, — что Грейс была княгиней задолго до того, как вышла замуж за Ренье», — с восхищением рассказывал Свифт.

На прогулке Грейс пожаловалась Мишлин Свифт: «Он загнал меня в угол. Я как в клетке и не могу самостоятельно сделать ни шага. Меня лишили всякой свободы».

«Зачем ты позволяешь ему помыкать собой? — возмутилась Мишлин. — В браке ты обязана сама формировать характер мужчины. И если тебе чего-то хочется, надо постоять за себя!»

В ответ Грейс продекламировала Халиля Джебрана… В его притчах она находила утешение. Она все еще надеялась, что священный огонь любви сделает ее хлебом священным на священном пиршестве Бога. Иначе говоря — Грейс считала, что главная ее цель теперь — заново завоевать любовь мужа. И путь к его сердцу Ренье она видела только один: быть идеальной. Идеальной женой. Идеальной княгиней.

«Как быть Грейс Келли». Плакат

Глава 16
ИДЕАЛЬНАЯ КНЯГИНЯ

Грейс с первого года супружества делала все, чтобы соответствовать образу княгини Монако.

Киноактриса Рита Гэм, знавшая ее в голливудские времена, рассказывала: «Грейс пошла в библиотеку и взяла книги про эпоху королевы Виктории. Она изучала привычки английских монархов. Особенно ее заинтересовали прически — внушительные прически, с шиньонами и всем таким прочим. Если ты самый высокий, то ты и самый знатный. От Грейс не скрылось это обстоятельство. Она изучила иллюстрации, чтобы следовать их примеру».

Грейс не просто позаимствовала стиль у монархинь былых времен, она создала собственный исключительный стиль.

Американский дизайнер Томми Хилфигер сказал о ней: «Грейс Келли — единственная голливудская актриса, которая столь естественно и изящно носила белые перчатки. Даже дома наедине с собой она оставалась неизменно гламурной и элегантной».

«Грейс Келли относится к тем немногим женщинам, стиль которых можно описать как «безупречная элегантность». Не зависящая от времени суток и места действия. Конечно, можно отнестись к этому снисходительно и сказать, что к ее услугам были поначалу лучшие мастера по костюму в Голливуде, а затем, когда она стала княгиней, лучшие кутюрье Европы — в таких условиях легко быть элегантной. На самом же деле этого недостаточно. Чтобы не стать «вешалкой» для изысканных

нарядов, нужно обладать не только красотой, но и вкусом, и умом, — утверждает историк моды Марьяна Скуратовская. — Грейс и была воплощением счастливого сочетания этих качеств. Недаром Эдит Хед, один из самых знаменитых художников по костюму в кино, обладательница множества «Оскаров» за свою работу, говорила о ней: «Мне не доводилось встречать никого, кто бы так хорошо, как она, понимал суть того, что мы делаем». Да, Грейс всегда понимала, что она делает, что она носит. Заметим, ей пришлось пройти длинную дорогу — от актрисы (а среди ее ролей были и милые девушки, и роковые красавицы) до невесты монарха, а дальше — к княгине. Монархине, пусть и совсем крошечной страны. И она прошла ее достойно, потому что оставалась верной себе. «Я думаю, сначала нужно смотреть на человека, а уже потом на то, во что он одет», — говорила Грейс. Именно это позволило ей, несмотря на менявшуюся моду, менявшиеся силуэты — 1950-х, 1960-х, 1970-х годов — всегда выглядеть безупречно. И не давать одежде затмевать себя. Эффектно уложенные волосы, роскошные драгоценности и туалеты, о которых можно сказать «ничего лишнего», всегда только подчеркивали ее красоту, но никогда не выступали на передний план. А это нелегко. Настолько нелегко, что образ Грейс Келли до сих пор служит эталоном элегантности. Ее, в отличие от нарядов и драгоценностей, купить или получить в подарок невозможно».

Множество вещей до сих пор ассоциируются со стилем княгини Грейс Гримальди.

Парфюмы, которые она предпочитала: тонкие, деликатные, обязательно — цветочные, обязательно — с ощутимым ароматом розы. Старинный парфюм «Quelque Fleurs» от Houbigant, выпускается до сих пор во многом потому, что его любила Грейс и благодаря ей он стал «королевским»: запах огромного букета, в котором розы соединились с ландышем, жасмином, сиренью, иланг-илангом, ирисом и гелиотропом. «Arpege» от Lanvin — на прохладном шипрово-альдегидном фоне все тот же богатый букет с розой в сердце, и фоном — лилия, жимолость, жасмин, ландыш. И самый знаменитый аромат, связанный с именем Грейс Келли: «Fleurissimo», созданный парфюмерным домом Creed в честь ее свадьбы с принцем Монако, нежнейшая белая роза, которую дополняют туберoза, ирис и фиалка, благоухающие влажно, как на южный сад на заре. Популярность всех этих парфюмов взлетела в тот период, когда княгиня Грейс сияла на престоле Монако.

Княгиня Монако обожала собак

Модной становилась практически каждая вещь, которую Грейс делала частью своего повседневного имиджа. Она любила

косынки, завязанные под подбородком, и длинные кожаные перчатки, — эти вещи на много лет стали символом аристократического неброского изящества.

Наиболее же ярким примером является история сумки от «Hermes», которая теперь носит имя «Kelly». Когда-то это была просто одна из качественных сумок дома «Hermes», сшитая из великолепной кожи, достаточно большая и вместительная, и достаточно широкая, чтобы молодая княгиня Монако во время первой беременности могла прикрывать ею от фотографов свой округлившийся животик. Сумка появилась на стольких фотографиях, что женщины, желающие выглядеть так же элегантно, как Грейс, начали заказывать себе такие же. Сумка стала хитом фирмы. И до сих пор остается драгоценным статусным предметом. Чтобы купить ее, в магазинах «Hermes» надо записываться в очередь! Мнение, что «Kelly» — не более, чем удобная сумка, которой «повезло» прославиться, существует. Однако настоящие модницы к нему не прислушиваются. Марьяна Скуратовская говорит: «Есть немало знаменитых моделей сумок, но среди них «Kelly» стоит особняком из-за своей неброской респектабельности. Она не столько аксессуар, призванный привлечь к себе внимание и стать главным акцентом наряда, сколько аксессуар необходимый; аксессуар, чьи линии достаточно просты, чтобы не бросаться в глаза, но в то же время достаточно безукоризненны, чтобы «не подвести» весь остальной элегантный наряд и скромно, но с достоинством, его дополнить».

Сумка, с которой Грейс несколько раз появлялась на публике, впоследствии стала носить ее имя «Kelly»

Грейс старалась держаться с достоинством прирожденной аристократки, чему обучилась еще в Голливуде, играя холодных блондинок у Хичкока. Однако теперь ее внешняя холодность не всегда шла ей на пользу. Да, она была популярна у читателей, ее

фотографиями любовались, и ежегодно выпускавшиеся на Рождество открытки с изображением королевского семейства Монако распродавались огромным тиражом.

Но вот журналисты ее не любили. Не потому, что она отказывалась от контактов с ними. Просто Грейс казалась им неинтересной. Получить интервью с княгиней Монако было не сложно. Сложной задачей было — получить от нее хоть одно яркое и запоминающееся высказывание. Грейс выдавала интервью, как под копирку. Аккуратные и деликатные. Острых и спорных тем избегала. И вообще избегала высказывать собственное мнение. Политику она игнорировала, как нечто грязное. Игорный бизнес — и подавно.

«В ней меньше тепла и естественности, чем в других знакомых мне людях, — заявила Лесли Беннете, которая в середине семидесятых годов прилетела в Монако, чтобы взять у Грейс интервью для филадельфийской газеты «Бюллетень». — Я понимаю, что начиная с девятнадцати лет ее до смерти замучили всякими интервью. Тем не менее, каким бы необычным ни был задаваемый ей вопрос, она всегда пыталась перевести разговор на что-нибудь простое и знакомое, на нечто такое, что не требует собственного мнения… Она женщина, закосневшая в своих взглядах, не желающая подвергать сомнению многие вещи».

Иной раз прекрасная княгиня даже смешила журналистов тем, что вела себя во время интервью чопорно, словно старая дама, получившая воспитание задолго до Первой мировой войны.

«Возьмем, к примеру, такие вещи, как порнография и эротические журналы, которые продаются на каждом шагу, — жаловалась она Родрику Манну из «Санди Экспресс» в сентябре 1974 года. — Как, по-вашему, может пройти мимо них юная девушка и не заметить их? И что с ней станет потом? Она либо превратится в сексуальную маньячку, либо на всю жизнь останется фригидной».

И это — женщина, которая прославилась своими любовными похождениями в Голливуде! В ее чопорности и холодности журналисты видели фальшь. В ее нежелании касаться спорных проблем они видели пустоту.

Журналисты называли Грейс «холодной и чопорной», а она просто была примерной женой и любящей матерью

Но те, кому удавалось приблизиться к княгине, как правило, начинали ею восхищаться. Грейс, деликатная и очаровательная, составляла на редкость приятный контраст со своим супругом, склонным к злому юмору и даже откровенной грубости.

Устраивая в своем саду музыкальные вечера для избранной публики, Грейс старательно играла роль гостеприимной хозяйки, стараясь уделить максимум любезного внимания каждому приглашенному. Ренье ненавидел вечера, которые устраивала Грейс, и не желал скрывать, как он скучает во время этих бесполезных с точки зрения прибыли для Монако мероприятий. «Ах, это всего лишь очередная вечеринка моей супруги!» — обязательно заявлял он кому-нибудь из наиболее близко знакомых с ним гостей, а то и кому-нибудь из прислуги. При этом

вечера организовывались от его имени, и, по сути, — приглашающей стороной, хозяином за столом был он. Тем удивительнее было для гостей его поведение.

Один из американцев, побывавших на такой дворцовой вечеринке, позже рассказывал: «На своих собственных приемах Ренье вел себя как девица, на которую совершенно не обращают внимания кавалеры. Это был обед под открытым небом на тридцать персон. Гостей усадили за несколько столов, расставленных на террасе. Кругом горели свечи, а ночной воздух был наполнен ароматом жасмина. И хотя обстановка настраивала на лирический лад, те из гостей, которые не попали за один стол с Грейс и Ренье, чувствовали себя слегка обделенными, пока в разгар вечера Грейс неожиданно не появилась в самой гуще приглашенных. Она устроила так, что провела за каждым из столиков какую-то часть времени. В отличие от супруги, князь остался непоколебимо сидеть на своем месте, причем на какое-то время явно вздремнул».

Многие из тех, кто посещал музыкальные вечера во дворце, отмечали, что Грейс, фланируя между гостей, то и дело пристально взглядывала в сторону мужа. Она следила за перепадами его настроения. Она старалась угодить и гостям, и ему. И чем больше старалась Грейс, тем более озлобленным и капризным становился Ренье. Что бы она не делала — она все равно делала не то, чего ему хотелось Эти камерные вечеринки были с его точки зрения совершенно бессмысленной тратой времени и средств.

Еще одно свидетельство, от дамы, приглашенной на вечер в саду, поделившейся впечатлениями с биографом Грейс, но пожелавшей остаться анонимной: «Нынче, как мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что она совершила громадную ошибку, стремясь во всем услужить ему. Но тогда, помню, я покидала дворец с чувством, будто встретилась едва ли не со святой».

Грейс добилась своего: в глазах окружающих она выглядела идеальной. Но вернуть любовь Ренье или хотя бы тепло в отношениях с мужем ей не удалось.

Опереться на свою семью, оставленную в Америке, на ту семью, которая так долго не выпускала ее из любящих и удушающих объятий, Грейс не могла. Ее отец скончался от рака желудка 20 июня 1960 года, после чего неожиданно для себя Грейс была вынуждена встать во главе семьи. Ма Келли, лишившись супруга, лишилась и внутреннего стержня, а через несколько лет перенесла инсульт, превративший ее практически в

растение. Келл пил, да и вообще чувствовал себя неудачником. Отношения в семьях Пегги и Лизанны складывались сложно. И все — брат, сестры, племянники и племянницы — как жадные птенцы, смотрели в сторону Монако. В сторону Грейс, богатой и знаменитой родственницы. Они считали, что она просто обязана решать все их проблемы.

Своим утешением она называла детей. Но на самом деле в воспитании детей Грейс тоже потерпела полный крах.

Голливуд увековечил имя знаменитой актрисы

Глава 17
КАРОЛИНА, АЛЬБЕР, СТЕФАНИЯ: ТРУДНЫЕ ДЕТИ

После рождения Стефании у Грейс были еще две беременности. И обе закончились плачевно. Причем последняя — когда Грейс уже исполнилось тридцать девять лет, продлилась достаточно долго, семь месяцев. Грейс была счастлива, она так надеялась, что у нее будет еще один ребенок! Но беременность протекала тяжело и настал момент, когда принцессе стало совсем плохо. Ее отвезли в больницу и спешно сделали операцию: оказалось, что ребенок — мальчик — был мертв уже как минимум месяц. У Грейс началось заражение крови и ей удалили матку.

Для столь детолюбивой женщины это было подлинной трагедией. Хотя никто вокруг не понимал, почему Грейс считает, что трое детей — это мало. Но для нее их действительно было мало, в ней было заложен гораздо больший запас материнской любви, его хватило бы и на десятерых. А для троих оказалось слишком много.

Грейс страшно баловала своих детей.

По воспоминаниям всех приближенных или даже случайно сталкивавшихся с маленькими принцессами и принцем Гримальди, это были на редкость неприятные дети. Абсолютно невоспитанные и несдержанные, они вели себя, как «взбесившиеся гориллы» (сравнение одной из горничных). Им позволялось все. Грейс считала, что таким образом воспитает их раскрепощенными и уверенными в себе.

Грейс гордилась своими обожаемыми крошками и брала их с собой везде: на показы мод, на выставки, в магазины. Дети с хохотом и завываниями носились по помещениям, катались на натертых полах, во время показа мод — выскакивали на сцену и кривлялись, подражая движениям манекенщиц, во время выставок — хватали руками бесценные экспонаты, словно игрушки, в магазинах — срывали одежду с вешалок или раскачивались, повиснув на платьях, стоящих по несколько тысяч долларов каждое. Грейс смотрела на все проделки своих бесценных малюток с умилением и восторгом. Ничего им не запрещала. И никому не позволяла запрещать.

Чудесный большой сад роз Грейс в Монако

Однажды Мишлин Свифт, с которой Грейс подружилась после того откровенного разговора о любви, взяла с собой маленькую Каролину в магазин, находившийся на территории Франции. Юная принцесса по своему обычаю срывала одежду с вешалок, и вызванный продавщицами менеджер приказал Мишлин покинуть магазин и забрать с собой ребенка, раз уж она не может усмирить девочку. Ему было безразлично, что девочка — принцесса Монако. Он был французским подданным и отвечал за товар в своем магазине. Когда Каролина услышала, что их выгоняют, она с диким визгом покатилась по полу в истерике, крича: «Вы не смеете! Я — принцесса Каролина!». Мишлин попыталась поднять ее, но Каролина ударила подругу матери. Ударила ногой, одетой в жесткий сандалик, по лицу.

Когда Грейс услышала обо всей этой истории, она не только не наказала дочь, но сама впала в истерику и принялась названивать владельцу магазина, требуя уволить менеджера, «этого преступника, который довел ее малышку до истерики».

Грейс полностью и во всем потворствовала своим детям.

Если маленькая Каролина, видя, что родители куда-то собираются, принималась рыдать и скандалить, требуя, чтобы они остались, Грейс оставалась. И разозленный Ренье ехал один.

Когда подросшая Стефания скидывала со стола тарелки и топтала осколки вместе с рассыпавшейся пищей, требуя, чтобы ее отвезли в «Мак-Доналде» — Грейс в срочном порядке вызывала шофера и Стефанию везли в «Мак-Доналде».

Дети Гримальди. Фото Хоувелла Коната

Только Альбер с возрастом научился вести себя относительно прилично. Как только избавился от негативного влияния старшей сестры Каролины, подбивавшей его на отчаянные шалости. Но вообще-то Альбер был мальчик послушный и тихий, очень любил читать и решать математические задачки. Ну, просто ангел, а не ребенок! Когда Альберу было шесть лет, его самым серьезным озорством было то, что он слишком быстро гонял по коридорам дворца на электрическом автомобильчике и любил наезжать на слуг, сбивая их с ног. Сущая мелочь по понятиям семейства

Гримальди! Неудивительно, что с возрастом дети научились глубоко презирать мать и ловко пользовались тем, что она во всем потворствовала их прихотям.

Последняя из близких подруг Грейс, писательница Гвен Роббинс, написавшая наиболее подробную прижизненную биографию принцессы Монако, рассказывала, что Каролина перебивала мать на полуслове и кричала на нее, а Стефания, — младшая, боготворимая матерью Стефания, — могла даже ударить Грейс.

«Грейс превратилась в прислугу для всех и каждого. Близкие нещадно эксплуатировали ее слабость к сопереживанию и сочувствию. Уступчивость Грейс в общественных делах — ни сомнений, ни лишних вопросов, не говоря уже о собственном мнении, — была какой-то чудовищной метафорой ее унылой личной жизни. Надменный вид холодной, высокомерной княгини скрывал за собой редкий случай почти полного отсутствия самоуважения», — считает Роберт Лейси.

Грейс пыталась отвлечься, усиленно занимаясь благотворительностью. Не было такого комитета или фонда, куда она не вступала и которому не покровительствовала. Она страстно увлеклась разведением роз. Она хлопотала о сохранности зданий «Belle Epoque» в стремительно перестраивающемся и осовременивающимся Монако. Она основала в княжестве ежегодный фестиваль балета.

Но все это — вкупе даже с воспитанием детей, с которым Грейс, в общем-то, совершенно не справлялась, — не могло заполнить пустоту в ее жизни, образовавшуюся на том месте, где когда-то было кино.

Грейс страдала.

Малыш Альбер с мамой

Глава 18
«МАРИИ». ПРОЩАНИЕ С КИНЕМАТОГРАФОМ

Однажды у нее появилась возможность вернуться в кинематограф.

Альфред Хичкок предложил ей главную роль в фильме «Марни».

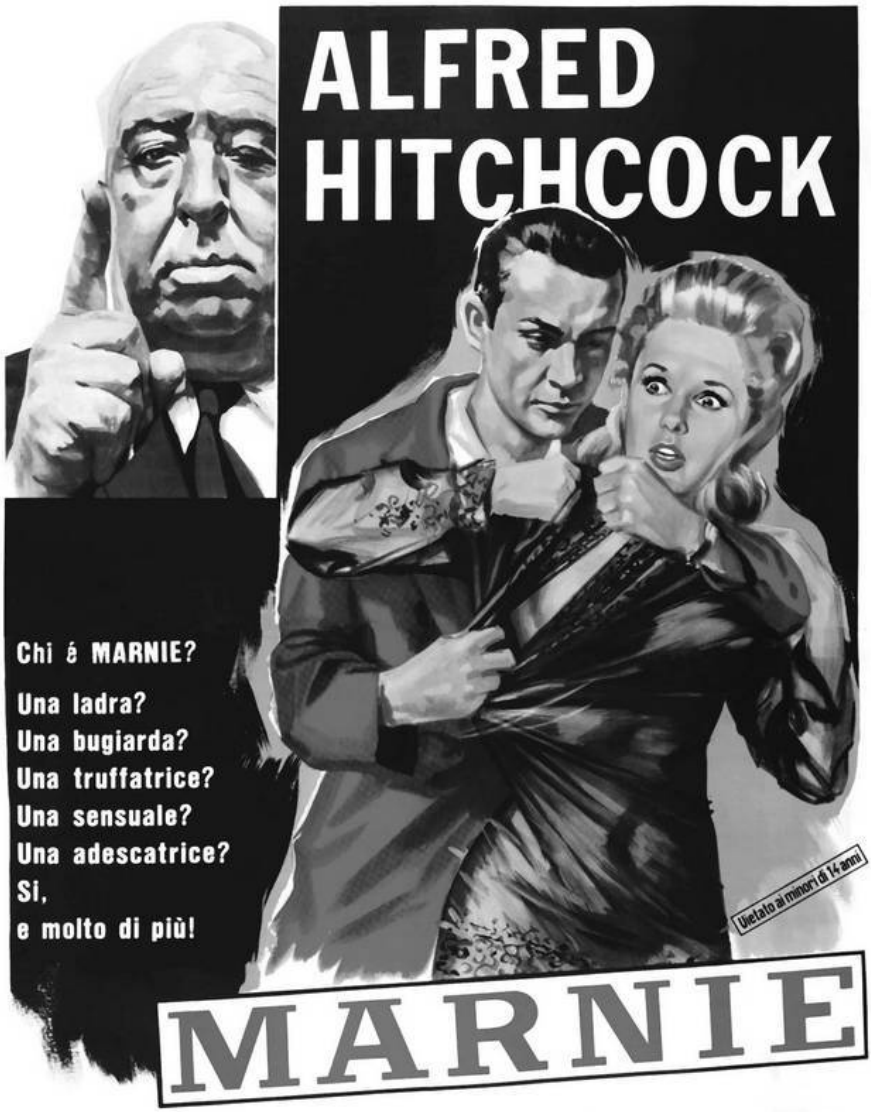
Роберт Лейси, биограф актрисы и принцессы, пишет: «Как и в других работах Хичкока, где снималась Грейс, сюжет «Марни» строился на обыгрывании сексуальных противоречий. Отмена же голливудского «Кодекса Хейса» и атмосфера начала шестидесятых позволяли режиссеру сделать повествование более откровенным. Марни — эта роль и предназначалась для Грейс — прекрасная, но совершенно холодная юная женщина, чья фрустрация выражается в том, что она крадет вещи. Один из предлагавшихся вариантов названия звучал как «Я женился на фригидной воровке». Ее друг, а затем муж в исполнении Шона Коннери спасает Марни от ареста, помогает ей вернуть утраченную чувственность и разобраться в себе, добравшись вместе с ней до истины о ее нелегких детских годах. В самый напряженный момент киноповествования героиня вынуждена вспомнить, как ребенком она спала в постели матери-проститутки, приводившей клиентов к себе домой. Это была сложная, непростая роль для повзрослевшей Грейс Келли, казалось, в ней встретились героини «Деревенской девушки» и «Поймать вора». Другое дело, насколько эта роль приличествовала княгине Монако. Грейс с Ренье целиком передоверили Хичкоку улаживать столь тонкое дело. В трех своих последних работах: «Севернее Северо-Запада», «Психо» и «Птицы» — режиссер с блеском преодолел все трудности. Однако в данном случае судьбу Грейс решили совершенно другие вещи».

Как ни странно, в принятии решения Грейс поддержал Ренье. Прежде князь Гримальди протестовал против всего, что связывало Грейс с кинематографом. Ренье по-прежнему запрещал демонстрировать в Монако фильмы с участием Грейс, потому что, как он был свято убежден, это не способствовало сохранению

достоинства супруги князя, мешало почитать ее, как положено почитать жену монарха. Но теперь, после всех пережитых Грейс разочарований, после ее выкидышей и своих измен, Ренье решил, что Грейс надо дать хоть какую-то радость…

«Случалось, — рассказывал он своему официальному биографу Питеру Хокинсу в 1966 году, — что княгиня впадала в меланхолию (что я прекрасно понимаю) из-за того, что, добившись в кино значительных успехов, она оказалась совершенно от него отрезанной. Поэтому нельзя сказать, что решение сняться в кино исходило целиком от княгини. Эта мысль давно не давала ей покоя, и поэтому она совершенно искренне обрадовалась, когда я вроде бы как подтолкнул ее к этому решению».

Если посмотреть правде в глаза, то теперь Ренье считал, что еще один удачный фильм мог пойти на пользу имиджу Грейс. Раз уж она не смогла стать по-настоящему блистательной правительницей, так пусть хотя бы вернет себе кинематографическую славу. Актриса, ставшая принцессой, — это интересно, но не так, как принцесса, снимающаяся в кино! Ему вообще больше нравилась Грейс Келли — кинозвезда, чем Грейс Гримальди — одержимая мать и домохозяйка, сажающая розы в своем саду… Но разрешить демонстрацию ее старых фильмов он не мог. Ровно как и снять запрет на тиражирование ее фотографий на кружках и футболках: когда-то он сурово прижал дельцов от туристического бизнеса, и они не могли эксплуатировать былую славу Грейс. Менять свои решения Ренье не желал, он гордился своей сильной волей. Но позволить жене что-то новое, проявить демократичность взглядов, — это уже не казалось князю Гримальди таким страшным.



Афиша фильма «Марни», в котором Грейс так и не смогла сыграть, потому что навсегда оставила карьеру актрисы

Близкие вспоминали: в тот период, когда Грейс готовилась сниматься в «Марни», когда она учила роль, она вся лучилась счастьем, даже походка у нее стала легче и казалось — она помолодела на десять лет!

Хичкок назначил съемки «Марни» на лето 1962 года.

Проходить они должны были в США. Ренье собирался сопровождать супругу и взять с собой детей. Он представлял себе эти съемки чем-то вроде каникул вдали от Монако и всех обязанностей.

«Я полагал что, для всех нас это станет настоящим развлечением, особенно для детей. Я ведь знал, что ей хочется сниматься. И к тому же, это означало работу с Альфредом Хичкоком, которого она просто обожала», — вспоминал потом Ренье.

18 марта 1962 года Монакский дворец выпустил пресс-релиз, сообщавший, что княгиня Грейс согласилась сниматься в картине Альфреда Хичкока в США, что супруг поддерживает ее решение и большую часть времени будет присутствовать на съемочной площадке.

Однако решение это повлекло настоящий скандал. «Ей же придется целовать главного героя! Как она собирается это делать?» — таким вопросом задавались большинство подданных и почти все журналисты.

«Мне все равно, что скажет князь Ренье, — заявила Шейла Грэм из «Нью-Йорк-Миррор» — Тот факт, что его жена Грейс Келли хочет возобновить карьеру в кино — все равно, из каких соображений, — недвусмысленно свидетельствует о том, что их брак оказался не столь удачным».

Грейс была на грани нервного срыва. Журналисты желтой прессы принялись копаться в ее биографии, как и в тот год, когда она выходила замуж за Ренье, только на этот раз ей симпатизировали куда меньше. Заявление, что весь гонорар от «Марни» пойдет в фонд для детей-сирот и юных спортсменов Монако, ситуацию не улучшил.

А когда Грейс увидела первые пробы, она пришла в ужас. Она и представить себе не могла, что постарела настолько. Она привыкла видеть себя на экране ослепительно-прекрасной. Юной. Она хотела, чтобы и зрители запомнили ее такой.

Князь во время игры в бадминтон

Травля со стороны прессы и разочарование — все это привело Грейс к решению оставить кинематограф навсегда.

«Для меня невыносимо тяжело отказываться от этой картины, — писала Грейс Хичкоку 18 июня 1962 года. — Я с нетерпением ждала начала съемок и особенно того, что буду снова работать с вами. Когда мы встретимся, я постараюсь объяснить вам все причины, побудившие меня принять это решение (мне трудно сделать это в письме или через кого-либо). Жаль, что все так неудачно сложилось. Поверьте мне, я глубоко сожалею».

«Дорогая Грейс, — писал в ответ Хичкок неделю спустя. —

Разумеется, это печально. Я ничуть не сомневаюсь, что ты не только приняла лучшее решение, но и единственно возможное, отказавшись от нашего проекта… В конце концов, это всего лишь кино…»

Главную роль в «Марни» сыграла другая блондинка с высокими скулами: Типпи Хендрен. Она была очень похожа на Грейс.

«Грейс прекрасно справилась со своей новой ролью княгини. Она умела ослепительно улыбаться, быть модной и исполненной достоинства. Ей великолепно удавалось воплощать в себе образ человеческой отзывчивости и доброты. Однако — Грейс это теперь доподлинно знала — роль княгини не могла предложить ей ничего большего. Возможности реализовать себя как зрелую личность были мизерными. Неудивительно, что наиболее значимые из царственных особ либо еще совсем юные, либо убелены сединами. Ежедневно быть просто княгиней недостаточно для зрелой, думающей личности. Грейс отчаянно недоставало напряженного волнения, свойственного актерской профессии, творчества, эмоциональной насыщенности, духа соперничества, возможности провала, сплетен, дружеских шуток, стремления к успеху, которые зависят в первую очередь от ее собственных усилий и одаренности и о которых судят по реальным стандартам реального мира», — подытоживает эту историю Роберт Лейси.

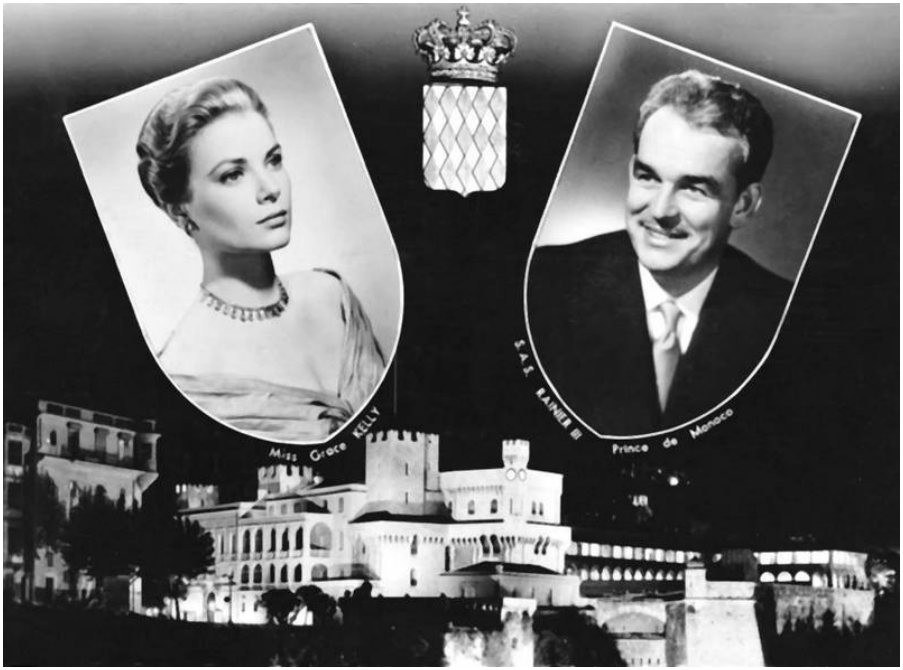
Традиционные монеты Монако с изображениями монархов

Глава 19
ГВЕН РОББИНС. СТОЛКНОВЕНИЕ С СОБСТВЕННЫМ ПРОШЛЫМ

В 1975 году писательнице Гвен Роббинс заказали биографию княгини Монако. Собирать материал она начала в США, расспрашивая о Грейс у ее родных и у друзей юности. Она долго говорила с старшей сестрой Грейс, Пегги. И та, не скрывая, выложила всю информацию о юношеских любовных приключениях княгини.

«Откровенно говоря, — рассказывала потом Роббинс, — Мне кажется, что здесь не обошлось без некоторой ревности. Пегги всегда была умницей, замечательной собеседницей. А еще — старшей, первенцем. Согласно сценарию Келли, все, что случилось с Грейс, должно было, по идее, произойти с Пегги».

Гвен говорила так же с Келлом, братом Грейс, с школьными подружками и с голливудскими друзьями, со всеми, кто вместе с Грейс учился и работал над фильмами, и чем больше материала она собирала, тем яснее понимала: книга получается совсем не такой, какую она задумала! Она-то собиралась написать историю современной Золушки, чистой, добродетельной девушки, которая вышла замуж за принца и стала счастливой женой и матерью, правительницей крошечного, но блистательного королевства. А получилась история сплошного разоблачения, цепь любовных приключений не в меру пылкой кинозвезды, которая под конец умудрилась еще и принца «захомутать». При этом сама Грейс ни разу не согласилась встретиться с Гвен Роббинс! Писательница чувствовала растерянность, изначально она видела свою героиню респектабельной леди, а получила нечто прямо противоположное… Она зафиксировала все, что узнала, и отослала рукопись в Монако, давая тем самым Грейс последний шанс сказать свое слово по поводу описанных в книге событий. «Я всегда стараюсь проверить все факты, согласовав их с героями моих книг, — говорила Робинс. — Однако Грейс до этого не оказывала мне никакой поддержки, и я надеялась, что, прочитав рукопись, она изменит свое решение».



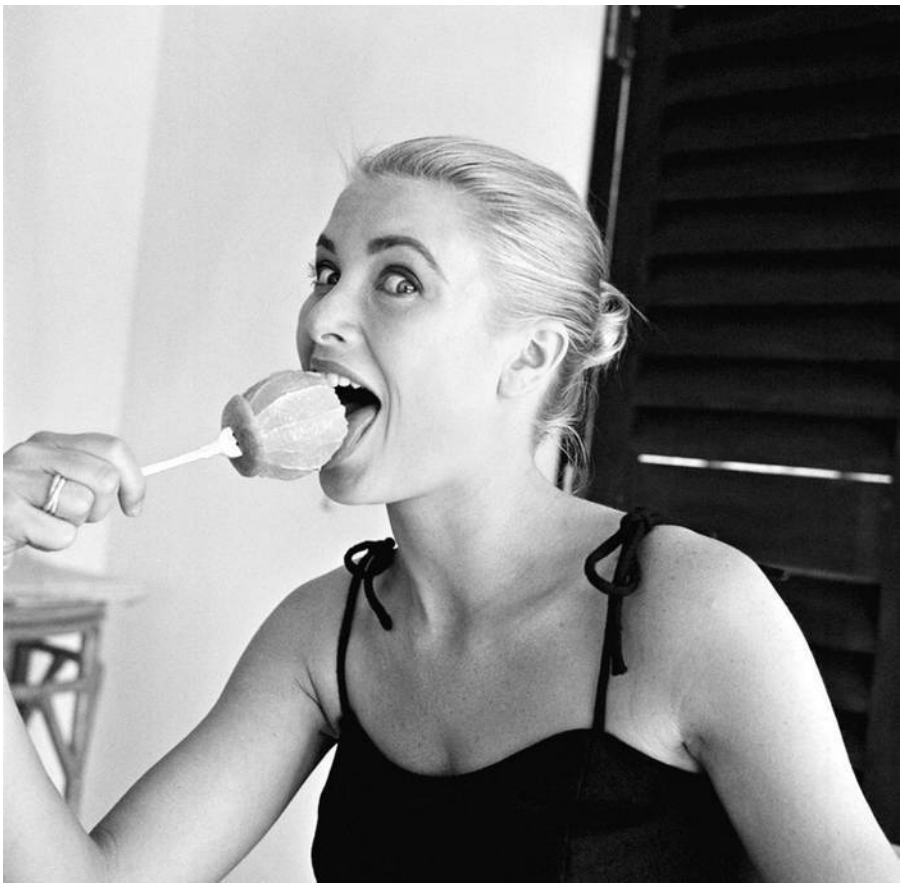
Звонок от личного секретаря княгини Монако, Поля Шуази, Гвен получила уже через несколько дней. Ее приглашали для встречи с Грейс в Париж, в особняк, принадлежащий Гримальди. Гвен приготовилась к встрече с чопорной и надменной особой, в которую превратилась та милая и смешливая Грейс Келли, о которой ей рассказывали в Голливуде. Но перед ней предстала совершенно другая ипостась Грейс.

Гвен ждала на пуфике в коридоре, когда мимо нее прошла моложавая женщина, которую она приняла за школьницу, как она потом вспоминала: «Чистое, вымытое лицо, гладка зачесанные назад волосы, плиссированная юбка… «Не может быть, — подумала я тогда, — вряд ли это княгиня Грейс!» Однако, когда меня пригласили в кабинет, я обнаружила, что это она и есть. Княгиня держала себя совершенно как школьница — такая робкая и взволнованная, словно испуганная. Она сидела напротив меня, судорожно стискивая пальцы. Казалось, что она вся комок нервов».

Княгиня утратила всю свою надменность, столкнувшись в этой книге с собственным прошлым. Она переживала: как ее дети, особенно девочки — Каролина, которая уже стала подростком и вовсю встречается с мальчиками, и десятилетняя Стефания — воспримут юношеские похождения матери?

«Будет лучше, если мы переработаем книгу вдвоем», — предложила Гвен Роббинс.

И они с княгиней Гримальди принялись перебирать эпизоды бурной юности актрисы Грейс Келли: Кларк Гейбл, Рей Милланд, Уильям Холден, Олег Кассини — Грейс даже не пыталась отрицать, что у нее были связи со всеми этими мужчинами. Но она просила, чтобы Гвен убрала из книги информацию о Рее Милланде, например, потому что он живет совсем недалеко, рядом с Монако. И об Уильяме Холдене: ведь Ренье о нем ничего не знает! «Как я могу воспитывать дочерей в убеждении, что нельзя заводить романы с женатым мужчиной, если я сама только и делала, что заводила такие романы?» — сокрушалась Грейс.



Фотография Хауэлла Конанта для журнала LIVE

Ее откровенность обезоруживала Гвен, а ранимость — очаровала. Теперь Гвен уже хотелось не написать правдивую книгу, а защитить эту прелестную нежную женщину от всего мира, который мог быть к ней недоброжелателен, от всех, кто

осудит ее, если снова выплывут на свет божий все эти любовные истории.

«Я не знала, что мне делать. Грейс сказала мне, что все написанное — святая правда и я должна оставить в книге все как есть. Однако это вовсе не входило в мои планы. Она рассказала мне о своих дочерях. Я уже начала догадываться, каково положение дел в ее семье и что может произойти с ней лично, опубликуй я все материалы, которыми располагала. Такого я просто не могла себе позволить. Она успела очаровать меня», — признавалась Гвен.

В результате из-под пера Гвен Роббинс вышла весьма восторженная и очень «причесанная» биография княгини Монако. Собственно говоря, Гвен написала ту самую сказку о вознагражденной добродетели, которую она предполагала написать с самого начала. Она предпочла закрыть глаза на все скандальные факты, которые узнала, оставив только любование талантом актрисы Грейс Келли и очарование личности княгини Грейс Гримальди.

И опять телефонный звонок секретаря Грейс раздался через несколько дней после того, как Гвен отослала экземпляр книги в Монако.

«Я не ожидала, что вы напишете нечто настолько деликатное! Прошу вас, приезжайте ко мне в гости», — Грейс была тронута до глубины души.

Так началась их многолетняя дружба. Гвен знала все секреты Грейс и ее семьи, и по этой причине именно с ней княгине было так легко общаться. Они встречались все чаще, отдыхали вместе, и Грейс даже предлагала Гвен перебраться в Монако. Чтобы задержать подругу рядом с собой подольше, Грейс предложила ей вместе написать книгу о цветах. Грейс обожала цветы: не только розы, но и дикие, полевые и горные, она собирала их и засушивала между страницами телефонных справочников — пористая бумага и большой размер этих книг делали их идеальными сушки растений. Грейс и Гвен по многу дней проводили в горах, в доме княгини, в гостиной со стеклянным потолком, заваленной телефонными справочниками, перебирая растения и разговаривая о цветах, но куда больше и чаще — о жизни… Впрочем, «Моя книга цветов» Грейс Гримальди действительно увидела свет, но только в 1980 году.

Перед Гвен Роббинс княгиня Монако не стеснялась показаться с утра заспанной и домашней, не похожей на себя — гламурную и парадную. Грейс выходила к завтраку и иной раз проводила время до полудня в старой удобной одежде, повязав немытые волосы шарфом, без капли косметики на лице.

«В ней вообще было невозможно узнать красавицу, — вспоминает Роббинс. — Грейс не страдала тщеславием, она не из тех, что постоянно озабочены своей внешностью. С другой стороны, я бы не сказала, что она обладала каким-то исключительным вкусом и умела хорошо одеваться. Подчас Грейс выглядела просто старомодно. Однако ближе к вечеру в ее внешности происходили перемены к лучшему, с каждым часом она словно расцветала и к восьми вечера, немного подкрасившись (я называла это косметикой без косметики) и сделав прическу, становилась красавицей. Она накладывала на лицо лишь чуточку пудры и легкие тени на веки. Этого было достаточно. У нее была замечательная кожа, красивые глаза, высокие скулы, все еще хорошо очерченные. Несмотря на то, что лицо ее стало полнее, выглядела Грейс потрясающе. В том и состояла ее работа — переключиться от обыденности на что-нибудь удивительное, и она прекрасно знала, как это сделать».

Юная Стефания с мамой

Однажды Грейс призналась Гвен: «Знаешь, мне очень грустно в замужестве. Я ему совершенно безразлична. Ему абсолютно все равно, что я думаю, чем дышу».

Гвен не знала, что на это ответить. Она была знакома с Ренье. Он ей даже нравился. Конечно, она знала о его приступах дурного

настроения. И о его изменах. Но Ренье никогда не афишировал своих любовниц. И если к чему-то Грейс и могла его ревновать, то это — к самому Монако, которому князь отдавал все свои силы и все внимание. Ему и правда не было интересно знать, чем живет его супруга, если это не имело отношения к престижу княжества. И Гвен нечем было утешить Грейс.

Чем старше становились дети, тем более одинокой чувствовала себя Грейс. Разведение роз и создание картин из сухих цветов — вот и все радости, которые ей оставались. Кто-то из друзей предложил княгине Монако устроить выставку этих цветочных картин, и галерея «Друан» в Париже с удовольствием предложила разместить выставку в своих стенах. Мероприятие привлекло множество аристократических гостей. И даже Ренье Гримальди присутствовал на открытии. Успех был огромным, Грейс в первый же день удалось продать все свои творения! Они остались висеть на стенах галереи до конца выставки, но каждая работа уже имела владельца. Грейс была счастлива, как никогда. Но во время обеда, последовавшего за открытием выставки, Ренье жестоко высмеял жену. Он оборвал несколько лепестков с букета, стоявшего на столе, прижал их к донышку тарелки и продемонстрировал всем получившуюся композицию со словами: «Продано! Три тысячи франков!» Грейс с трудом удалось выдавить улыбку. Да, она понимала, что не будь она княгиней Монако, ей бы не удалось организовать выставку своих работ и не удалось бы продать цветочные коллажи даже за сотню франков. И все же — она впервые гордилась чем-то, что сама создала. А муж своей шуткой превратил ее успех в руины.

Грейс и 16-летняя Каролина на роликах

«С каждым годом эта черта в Ренье проявлялась все с большей отчетливостью. Когда-то он гордился достижениями своей супруги, однако впоследствии, казалось, душу ему растравили ревность к славе жены, к ее умению располагать к себе людей, чего ему было просто не дано. Ведь Монако — это он. Она — заморский товар, — писал Роберт Лейси. — Ренье у всех

на виду принижал Грейс. И хотя она неизменно стремилась поддержать его, он то и дело отпускал ехидные шуточки насчет ее пристрастия угождать другим и «слащавой улыбки». Его неизменные насмешки в адрес всех ее начинаний были ничем иным, как выражением его презрительного отношения ко всему тому, что интересовало жену. Преодолев лень и самолюбование, которыми грешил именно князь, их супружество вскоре приняло форму какого-то уму непостижимого соперничества, причем штаб-квартиры обеих сторон располагались, соответственно, в Монако и Париже. Ухудшение их отношений отрицательно сказалось на Грейс именно в то время, когда ей и без того было нелегко».

«Она могла жить, только подпитываемая восхищением! — рассказывала позже Гвен Роббинс. — Это было для нее чем-то вроде горючего. Она привыкла к нему в Голливуде, а затем получала с избытком от всего мира. Что касается посторонних людей, то они одаривали ее любовью и восхищением сильнее, чем когда-либо. Но это несло в себе и печаль, так как Грейс не хватало любви именно там, где ей больше всего хотелось, — у себя в семье».

Грейс Келли с детьми отмечают Пасху

Глава 20
РОБЕРТ ДОРНХЕЛЬМ. ЛЮБОВЬ ЗАСОХШЕГО ЦВЕТКА

Изменяла ли Грейс Келли мужу?

Да. Бесспорно. Потому что, окончательно разочаровавшись в браке, она неоднократно влюблялась, флиртовала и наслаждалась обществом других мужчин.

Но имела ли место физическая измена? Очень сомнительно. Грейс была слишком умна и осторожна для подобных поступков. И слишком пеклась о добром имени семьи. О том, чтобы оставаться примером для дочерей.

Ее первым увлечением после долгих лет несчастливого супружества стал кинорежиссер Роберт Дорнхельм.

Они познакомились в 1976 году. Грейс было сорок шесть, Дорхельму — тридцать. Он прибыл в Монако, чтобы снять пролог к картине «Дети театральной улицы». Это был полухудожественный-полудокументальный фильм, повествующий о Ленинградском хореографическом училище имени Вагановой, бывшей Императорской балетной школе, из стен которой вышли все величайшие танцоры, в том числе — эмигранты, такие как Рудольф Нуриев, Владимир Барышников, Наталья Макарова. Грейс, истово любившая балет еще с юности, не могла не заинтересоваться фильмом. А познакомившись с байронически привлекательным Робертом Дорнхельмом, заинтересовалась и режиссером.

Сначала это была творческая дружба. Грейс и Роберт задумали фильм об одаренных детях. А еще Дорнхельм планировал сделать картину о судьбе Рауля Валленберга, шведа, спасавшего евреев от нацистов, а после войны пропавшего в ГУЛАГе.

Келли и ее друг Роберт Дорнхельм

Грейс обещала ему всяческую поддержку. У нее были связи, у нее были деньги. У нее было страстное желание участвовать в творческой работе. Ведь ей было так скучно! Вернуться в кино, как актриса, она не смогла, но Роберт предложил ей другой путь для возвращения — написание сценария, продюссирование!

«Грейс была поистине художественной натурой, — вспоминала актриса Рита Гэм, — и ее творчество оборвалось в самый неподходящий для этого момент, именно тогда, когда она начала реализовать себя как актриса. По-моему, все эти года она ощущала пустоту, поскольку творческая сторона ее «я» лишилась возможности раскрыть себя».

Роберт, в сущности, относился к тому же типажу жестких мужчин, которые всегда приводили Грейс в трепет.

«И как ты только можешь тратить драгоценное время и энергию на какие-то там мертвые, засохшие цветы? — спросил он однажды княгиню Монако. — Это что, олицетворение твоей жизни?»

Грейс не обиделась. Она задумалась и поняла: да, пожалуй, Роберт прав… Она — как засохший цветок. Засушенный, красиво обрамленный, защищенный стеклом. Но лишенный солнечного света, ветра, капель росы по утрам…

Постепенно из творческих их отношения перешли в личные.

Грейс попросила Гвен Роббинс принять Роберта в ее доме в Англии. И сама собиралась приехать туда, чтобы пообщаться с ним в свободной обстановке.

Герцогиня на охоте

Роберт произвел на Гвен не лучшее впечатление, заявив во всеуслышание после телефонного разговора с княгиней Монако: «Я из нее веревки могу вить, если захочу». Но Грейс была совершенно очарована. Она пригласила Гвен в Монако, чтобы та служила ширмой для их с Робертом встреч. Они выезжали в горы на автомобиле с личным шофером княгини, втроем, но потом Гвен оставалась в машине, якобы ей было трудно ходить из-за больного колена, а Грейс и Роберт отправлялись на прогулку, скрывались из виду, и иной раз отсутствовали по нескольку часов. Грейс возвращалась счастливая, сияющая. Она говорила

подруге, вздыхая, как впервые влюбленная школьница: «Как это прекрасно — просто побыть с ним наедине!»

Однако Гвен была уверена, что Грейс так и не вступила с Робертом в интимную связь: «Физическая сторона не была для нее главным. Грейс обожала флирт. В нем заключалась для нее вся та нежность и романтика, которых ей недоставало с Ренье».

Роберт Дорхельм никогда не рассказывал подробностей о своих отношениях с княгиней Монако. В этом плане он проявил себя порядочным человеком. «Я не хочу ворошить прошлое, — говорит он. — Пусть все останется так, как есть. Ведь ее больше нет в живых».

Актриса и принцесса Монако Грейс Келли и ее драгоценная брошь в виде петуха

Глава 21
«ЗЛОБНЫЕ ЧЕЛЮСТИ» И «ПЛЮШЕВЫЕ МАЛЬЧИКИ»

Дорнхельм был первым. Когда романтические отношения с ним утратили остроту, Грейс без малейшего сомнения завела роман с двадцатидевятилетним Джеффри Мартином Фитцджеральдом, с которым познакомилась в самолете, и при этом парень даже не узнал княгиню Монако в кокетничавшей с ним даме.

Потом был тридцатитрехлетний шведский актер Пер Маттсон, пиком отношений с которым стала ночь, когда подвыпившая Грейс пригласила его в номер отеля, и до утра… распевала с ним комические романсы.

Потом пришла очередь бывшего манекенщика, а ныне нью-йоркского ресторатора Джима Мак-Маллена, которого Грейс пригласила на недельку погостить в Монако, побывала с ним на всех вечеринках, но — не позволила ничего неподобающего, да и сам он не решился домогаться стареющей княгини. «Она была совершенно необыкновенная, Ее Светлейшее Высочество», — с трепетом вспоминал Мак-Маллен.

«Плюшевые мальчики» — так называла их Грейс. Они были для нее эквивалентом плюшевой игрушки, которую маленькая девочка обнимает, когда надо утешиться, берет с собой на прогулку, ведет воображаемые диалоги… Всего их было около дюжины, молодых спутников стареющей Грейс.

Во время прогулки

«Ей хотелось одного — блистать до конца своих дней, — говорит Гвен Роббинс, — и эти молодые люди давали ей такую возможность. Они ей льстили. С ними не соскучишься».

«Плюшевые мальчики» стали утешением для Грейс в трудный период ее жизни, когда у нее начался климакс и она стремительно располнела.

«Она постоянно донимала меня звонками. «Что мне делать, — жаловалась она. — Я стала такая толстая. Я не влезаю в свои платья, а мне ведь надо появляться в обществе». Она обратилась к одному врачу, затем к другому, но все они твердили одно и то же. Ее организм удерживает воду. А это означает изменения в ее жизни», — рассказывала Гвен Роббинс.

«В 1976 году, когда ей исполнилось сорок семь (именно в этом году у нее завязался роман с Робертом Дорнхельмом), Хауэл Конант был вынужден совершить специальное путешествие в Монако, чтобы заново снять семейство на официальную рождественскую открытку. Княгиня, посмотрев пробные снимки, сочла, что выглядит на них слишком толстой. Семейная рождественская открытка Гримальди — официальная фотография

Грейс, Ренье и их детей, сделанная Хауэлом Конантом, — печаталась почти каждый год начиная с 1956 (все члены семейства — в одних и тех же позах, на фоне одних и тех же декораций). Эти открытки представляют собой удивительную семейную хронику: вот на свет появились один за одним младенцы, вот они превращаются в подростков, затем растут и развиваются все дальше, пока в один прекрасный день не оказываются рядом с собственными родителями совершенно взрослыми людьми. На висках Ренье пробивается седина, затем она становится все заметнее, и вот он уже белый как лунь. Водолазки, широкие воротники, расклешенные брюки, кроссовки — мода давно прошедших десятилетий. И только Грейс не меняется (подтянутая, стройная, белокурая, улыбающаяся), а после сорока выглядит даже лучше, чем в восемнадцать, — и так до 1976 года, когда внезапно, в считанные месяцы, роза увяла, — констатирует Роберт Лейси. — Грейс всегда любила вкусно поесть и попить и не отказывала себе в этом удовольствии. Ее излюбленные блюда, начиная с кровяной колбасы и кончая жареным цыпленком, содержали большое количество жира, слабость к шампанскому и коктейлям также не способствовали стройности ее талии. Однако истинная причина столь резких изменений во внешности Грейс на сорок седьмом году ее жизни заключалась не только в склонности к перееданию. Просто пришло ее время. Грейс страдала от особенно болезненного и тяжело протекавшего климакса».

Фрэнк Синатра: «Она была настоящей принцессой с самого рождения»

«Злобные челюсти» — так Грейс называла климакс — стискивали ее все теснее. Грейс не только располнела. У нее резко выросла грудь. Она, так страдавшая в юности из-за того, что грудь не растет, теперь мучилась, потому что из-за увеличившейся груди она не только не могла подобрать себе наряды, ей стало некомфортно спать. «Я в полном ужасе от моего бюста, — жаловалась она Гвен Робинс. — Он стал невероятных размеров. Просто не знаю, что мне с ним делать». Грудь болела. И это было только начало. У Грейс начались резкие перепады температуры. Приступы потливости. Неизменно спокойная, она сделалась неуравновешенной, и уже не способна была скрывать свои переживания. Все выплескивалось наружу — истериками. Гормональная терапия не помогала. Грейс пыталась глушить

переживания алкоголем…

Чопорная княгиня Монако теперь позволяла себе шокирующие выходки. Встретившись со своим бывшим возлюбленным Доном Ричардсоном, за которого она когда-то чуть не вышла замуж и с которым она не виделась двадцать пять лет, Грейс повела себя так, словно они расстались только накануне.

«Когда я вошел, — рассказывал Ричардсон, — Грейс прыгнула из-за кофейного столика прямо в мои объятия и обвила меня ногами. Там была моя жена и другие гости, и все они уставились на нас. Но для Грейс в тот момент никого не существовало. Неожиданно мы словно вернулись в былые дни… Все это было ужасно трогательно. В ней все еще сохранилось нечто такое, что будоражило воображение, — это нежное лицо, замечательные глаза. Но одновременно было в ней нечто печальное. У меня сердце обливалось кровью, когда я видел, как она располнела и увяла; к тому же, она была слегка пьяна, швы на платье разошлись, косметика размазалась по лицу. Мне показалось, что Грейс, похоже, уже давно прикладывается к бутылке».

Грейс Келли и князь Ренье во время регентского совета. Нью-Йорк, 1976 г.

Дон был счастлив в браке. Он переехал на жительство в Израиль. Преподавал там актерское мастерство. И больше не скрывал ни свою национальность, ни вероисповедание. Да и времена были другие. Теперь Грейс не могла не чувствовать стыд за поведение родных. И может быть — не могла не сожалеть об упущенном счастье, глядя, как нежен и заботлив Дон со своей женой Лаурой, и какой самоуверенной и раскрепощенной чувствует себя миссис Ричардсон.

Депрессия, много лет терзавшая Грейс, вгрызалась в ее душу с новой силой. До нее дошла печальная весть о том, что одна из подруг ее юности, одна из шести подружек невесты, присутствовавших на ее свадьбе, независимая, эмансипированная Каролин Скотт-Рейболд после ряда жизненных неудач и пережитых на личном фоне несчастий сошла с ума, утратила все имущество и превратилась в бродяжку, в «женщину с пакетом», скитающуюся по улице. Захворав, Каролин оказалась в нью-йоркском приюте для бездомных. Но отказалась принять помощь от кого бы то ни было. Включая и княгиню Грейс.

Обсуждая случившееся с Джуди Кантер, другой подружкой невесты, Грейс потрясла ее вопросом: «Тебе не кажется, что Каролине можно позавидовать?»

Джуди так не казалось. А Грейс рассказала ей, что так устала от своей несвободы, что временами хочет стать «женщиной с пакетом» и скитаться по парижскому метро. Лишь бы оказаться подальше от семьи. Подальше от нелюбви мужа и детей. От живых доказательств своего жизненного краха.

«Будь у меня выбор, — призналась Грейс как-то раз Мишлин Свифт, — я бы развелась с ним. Но у меня нет выбора. Ведь дети останутся с ним».

Расстаться с детьми Грейс не могла…

Она еще пыталась получить хотя бы крупицу счастья. Она организовала в Монако театр. И сама выступала с декламацией стихов. Она лелеяла мечту вернуться на сцену.

Грейс, Альберт, Каролина и Ренье возвращаются с прогулки

Последний в своей жизни подарок Грейс получила в 1981 году, когда во французском питомнике Мейланд вывели розу «Принцесса Монако»: чайно-гибридная роскошная роза с очень четко очерченными лепестками, бледными у основания и густо розовеющими к краю.

Любуясь на благоуханную «Принцессу Монако», Грейс Гримальди высказала пожелание разбить в Монако большой розарий, где будут высажены все известные сорта роз.

Это ее желание было исполнено. Но уже после ее смерти.

Как любая женщина, Келли обожала делать покупки

Глава 22
ГИБЕЛЬ КНЯГИНИ. МЫ НИКОГДА НЕ УЗНАЕМ ПРАВДУ…

Грейс Келли попала в роковую для нее аварию 13 сентября 1982 года. Автомобиль, в котором она ехала со своей младшей дочерью Стефанией, сорвался со скалы. Стефания к приезду полиции успела вылезти и сидела рядом с открытой дверью со стороны водителя. Она практически не пострадала — несколько ушибов и шок. У Грейс, лежавшей на заднем пассажирском сиденье, были сломаны ноги, ребра, тяжелейшее сотрясение мозга. На следующий день она умерла в больнице.

Вернее, не сама умерла: врачи сообщили, что мозг княгини Грейс уже мертв и Ренье дал разрешение на отключение жены от аппарата искусственного дыхания. Он поторопился с этим, не дождался приезда ее американских родственников, и за торопливость — за то, что он не позволил сестрам подержать еще теплую руку Грейс, за то, что он не допустил до Грейс американских врачей — он заплатил серьезным скандалом, еще одним в череде многих…

Грейс Патриция Келли, Ее Светлейшее Высочество княгиня Грейс Монакская, скончалась в десять часов пятнадцать минут вечера 14 сентября 1982 года. Ей было пятьдесят два года.

Похороны состоялись при массовом стечении народа, в обстановке общенационального и даже общеевропейского горя: Грейс была одной из популярнейших правящих особ и интерес вызывала не меньший, чем пятнадцать лет спустя — принцесса Диана Уэльская.

Фото с места трагедии

На отпевании присутствующим раздали поминальные карточки, в которых они прочли цитату из последнего интервью Грейс Гримальди — и из Блаженного Августина.

«Мне бы хотелось, чтобы меня запомнили прежде всего как порядочного человека, которому ничто не безразлично», — так говорила Грейс еще в июле.

«Господи, я не спрашиваю тебя, почему ты забрал ее у меня, но благодарю за то, что ты дал ее нам», — сколько раз эти слова Блаженного Августина использовали скорбящие родственники, не находя собственных слов для выражения своей боли — и своего смирения.

Три дня гроб Грейс, усыпанный цветами, стоял в часовне собора Святого Николая. Торжественное отпевание демонстрировали по телевидению, его смотрели миллионы людей со всего света, желавшие попрощаться со сказочной принцессой, так драматически погибшей. Именно внезапность ее смерти снова вознесла Грейс на пик популярности. Если бы она увядала тихо и умерла от болезни — ее похороны не вызвали бы такого ажиотажа.

Во вторник 21 сентября 1982 года гроб опустили в фамильный склеп Гримальди.

Стефания на похоронах не присутствовала: лежала в больнице. Недоброжелатели говорили: не лежала, а пряталась. Пряталась от французской полиции, желавшей допросить ее в связи с аварией, произошедшей географически — на территории Франции. Но семейство Гримальди задействовало всю свою власть и все свои связи в высших политических кругах Франции, чтобы оградить Стефанию от «преследования» полиции. Заодно и заткнули рты наиболее ретивым журналистам.

Официальная причина аварии была — инсульт, внезапно приключившийся у Грейс, когда она вела машину. Все знали, что в последние годы Грейс мучили головные боли. Но также все приближенные знали, что в тот день Грейс серьезно поссорилась со Стефанией, и решила сопровождать ее в поездке во Францию в надежде помириться по пути. И эта подробность стала достоянием журналистов. Как и то, что семнадцатилетняя Стефания любила водить машину и гонять с невероятной скоростью, но не имела прав, потому что не достигла соответствующего возраста, а мать боролась с этим ее пристрастием. А еще появился некий свидетель, который ехал по той же дороге в то же время, и видел темно-коричневый «Ровер» принцессы Монако, и хотя не заметил, кто сидел за рулем, — зато заметил, что водитель и пассажир вроде как боролись… Для тех, кто знал, что Стефания могла ударить мать, это не казалось особенно удивительным. Но и свидетеля тоже заставили замолчать. В следующий раз в своих показаниях он заявил, что ни в чем не уверен.

Дальше всех в расследовании истинных причин гибели Грейс Келли пошел журналист Бернар Виоле. Он даже написал книгу «Тайна скалы», в которой описал те подробности катастрофы, которые умалчивались семейством Гримальди или не согласовались с официальной версией. Бернар Виоле встретился в Майами с бывшим главой полиции Ниццы, полковником Роджером Бенчем, который рассказал ему о проблемах, возникших у французской полиции в расследовании причин аварии: «Катастрофа произошла как раз на границе Франции и Монако, так что власти двух стран заспорили, кому вести дело. Давление подданных Монако оказалось сильнее — они увезли разбитый «Ровер» с места аварии по приказу князя Ренье, а потом заявили, что там была сломана коробка передач. Но мой эксперт успел осмотреть машину по горячим следам и отметил, что ни один ее узел не мог привести к аварии. Кстати, перед падением рычаг коробки передач был в положении «обычная езда», тогда как осторожная Грейс в горах всегда ставила его в позицию «горная дорога». И еще, садясь за руль, она всегда пристегивалась ремнями безопасности, которыми в роковой день не пользовались ни водительница, ни пассажирка. Собрав эти вопросы, я хотел допросить Стефанию как единственную свидетельницу — но в ответ на адресованную ей повестку я получил официальное послание князя Ренье, что, согласно конституции Монако, его дочь имела право уклониться от показаний. А потом коллега из Монако сказал мне, что Гримальди объявили официальной причиной трагедии то, что за рулем у Грейс произошел разрыв

сосуда головного мозга и она не справилась с управлением. Хотя рентген мозга, сделанный ей перед смертью в больнице, опять-таки не нашел никаких признаков такого аневризма».

Джеймс Стюарт и Грейс Келли на съемках

Стефания согласилась дать показания о смерти матери спустя годы после гибели Грейс. В ее описании произошедшее выглядело так: «Тогда мне было семнадцать лет, и я не имела ни водительских прав, ни желания водить машину. У мамы были

нелады со здоровьем, ее часто мучили головные боли. И в тот момент, когда она вела наш «Ровер» по горному шоссе, она жаловалась на мигрень — и вдруг закричала: «Я ничего не вижу!» Машину понесло к обрыву. Я пыталась со своего пассажирского места остановить ее, включив ручной тормоз и переведя рычаг автоматической коробки передач в положение «стоп». Но все это было напрасно. Потом говорили, что за секунду до трагедии Грейс вместо педали тормоза по ошибке нажала на газ. Я не знаю, произошло ли это. Но вполне могло быть… Экспертиза потом показала, что дверь со стороны пассажира, рядом с которой я сидела, была заблокирована и я не могла покинуть машину иначе, чем через дверь водителя».

Результаты экспертизы, которая все это «показала», так и не были обнародованы.

И вряд ли стоит удивляться тому, что до сих пор никто не верит Стефании.

Впрочем, князей Монако скандалами и сплетнями не напугаешь. Князь Ренье III когда-то пошутил: «Сплетни изобрели в Монако». И в самом деле, почти невозможно представить себе светскую хронику популярного таблоида без упоминания кого-нибудь из многочисленных Гримальди. Представители других аристократических семей — будь то правящие монархи или давно лишившиеся трона, не позволяют себе вести такой лихой и скандальный образ жизни, как члены княжеской семьи Монако.

В роскошном образе на съемках фильма «Поймать вора»

Со времени гибели Грейс ее дети натворили столько, что вопрос — виновна или нет Стефания в гибели матери — уже практически не волнует.

Гримальди ценят красивые машины и высокие скорости, жизнь без тормозов. Они не боятся рисковать и играть по-крупному. То ли кровь дает о себе знать — не только кровь

буйных Гримальди, но также похотливых Келли, то ли родовое проклятие неодолимо тянет к краю пропасти… Или, может быть, всему виной особенная атмосфера, царящая в княжестве Монако. Доходы от игорного бизнеса дают возможность не чувствовать стесненности в средствах на любые безумства. Дьявол по-прежнему любит Монако.

Монумент рядом с местом гибели принцессы

Глава 23
ЛЮБОВНЫЕ ДРАМЫ ПРИНЦЕССЫ КАРОЛИНЫ

Грейс забеременела почти сразу же после свадьбы и 23 января 1957 года родилась ее старшая дочь Каролина. Грейс души в ней не чаяла и к воспитанию девочки подходила весьма своеобразно: разрешая ей все. Каролина занималась тем, что было ей интересно: конным спортом, музыкой и танцами. На каникулах она часто жила у бабушки и дедушки в Филадельфии. Она обожала Америку и сама была больше похожа на маленькую американку, чем на европейскую принцессу.

Грейс признавалась, что Каролина во многом похожа на нее в юности, поэтому она не может по-настоящему сердиться на старшую дочь, даже когда та совершает откровенные глупости. Впрочем, Грейс в принципе не могла сердиться на своих детей. И не могла ничего им запретить.

У Каролины, с детства привыкшей к вседозволенности, не было причин меняться. Она принцесса, она должна получать все, что хочет, и имеет право делать все, что ей заблагорассудится. Очень удобный подход, бесспорно… Вот только у всякого «милого» безумства есть и обратная сторона. В конечном итоге любые безумства оборачиваются против того, кто их совершает.

Каролине было девятнадцать, когда она впервые по-настоящему влюбилась. Предметом страсти принцессы стал Филипп Жюно, удачливый бизнесмен и завзятый ловелас, который был старше Каролины на семнадцать лет. Жюно не отличался красотой, но был, что называется, чертовски обаятелен и умел красиво ухаживать. А еще он принадлежал к породе так называемых «плохих парней», на которых так падки молоденькие девушки. Жюно не составило труда очаровать легкомысленную принцессу.

Принцесса Грейс была очень набожной. Во время молитвы…

Когда-то Грейс хотелось, чтобы ее дети чувствовали себя свободными и раскрепощенными. Она вполне этого добилась. Каролине правила приличия были неведомы, ей даже как будто доставляло удовольствие испытывать терпение родителей.

«Моя мать хочет, чтобы я общалась с друзьями, которых выбирает она, чтобы я одевалась, как нравится ей, и чтобы мое будущее было лучше, чем ее. Но я не хочу нести бремя нереализованных амбиций», — высокомерно заявляла она.

И делала все наперекор.

Писательница Гвен Роббинс вспоминала, что стала свидетельницей не очень красивой сцены. Однажды, когда она навестила Грейс в ее доме на Фош-авеню в Париже, туда же пришел и Жюно.

«Это было в те дни, когда в моде были брюки в облипку, — вспоминает Гвен. — И этот Жюно щеголял в самых что ни на есть

тесных брюках. Когда он вошел в комнату, Каролина подошла к нему и потерлась о его живот. В жизни не видела столь вызывающей откровенности. «Грейс, — сказала я. — Как ты только позволяешь подобные вольности в присутствии посторонних?» — «Ах, голубушка, — ответила она, всплеснув руками, словно давно уже оставила всякие попытки. — Что, по-твоему, мне делать?»

Спустя год с небольшим после знакомства Жюно предложил Каролине руку и сердце, и та, не раздумывая, согласилась. Она знала, что родители ее решение не одобрят, поэтому заранее придумала, что ответит: если свадьбы не будет, она просто переедет к Филиппу и будет жить с ним в качестве любовницы.

«Мама тогда сказала: «Разумеется, он не тот, за кого я бы посоветовала тебе выйти замуж, — вспоминала Каролина, — но теперь уже ничего не поделаешь, ты слишком давно встречаешься с ним… Что подумают люди, если ты встречалась с мужчиной почти два года?»

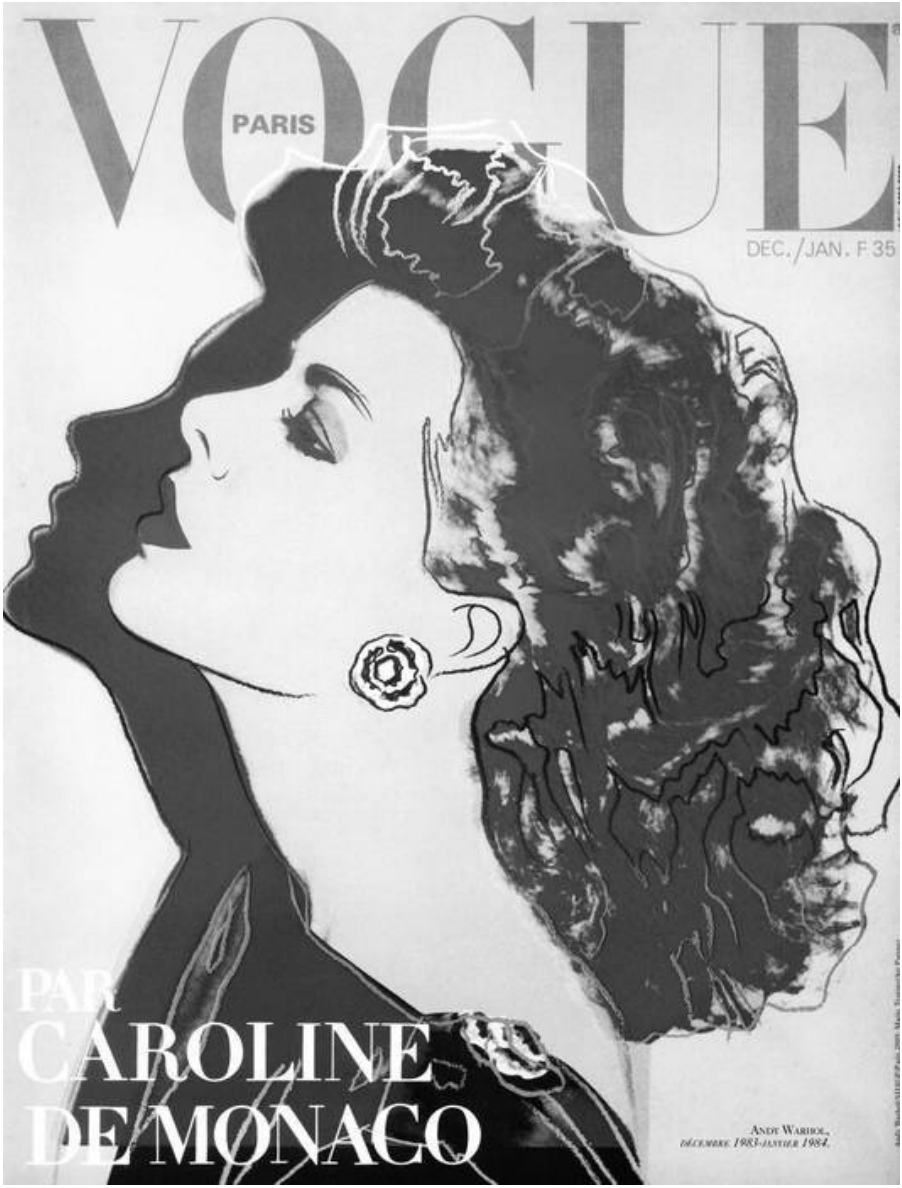
Золотая ручка, сделанная для членов монаршей семьи. Свадебный подарок для церемонии бракосочетания князя Монако Альбера II и Шарлен

Князь и княгиня Монако вынуждены были дать разрешение на этот брак.

28 июня 1978 года состоялась гражданская церемония, а на следующий день — венчание. Свадебное торжество было роскошным, как и полагалось для девушки из семьи Гримальди. Каролина создала нежный и целомудренный образ с помощью платья от «Диор» и прически в стиле из очень популярного в то время фильма «Звездные войны». Принцесса казалась совсем юной девочкой и выглядела такой счастливой…

Счастье длилось недолго. Через несколько месяцев после свадьбы Каролина обвинила мужа в многочисленных изменах и потребовала развода. В октябре 1980 года супруги разошлись. Они больше не жили вместе, однако еще целых двенадцать лет им понадобилось на то, чтобы добиться разрешения Ватикана на расторжение брака.

Каролина не особенно страдала из-за развода. Казалось, она даже рада была обретенной свободе. Теперь она могла по-настоящему почувствовать вкус жизни. Она от души развлекалась: танцевала на дискотеках, гоняла на мотоцикле по запруженным машинами улицам Парижа, и меняла мужчин, как перчатки. Вездесущие папарацци едва успевали рассказывать обо всех ее романах, выдавая жадным до сплетен читателям новые и новые громкие имена. Среди любовников Каролины был путешественник и защитник природы Марк Шанд — младший брат Камиллы, нынешней герцогини Корнуольской; Анри Жискар д'Эстен, сын бывшего президента Франции; и французский певец Филипп Лявиль. В 1982 году Каролина начала встречаться со знаменитым теннисистом Гильермо Виласом. Фотография с их первого свидания принесла ее автору 1.100.000 долларов США и впоследствии была растиражирована более чем в 50-ти глянцевых журналах. Некоторое время Каролина встречалась и даже была помолвлена с Робертино Росселини, сыном Роберто Росселини и Ингрид Бергман.



Принцесса Каролина. Портрет Энди Уорхола для журнала VOGUE

А потом Каролина познакомилась с итальянским бизнесменом Стефано Казираги, который стал ее новой большой любовью, совершенно затмившей все прошлые увлечения. И, пожалуй, можно сказать, что на сей раз чувства ветреной принцессы действительно были серьезны. Да и Стефано, по

множеству свидетельств, просто обожал ее и даже спустя несколько лет после свадьбы смотрел на Каролину с такой любовью и нежностью, что это восхищало и умиляло окружающих. «Моя вторая половинка», — с улыбкой говорила о нем Каролина. Но… Этот прекрасный союз не мог продлиться долго. Ведь согласно семейному преданию, никому из Гримальди не суждено жить долго и счастливо в браке.

Стефано Казираги родился 8 сентября 1960 года в семье преуспевающих итальянских промышленников. Не имея склонности к учебе, он закончил всего два курса экономического факультета Миланского Университета, после чего бросил его и с энтузиазмом присоединился к семейному бизнесу. Но самой большой страстью Стефано были гонки на катерах, которыми он увлекался с ранней юности. В этом опасном виде спорта он достиг больших успехов, став даже победителем чемпионата мира, проходившего у берегов Атлантик-Сити в 1989 году.

Каролина и Стефано познакомились на дискотеке в Монте-Карло. Знакомые утверждали, что Каролина закрутила этот роман, чтобы досадить Робертино Росселини, которого незадолго до этого папарацци подловили в обществе каких-то старлеток с Греческих островов. Ни к чему не обязывающая интрижка очень быстро переросла в серьезные отношения.

Каролина Монакская и Стефано Казираги поженились 29 декабря 1983 года. Родители принцессы были не в восторге от этого союза и отнеслись к нему весьма скептически, предполагая, что второй брак их дочери продержится не дольше, чем первый. Но избежать свадьбы было уже невозможно: Каролина находилась на третьем месяце беременности. Гражданская церемония прошла в Зеркальном зале великолепного княжеского дворца.

Итальянские папарацци с насмешкой назвали нового супруга принцессы «Каролино», намекая на то, что он всего лишь ее очередная игрушка, которая скоро надоест Каролине. Однако они ошиблись. Каролина и Стефано счастливо прожили вместе семь лет. 8 июня 1984 год у них родился сын — Андреа. Еще через два года, 3 августа 1986 года — дочь Шарлотта. И еще через год, 5 сентября 1987 года — сын Пьер.

Знаменитое кафе «Париж» в Монте-Карло. Старинная открытка

А 3 октября 1990 года Стефано Казираги погиб в аварии во время гонок на яхтах у берегов Монако. Всего за несколько недель до этого он чудом избежал смерти — его катер взорвался у побережья Гернси. Но Стефано это ничуть не обеспокоило. Когда журналисты поинтересовались у него, не видит ли он в произошедшем предостережения судьбы и не стоит ли ему оставить опасный вид спорта, хотя бы ради жены и детей, тот ответил: «Ничто не может заставить меня бросить гонки. Я всегда обожал скорость. Моя жена это знает и уважает мои увлечения. В нашей любви нет ни вопросов, ни сомнений. Мы оба немного фаталисты. Чему быть — того не миновать…»

В тот день было ветрено и на море штормило. Несшийся на огромной скорости катамаран Стефано Казираги врезался в восходящую волну и перевернулся. Стефано и его второй пилот Патрик Инноченти были выброшены в море. Прибывшие вскоре спасатели вытащили из воды обоих. Инноченти — живым. Казираги — мертвым.

Каролина в это время находилась в Париже. Узнав о трагедии, произошедшей с мужем, она тот час же вернулась в Монако, буквально почерневшая от горя. Принцесса впала в

тяжелейшую депрессию. От переживаний у нее начали выпадать волосы, Каролина практически облысела. Спасаясь от папарацци и тяжелых воспоминаний, вместе с детьми она на время уехала в Париж.

В 1992 году Ватикан наконец аннулирован брак Каролины с Филиппом Жюно, и год спустя были официально узаконены ее дети от брака со Стефано Казираги. С этого момента Андреа Казираги стал основным претендентом на престол Монако после своей матери. Разумеется, он станет князем только в том случае, если у его дяди Альбера II не будет детей.

Принцесса Каролина во время занятий конным спортом

Уехав во Францию, Каролина недолго оставалась скорбящей вдовой. Стоит признать: она утешилась даже слишком быстро. В том же 1990 году у нее завязался роман с актером Венсаном Линдоном. И эта связь продолжалась довольно долго, целых пять лет. Пока Каролина не увлеклась новым мужчиной.

На сей раз, для разнообразия, ее избранником стал аристократ, достойный ее по происхождению, — Эрнст Август V Ганноверский, правнук короля Великобритании Георга III. Эрнст был женат на подруге Каролины, дочери швейцарского магната

Шанталь Хочули, с которой развелся в сентябре 1997 года. Говорят, между подругами была заключена настоящая сделка: Шанталь согласилась расстаться с супругом, уступив его сопернице за 60 миллионов евро.

Свадебная церемония между представителями двух древнейших аристократических семей состоялась 23 января 1999 года, когда выяснилось, что Каролина беременна. Разрешение на этот брак давала лично королева Елизавета II, — как предписывает британский Акт о королевских браках.

Дочь Каролины и Эрнста принцесса Александра Ганноверская родилась 20 июля 1999 года. Девочка всерьез занимается фигурным катанием и подает большие надежды.

Потомок английских королей Эрнст Ганноверский имеет такую скандальную репутацию, что в сравнении с ним Гримальди кажутся людьми добродетельными и спокойными. Быть может, именно это и привлекло в нем Каролину, любительницу острых ощущений?

В 2010 году «желтая» пресса буквально взорвалась, обсуждая многочисленные скандалы, зачинщиком которых был ее супруг: «Суд германского города Ганновер приговорил принца Эрнста Августа Ганноверского, члена княжеской семьи Монако, к выплате штрафа в размере 578 тыс. долларов за нанесение тяжких телесных повреждений владельцу небольшого отеля в Кении…»

Каролина подтвердила изложенную мужем версию событий, когда он заявил, что всего лишь дал пощечину господину Брунленеру во время ссоры по поводу громкой дискотечной музыки, а вовсе не избил его. Но судья все же признал принца виновным в нанесении телесных повреждений. Ведь и до этого Эрнста Августа Ганноверского не раз штрафовали за хулиганские выходки.

Выступление принцессы в суде в поддержку мужа в свете сочли поразительным проявлением благородства, граничащим со святостью, — ведь незадолго до этого в газетах появились фотографии Эрнста с другой женщиной. Принца Ганноверского вместе с любовницей видели на австрийском лыжном курорте. И даже рождество Эрнст провел с юной красоткой в Тайланде, а вовсе не дома с женой и детьми, как требуют приличия.

После всех этих разоблачений неизбежно поползли слухи, что и третий брак Каролины Монакской скоро потерпит крах. В самом деле, большую часть времени супруги проводят порознь, почти не общаются и совершенно откровенно не хранят верность друг другу. Однако пока слухи о разводе не подтверждаются и пресс-служба княжеской семьи всячески их отвергает. Но что будет дальше — остается только гадать… Разрушит ли проклятие рода Гримальди и этот союз?

Келли в кругу семьи. Прекрасные моменты прошлой жизни…

Глава 24
ПОРОЧНЫЕ ТАЙНЫ ПРИНЦА АЛЬБЕРА

Появление на свет принцессы Каролины не слишком обрадовало граждан Монако. Княжеству был нужен наследник мужского пола. И Ренье III торжественно пообещал в скором времени подарить его своим подданным. И хотя на самом деле это зависело не от него, а от матушки-природы, обещание он сдержал. Спустя всего лишь год с небольшим после рождения Каролины, 14 марта 1958 года, на свет появился будущий князь Альбер II.

В отличие от своих сестер, Альбер никогда не отличался горячим темпераментом, и не особенно стремился к тому, чтобы шокировать общество. Он вел вполне приемлемый для аристократа светский образ жизни. Альбер — пятикратный участник зимних олимпийских игр. Лишь в одном он остался верен фамильной страсти к высоким скоростям: когда увлекся бобслеем, который считается весьма рискованным видом спорта.

Альбер рос практически идеальным наследником престола. У него в общем-то был единственный недостаток, но недостаток существенный: он не торопился обзаводиться супругой и совсем не стремился исполнить свою самую главную обязанность — способствовать появлению на свет наследника престола. А ведь очень долго это было чревато серьезными последствиями. До 2002 года существовал договор с Францией, согласно которому при отсутствии у князя Монако прямых наследников мужского пола, княжество переходит под юрисдикцию Франции, фактически становясь одной из ее провинций. Незадолго до смерти, видя, что полагаться на сына особенно не приходится, Ренье III сделал все возможное, чтобы изменить эту договоренность. Франция пошла на уступки. И теперь, если у Альбера не будет детей, наследовать Монако будет его старшая сестра Каролина, а после нее — ее дети. К счастью, у Каролины трое детей, которые вполне успешно справляются с задачей преумножения в мире маленьких Гримальди.

Маленький принц Альберт с мамой

О чем думал Альбер, оставаясь холостяком до пятидесяти трех лет, остается большой загадкой. Светские сплетники и журналисты «желтой» прессы строили по этому поводу множество предположений. Неужели Альбер так сильно ценит свободу, что узы барака для него хуже рабства? А может быть, на самом деле он предпочитает мужчин?.. Впрочем, в обществе молодых людей сомнительной ориентации Альбер никогда замечен не был, а вот в компании роскошных красавиц его видели довольно часто. Так что первое предположение вернее…

Альберу приписывали романы с Гвинет Пэлтроу, Брук Шилдс и Наоми Кэмпбелл. А с Клаудией Шиффер у них был настоящий многолетний роман. Якобы они были даже помолвлены. Немолодой уже князь Ренье III так надеялся, что сын наконец-то женится, что предложил ему сделку: если свадьба состоится, он сразу же отречется от престола в его пользу. Но с женитьбой Альбера и на этот раз ничего не вышло. То ли он сам в последний момент передумал, то ли Клаудия Шиффер испугалась новой

роли и прилагающейся к ней ответственности. Судьбу Грейс Келли, отказавшейся от карьеры ради семейного счастья, она повторить не захотела. Особенно если учесть, что к тому времени все уже знали: Грейс не слишком-то была счастлива в браке.

Пятидесятилетний рубеж стал неким переломным моментом в жизни Альбера. Он то ли вдруг ощутил ответственность перед княжеством, то ли очень уж не хотел отдавать главенствующую роль в Монако в руки Каролины, а это неизбежно случилось бы очень скоро. Стоило бы только светскому обществу решить, что у Альбера уже не может быть детей — и все взоры обратились бы на его сестру и ее старшего сына.

С Шарлин Уиттсток, хорошенькой пловчихой из ЮАР, Альбер познакомился еще в 2000 году на проходивших в Монако соревнованиях по плаванию. Девушка, несомненно, ему понравилась, и он был не против очередного необременительного романа, но Шарлин не была совершенно лишена легкомыслия и не пожелала стать любовницей Альбера. Как сама она позже рассказывала в интервью: «Я жила тренировками и подготовкой к соревнованиям, и проводила большую часть года, переезжая с мамой с одного международного турнира на другой…»

Стефано Казираги, принцесса Монако Каролина вместе со своими детьми Андреа, Шарлоттой и Пьером

Внимание будущего князя Монако ей, конечно, польстило, но не до такой степени, чтобы упасть в его объятия.

Альбер это с легкостью пережил. Однако Шарлин Уиттсток он не забыл.

В следующий раз они встретились в 2006 году на Олимпиаде в Турине. И вот тогда уже Альбер, похоже, всерьез задумался о том, что именно эта девушка достойна стать его женой. Они

много общались, начали вместе появляться на публике и светские новости тут же запестрели сообщениями о предстоящей помолвке.

Под конец своего пребывания в Турине Альбер предложил Шарлин переехать в Монако. Но до помолвки и тем более до свадьбы было еще далеко…

Шарлей Уиттсток родилась 25 января 1978 года в Зимбабве. Ее отец Майкл Кеннет Уиттсток был менеджером по продажам вычислительной техники, мать, Линетт Хамберстоун работала тренером по плаванию и увлекалась дайвингом. Родители Шарлин — выходцы из Европы, их предки переехали в Южную Африку в середине 20-го века.

Будучи еще совсем крошкой, едва научившись ходить, под руководством матери Шарлин начала серьезно заниматься плаванием. В 18 лет она стала чемпионкой ЮАР, а спустя еще четыре года защищала честь страны на Олимпийских играх в Сиднее. В 2002 году девушка выиграла три золотые медали на кубке мира.

Травма плеча заставила Шарлин Уиттсток забыть о продолжении серьезной спортивной карьеры, и, возможно, именно этот факт, заставивший ее задуматься о том, как жить дальше, был причиной согласия на предложение Альбера. Переезд в Монако, где Шарлин некоторое время работала школьной учительницей, был, конечно, ничем иным, как первой ступенькой на лестнице, ведущей ее к титулу княгини. К свадьбе с Альбером она готовилась основательно. Даже сделала пластическую операцию: уменьшила нос и «подтянула» лицо, чтобы выглядеть моложе и более «породистой». Конечно, сравниться красотой с Грейс Келли она не могла, но после операции весьма похорошела.

Свадьба принца Альберта II и Шарлен Уиттсток

Шарлин тогда еще не знала, что вытянутый ею «счастливый билет» в действительности подделка.

Шарлин никогда особенно не интересовалась светскими сплетнями, — у нее просто не было на это времени, — но теперь,

поселившись в Монако, она, разумеется, узнала о том, что ее будущий супруг совсем не святой. До знакомства с ней Альбер поддерживал длительные отношения по крайней мере с двумя женщинами. От американки Тамары Ротола у него имелась взрослая дочь Ясмин. Но если эту связь можно считать давно ушедшей в прошлое, то об отношениях с темнокожей стюардессой Николь Кост такого не скажешь… В 2003 году Николь родила Альберу сына Александра. А буквально за несколько дней до свадьбы Шарлин узнала, что Николь дала интервью одному из французских журналов, заявив, что у нее есть еще один сын от князя Монако, которому на тот момент исполнилось всего три года. А ведь это значило, что зачат был ребенок уже в самый разгар романтических отношений Альбера с Шарлин! Последней каплей стало интервью еще одной женщины — итальянки, не пожелавшей назвать своего имени, которая рассказала, что у нее есть сын полутора лет от князя Монако.

Альбер даже не пытался ничего отрицать. Он только флегматично заявил, что будет настаивать на генетической экспертизе.

Шарлин была потрясена и оскорблена. Теперь она вполне понимала, во что превратится ее жизнь. Альбер не оставит привычки плейбоя и будет изменять ей, тогда как она будет вынуждена с достоинством исполнять свою роль княгини Монако, и улыбаться, изображая, что счастлива, под сочувствующими взглядами светских сплетников.

Принцесса Шарлен в журнале VOGUE

Шарлин трижды пыталась сбежать из Монако.

В первый раз — за два месяца до свадьбы, в мае 2011 года в Париже, куда девушка отправилась, чтобы встретиться с дизайнерами, работавшими над ее свадебным платьем.

Вторая попытка произошла в том же месяце, когда вместе с Альбером они поехали смотреть гонки «Формулы 1».

Оба скандальных инцидента охране удалось пресечь и, главное — сохранить в тайне.

Третью отчаянную попытку сбежать Шарлин предприняла, когда до свадьбы оставалось всего несколько дней. Девушку обнаружили в аэропорту Ниццы, когда она собиралась купить билет в один конец к себе на родину в ЮАР. Полиции пришлось конфисковать у Шарлин паспорт, и скандал на этот раз замять не удалось. Журналистам, а вслед за ними и всему мировому сообществу, следящему за новостями светской жизни, стало известно о том, что у Шарлин и Альбера все совсем не так радужно, как заявляла пресс-служба князя Монако.

Ничего изменить, однако, было уже невозможно.

Свадебная церемония состоялась 1 июля 2011 года. На

следующий день Альбера и Шарлин обвенчали. И гости, и журналисты отмечали, что невеста выглядела совершенно потерянной и печальной. Однако на вопрос священника, согласна ли она стать супругой Альбера, Шарлин все же ответила согласием. По свидетельству очевидцев, жених в этот момент не смог сдержать вздох облегчения.

Когда жених и невеста обменивалась клятвами в вечной любви и верности, Шарлин не выдержала и разрыдалась. Были это слезы отчаяния или всему виной просто избыток эмоций, сказать сложно.

На вопросы журналистов Шарлин отвечает категорично: «Слова об изменах и моем якобы побеге — спекуляция и ложь! Церемония была ответственной, все было очень торжественно, очевидно из-за перенапряжения я разрыдалась. Конечно, еще и слухи внесли свою лепту… А когда я заплакала, то подумала: «О, нет! Теперь весь мир увидел мои слезы!» И еще пуще разрыдалась. Но все же я вспоминаю этот день с нежностью».

Во время «Формулы-1» будущая принцесса и принц Монако поздравляют победителя гонки Себастьяна Феттельи из Германии

Может быть так и есть, но, скорее всего, Шарлин просто вынуждена «держать лицо».

Хотя Альбер II и признал своих детей, рожденные вне законного брака, они никогда не смогут претендовать на престол. А Монако нужен наследник. Ходят слухи, что Альбер и Шарлин подписали свадебный контракт, согласно которому супруга должна родить князю сына, и только тогда она сможет получить развод и свободу. Впрочем, скорее всего — это измышление «желтых журналистов» или недоброжелательно настроенных родственников Гримальди.

Со дня свадьбы минуло больше двух лет, но Шарлин все еще никак не может забеременеть. Княгиня так переживает, что запрещает окружающим даже касаться темы материнства. Сама она еще молода, но Альберу в 2013 году уже исполнилось 55лет — время неумолимо уходит.

На бесконечные вопросы журналистов Шарлин отвечает: «Мне нужно было время для того, чтобы освоится с новой ролью после свадьбы. Никакого давления никто на меня не оказывал. Дети когда-нибудь появятся. Наступит время, когда появится место и для детей. Я хотела организовать мой фонд, и дело сделано. Теперь я могу немного отдохнуть и набраться сил для новых дел. Сейчас я чувствую себя очень хорошо и мне кажется, что дети — это дело времени».

Шарлин называют «княгиней с грустными глазами». На всех официальных фотографиях она выглядит несчастной, словно птичка, запертая в золотую клетку. Оживает она только когда ненадолго вырывается на свободу. Но папарацци пристально следят за княгиней Монако. Шарлин жалуется, что буквально не может сделать лишнего шага, чтобы упоминание о нем не появился в светских новостях. Причем выводы журналисты делают весьма далеко идущие, превращая любые действия Шарлин в скандальную сенсацию: «Красавицу все чаще видят в обществе профессионального игрока в регби Байрона Келлехера, который даже был гостем на ее свадьбе. Поговаривают, что Альбер жутко ревнует и не хочет, чтобы Шарлин и Байрон общались. Из-за явных проблем в отношениях, на торжествах в честь вступления на престол короля Нидерландов Виллема-Александра 30 апреля этого года в Амстердаме Альбер присутствовал в гордом одиночестве. Пресс-служба княжеского дома заявила, что в тот день княгиня отбыла в ЮАР в давно запланированную поездку в рамках благотворительной кампании, однако папарацци поймали ее в модном магазине. Последний раз Шарлин видели с Альбером 10 мая на благотворительном балу

«White Feather Foundation», после которого западная пресса в очередной раз отметила грустную улыбку красавицы. Надо сказать, что Шарлин часто видят невеселой, ее лицо не часто озаряется улыбкой искреннего счастья. А в обществе Байрона она словно преображается. Регбист и княгиня вместе посещают благотворительные акции, а в апреле вместе присутствовали на теннисном турнире. Друзья сидели на трибунах и очень мило беседовали. Байрон периодически что-то нашептывал на ухо монаршей особе, а та отвечала ему улыбкой».

Шарлен и Байрон

Но разве Шарлин не имеет права путешествовать без сопровождения мужа? Разве у нее не может быть собственных друзей? И разве обязательно взаимный интерес между мужчиной и женщиной свидетельствует о романтических отношениях между ними?

На ежегодном балу Красного Креста в Монако в 2013 году князь и княгиня казались такими влюбленными, когда танцевали вместе. Казалось, они видели только друг друга и не замечали ничего вокруг. Конечно, они могли «работать на публику». Сильным мира сего нередко приходится это делать.

С самого момента помолвки Альберта и Шарлин журналисты сразу же отметили, как похожа избранница князя на его мать Грейс Келли. Между ними действительно есть что-то общее: нежная, утонченная красота, безупречный стиль и прекрасные манеры. История Грейс печальна, и ничего уже невозможно исправить. Хотелось бы верить, что князь Альбер не повторит ошибок отца, и княгиня Шарлин еще будет счастлива.

Джулиан Леннон, княгиня Шарлен, Князь Альбер и Вупи Голдберг на традиционном бале The White Feather Foundation

Глава 25
ОПАСНЫЕ СВЯЗИ ПРИНЦЕССЫ СТЕФАНИИ

Старшие дети княжеской четы Монако всегда делали то, что хотели, и жили так, как им нравится. Но малютка Стефания, появившаяся на свет 1 февраля 1965 года, перещеголяла и брата и сестру. Отчаянная, безрассудная, настоящий «дикий ребенок», как с нежностью называла ее мать, она не задумывалась об общественном мнении или о том, не станет ли очередная ее выходка причиной сердечного приступа у родителей. Она вообще не хотела быть принцессой. Ее семья казалась ей чужой, и навязываемый образ жизни представлялся непосильной ношей.

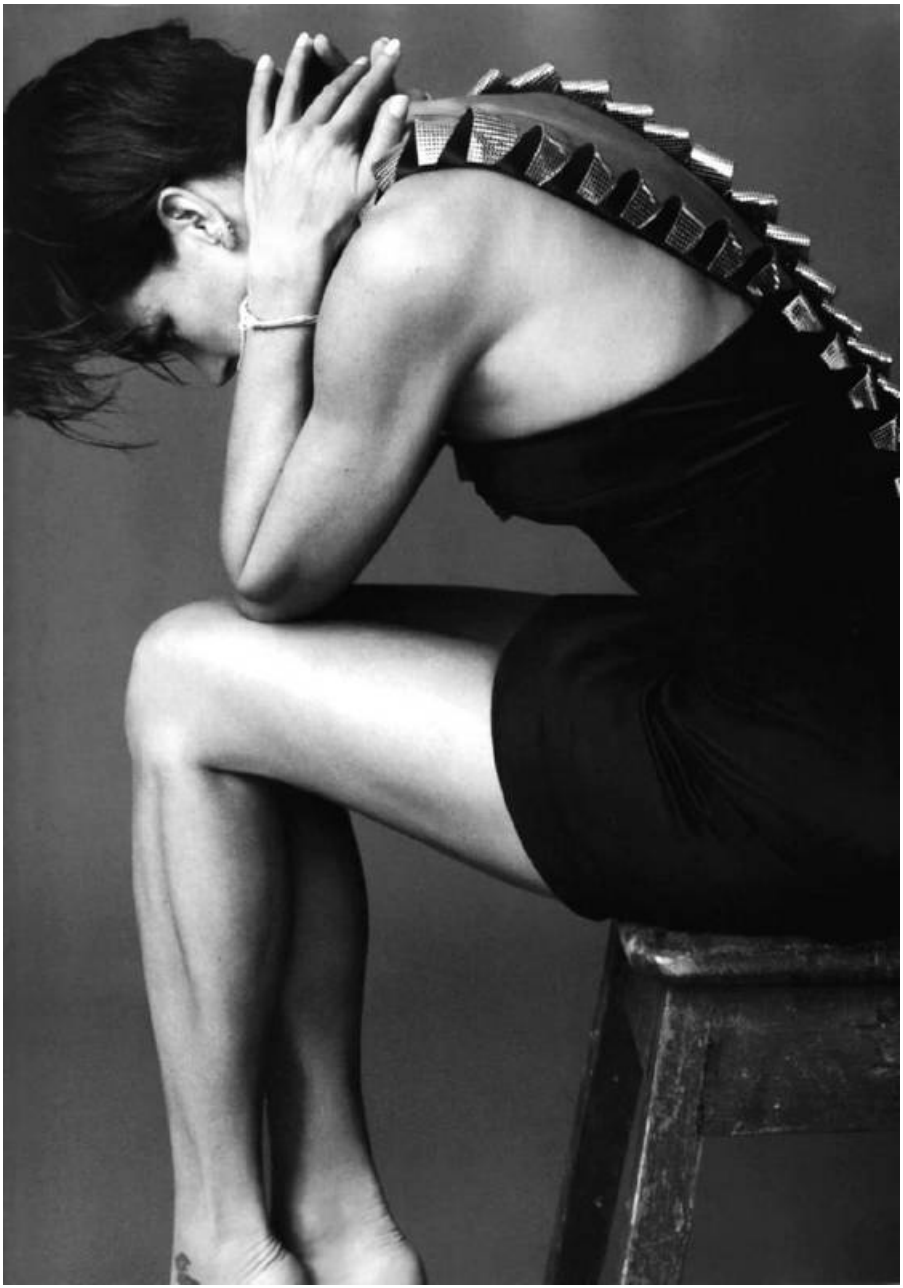
Для Грейс младшая дочь казалась драгоценным подарком судьбы. «Она моя кукла! Как же я могу ее не баловать?» — отвечала она подруге, упрекавшей ее в чрезмерно вольном воспитании девочки. Но именно со Стефанией отношения у княгини складывались тяжелее всего.

В детстве Стефания любила представлять себя подкидышем. Будто бы однажды ее мать нашла корзинку с младенцем, оставленную у порога замка кем-то неизвестным. Ирония судьбы: большинство девочек мечтают стать принцессой, а Стефания… Какой именно она видела свою жизнь? К сожалению, она сама так и не смогла этого понять, кидаясь из крайности в крайность в попытках попробовать в жизни все.

«Меня давно преследуют безумные грезы, — писала Стефания в дневнике, — будто я нахожусь во плоти другой женщины. У нее светлые длинные волосы, тихий голос и совершенно иная жизнь. Я называю ее Мари. Каждое утро, просыпаясь, открываю балконные двери. Левая створка ударяется о ствол мандаринового дерева. На плетеном стуле и под ним валяются упавшие за ночь фрукты. Солнце заливает мою комнату горячим светом. Прямо на моем окне свили гнездо белые голуби. Сердце переполняется щемящей надеждой на то, что все еще возможно, все еще впереди. Я могу уехать в чужую страну, сменить имя, жить другой жизнью, забыть или хотя бы попытаться забыть прошлое. Не перестаю терзать себя вопросом, на который нет ответа: как избежать будущего, которое было выбрано за меня, помимо моей воли?»

Всю свою жизнь Стефания бежала от своей жизни и от себя «ненастоящей» к какому-то неведомому идеальному образу. И каждый раз натыкалась на преграду. Порой она доходила до того, что признавалась отцу в том, что ей все настолько надоело, что хочется спрыгнуть в море с крыши здания старинного музея Океанографии. Обеспокоенный Ренье приказывал охранникам глаз с нее не спускать и даже нанял психотерапевта. Но тот после первого же сеанса отказался от работы с принцессой, заявив, что она «не поддается влиянию». Ренье не стал спорить… Кому как не ему было знать, как может быть трудно с его «диким ребенком».

В детстве Стефания училась в очень престижной школе для девочек при монастыре «Святой Каролины», где помимо общих дисциплин ей преподавали музыку и танцы, спортивную гимнастику и верховую езду. Позже она отправилась учиться в Париж, где ее быстро затянула веселая, бесшабашная жизнь с дискотеками, наркотиками и алкоголем. Все попытки родителей наставить ее на путь истинный, а так же переводы в другие школы не увенчались успехом. Стефании нравилось вести беспечный образ жизни, она не стремилась к тому, чтобы получить хоть сколько-то серьезное образование, — это было слишком скучно.



Принцесса Стефания. Фотосессия для журнала VOGUE

Оправившись после смерти матери, которая была для нее, конечно тяжелым ударом, Стефания начала поиски своего места в

жизни. Неограниченные средства и громкое имя предоставляли ей возможность попытаться найти себя в совершенно разных сферах деятельности, легко добиться успеха там, где кому-то другому пришлось бы приложить массу усилий. Может быть, именно поэтому ни к каким своим начинаниям она не относилась серьезно? Ей все давалось слишком просто…

Стефания была моделью торгового дома «Диор», снималась для модных журналов, потом сама решила сделаться модельером и даже создала свою линию купальников. Чуть позже она выпустила духи, которые журналисты тут же назвали «ароматом порока».

Мир моды Стефании наскучил и она решила стать певицей. В 1986 году она записала свою первую песню «Ouragan». В том же году вышел ее альбом «Besoin». Громкое имя было хорошей рекламой, благодаря которой ее творчество пользовалось некоторой популярностью. Но и только… Стефания быстро разочаровалась в карьере рок-певицы.

Бросив все в очередной раз, принцесса снова отправилась на поиски смысла жизни, делая это весьма оригинальным способом. Как-то раз она призналась журналистам, что всему виной трагедия произошедшая с матерью у нее на глазах. Она словно «заболела» — ее охватила безудержная жажда наслаждений. Ей хотелось всего и сразу. Она пробовала наркотики, каждый день перекрашивала волосы, делала татуировки и сводила их. Она ночами напролет гоняла на мотоцикле по Парижу или в кокаиновом экстазе отплясывала на дискотеках, а потом тащила в постель очередного любовника. Среди ее избранников попадались и престарелые миллионеры, и светские львы, и голливудские звезды, и богатенькие сыновья знаменитостей: от Микки Рурка и Доди аль-Файеда до Антони Делона и Поля Бельмондо. Мало кто мог продержаться радом со Стефанией больше месяца.

«Она совершенно невменяемая дикарка, — вспоминал о своей связи со Стефанией голливудский актер Роб Лоу. — Импульсивная истеричка, без тормозов. Принцесса все время предлагала мне уехать в Южную Африку и поселиться там в хижине. Это было ее навязчивой идеей.»

Первое серьезное чувство у неистовой принцессы вызвал Даниэль Дюкруэ, бывший полицейский, приставленный к ней охранником. История их любви начиналась довольно романтично… Во время какого-то общественного мероприятия в Монако Дюкруэ вдруг показалось, что злоумышленник в толпе хочет застрелить его подопечную. Он толкнул Стефанию на заднее сидение автомобиля и самоотверженно накрыл своим телом, пролежав так на ней несколько минут.

— Это моя работа, простите, — смущенно сказал он позже.

Стефания простила. Более того, она была потрясена и восхищена. И в ту же ночь сбежала к своему герою на свидание, спустившись из окна спальни по бельевой веревке.

Роман с охранником Стефания ни от кого не скрывала. Ни гнев отца, ни возмущение высшего света не имели для нее никакого значения. Она была влюблена… Впервые в жизни она действительно была по-настоящему влюблена.

Стефания покинула дворец и поселилась с возлюбленным в небольшом особнячке, где они жили спокойно и счастливо. В ноябре 1992 года Стефания родила сына Луи. А еще через два года, дочь — Полин.

Ренье III долго не давал разрешения на бракосочетание дочери с Дюкрэ. Принцесса и охранник, — такой чудовищный мезальянс, это уже слишком! Но рождение внуков заставило его сердце смягчиться. А может быть, он просто поверил, что Стефания, наконец, образумилась и будет вести теперь достойный образ жизни. Если так — то пусть охранник становится принцем. Дело того стоит!

В 1995 году Стефания Монакская и Даниэль Дюкрэ обвенчались.

И тут же их счастье разлетелась вдребезги, — должно быть вступило в силу то самое знаменитое проклятие Гримальди… Брак Стефании просуществовал всего лишь год. После чего разразился скандал, закончившийся разводом.

Что случилось на самом деле — сказать сложно. Даниэль Дюкрэ утверждал, что его подставили, и некоторые факты действительно указывают на это. Но очевидно и то, что невинной жертвой супруга Стефании считать было бы нелепо: на интимных фотографиях с любовницей он выглядел вполне довольным.

С Фили Утман, стриптизершей, удостоенной высокого титула «Мисс Бельгия — обнаженная грудь 1994 года», Даниэль познакомился на автогонках. А несколько месяцев спустя, отдыхая на Лазурном берегу, Фили пригласила его навестить ее на вилле, где отдыхала. Даниэль приглашение принял. Впоследствии, когда фотографии и видео развлечений любовников попали в прессу, Фили всячески отрицала, что имела к отношение к разоблачению. Но, в конце концов, выяснилось, что скандал подстроил некто Стефан де Лисисски, владелец фотоагентства, специализирующегося на сенсациях. Это он снял виллу с бассейном и отправил туда стриптизершу, заранее разместив в засаде фотографов.

Стефания была в ярости и прощать изменника не собиралась, хотя раскаяние его было так велико, что он даже написал книгу,

весьма объемное произведение, получившее название «Письмо Стефании».

«То была не встреча принцессы и телохранителя, а история мужчины и женщины, — писал Дюкруэ. — Мы были готовы на все, чтобы отстоять свою любовь: сражаться, презирать запреты, противостоять любой лжи… Сила нашей любви и рождение наших детей позволили объединить два полностью различных мира… Я убежден в том, что меня преднамеренно опоили наркотиком экстази, поэтому я не отдавал себе отчета в своих действиях».

На Стефанию это трогательное послание не произвело впечатление. Она так и не простила мужа. Впрочем, — может быть ей просто надоела скучная жизнь добропорядочной матери семейства. Она много путешествовала по миру. Какое-то время жила в Америке, но потом снова вернулась в Монако, где заводила легкомысленные интрижки то с барменом, то с шофером, то с тренером из фитнесс-центра.

Потом Стефания снова влюбилась — и снова в охранника! И хотя официально она не называет имени отца своей дочери Камиллы, родившейся в июле 1998 года, оно хорошо известно. Это Жан-Реймонд Готлиб.

Выходить замуж за отца своего ребенка Стефания на сей раз не спешила. Следующий безумный роман у нее случился с директором швейцарского цирка-шапито и дрессировщиком слонов Франко Кни.

Они познакомились, когда цирк был на гастролях в Монако. Принцесса Стефания присутствовала на представлении дрессировщика, и без памяти в него влюбилась. Франко Кни был на тот момент женат, но Стефанию это вовсе не остановило. Даже несмотря на то, что супруга возлюбленного устроила скандал и отказалась давать ему развод, принцесса купила автофургон и в течение довольно долгого времени следовала за бродячим цирком по всем его гастролям, совершенно счастливая своей новой жизнью. Она даже выходила на цирковую арену вместе с артистами. Иногда в представлениях участвовала и восьмилетняя Полин.

Но наконец бродячая жизнь наскучила Стефании и она вернулась домой. Однажды утром, никому не сказав ни слова, она села в свой трейлер и уехала в Монако. Где-то на полпути она остановилась и столкнула машину в море, таким оригинальным образом распрощавшись с прошлым.

Впрочем, цирк все же надолго запал в ее душу. И в жизни Стефании было еще два романа с циркачами. В 2003 году она даже вышла замуж за португальского акробата Адана Лопеса

Переса. А на следующий год бросила мужа, влюбившись в его коллегу из России…

Вернувшись после всех этих приключений в Монако, Стефания вдруг узнала, что отец ее очень болен и, как писали газеты, проявила неожиданные для нее чудеса любви и самопожертвования, едва ли не сутками дежуря у постели умирающего князя. Говорят, перед смертью Ренье окончательно помирился с дочерью и простил ей все безумные выходки. С братом и сестрой у Стефании отношения еще долго оставались натянутыми. Каролина осуждала ее слишком вольный образ жизни, несмотря на то, что сама не особенно соблюдала светские приличия. Впрочем, может быть, на самом деле причина разногласий между сестрами — недолгий роман Стефании с Филиппом Жюно, бывшим мужем Каролины.

В последнее время Стефания как будто остепенилась. Она живет в Монако, занимается воспитанием детей и благотворительностью. Принцесса открыла центр «Очаг жизни принцессы Стефании» — там помогают инвалидам, и создала ассоциацию «Монако в борьбе со СПИДом». А вот с личной жизнью у нее все по-прежнему довольно печально. Достойного мужчины с ней рядом так и не появилось.

Эпилог
РОЗЫ НА МОГИЛЕ

«Gratia Patricia, Prlncipis Rainierii III Uxor,
Obiit Ann. Dni. MCMLXXXII» —

написано на простой мраморной плите:

«Грейс Патриция, супруга князя Ренье III,
скончалась лета Господня 1982».

По сей день на этой плите всегда лежат цветы. Столь любимые Грейс розы.

18 июня 1984 года в память о Грейс и по инициативе ее мужа был открыт «Розарий княгини Грейс». В розарии на площади 3300 кв. м высажено около 4000 кустов роз примерно 150 сортов и видов, а всего в саду произрастает около 14 000 растений. И конечно, главным украшением розария являются ровные ряды кустов, на которых цветет «Принцесса Монако».

Ренье Гримальди скончался 6 апреля 2005 года. Нельзя сказать, что он был веселым вдовцом. Говорили, будто Ренье очень тоскует по Грейс, но если учесть, какие отношения держались между ними в последние десятилетия брака, это утверждение сомнительно.

Но и для веселья особых поводов у Ренье не было: слишком сложно все складывалось у его детей, слишком много сил приходилось тратить на поддержание рушащегося имиджа дома Гримальди. Он скончался, так и не дождавшись, когда его сын и наследник Альбер женится. Правил Ренье III 56 лет: самый долгий срок для европейских монархов XX века.

Это только в сказках так бывает, чтобы принц и его возлюбленная Золушка «жили долго и счастливо, и умерли в один день». В реальной жизни даже супружество с принцем не гарантирует счастья, а воплощенная сказка может получить весьма печальный финал.